

IOANNIS CALVINI
COMMENTARIUS IN EPISTOLAM AD HEBRAEOS

BRUNSVIGAE,
APUD C. A. SCHWETSCHKE ET FILIUM
(APPELHANS & PFENNINGSTORFF)
1892

ЖАН КАЛЬВИН
ТОЛКОВАНИЕ НА ПОСЛАНИЕ К ЕВРЕЯМ

Перевод с латинского И.В. Мамсурова
Редактор: В.М. Лоцманов

2009 г.

Предисловие

Не только об авторе данного послания некогда шли ожесточенные споры. Оно само было достаточно поздно принято латинскими церквями. Послание подозревали в том, что оно будто бы потворствует Новату, отказывая в прощении согрешившим. И в своем месте мы покажем, сколь необоснованно подобное подозрение. Лично я безоговорочно принимаю это послание среди прочих апостольских писаний и не сомневаюсь: то, что некоторые в прошлом отказывали ему в авторитете, связано с кознями сатаны. Ни одна другая священная книга не говорит столь ясно о священстве Христовом, не превозносит столь величественно силу и достоинство единственного жертвоприношения, состоящего в Его смерти, не рассматривает столь подробно употребление и отмену обрядов, не объясняет понятнее положение о том, что Христос – конец закона. Посему не потерпим, чтобы Церковь Божия и сами мы лишились подобного блага. Будем же твердо отстаивать за собой обладание этим сокровищем.

Далее, не стоит так уж беспокоиться о том, кто именно написал это послание. Одни думали, что оно принадлежит Павлу, другие – Луке, третьи – Варнаве, четвертые – Клименту, как о том сообщает нам Иероним. Хотя Евсевий упоминает только Луку и Климента в шестой книге Церковной Истории. Знаю, что во времена Златоуста греки повсеместно принимали это послание за Павлово. Но латиняне думали иначе. Особенно те, что жили ближе ко временам апостолов. Я также не нахожу достаточных доводов для признания за посланием авторства Павла. Утверждающие, будто имя апостола пропущено умышленно, как вызывавшее ненависть иудеев, не способны это доказать. Почему же, если это так, автор упоминает имя Тимофея? Ведь таким образом он по сути дела себя выдавал. Но сама манера научения, а также стиль, достаточно показывают, что автором был не Павел. Да и сам писатель во второй главе признается, что относится к числу апостольских учеников. А это – весьма далеко от привычки Павла. Кроме того, указание на обычай преподавать катехизис не подходит ко времени апостола. Другие нестыковки мы отметим в своих местах.

Я знаю, как обычно объясняют разницу в стиле. О нем, якобы, нельзя судить потому, что послание с еврейского на греческий перевел не Павел, а Лука или кто-то другой. Однако предположение это весьма легко опровергнуть. Не говоря уже о других цитируемых из Писания отрывках, если бы послание было написано на еврейском, в термине «завет» не содержалось бы никакого намека, на который обращает внимание автор. То, что он в девятой главе говорит о правах завета, нельзя почерпнуть из другого источника, кроме греческого языка. Ведь διαθήκη у греков имеет двойственное значение. Для евреев же слово ברית означает только завет. Уже этого довода здравомыслящим людям достаточно для доказательства того, что послание писалось на греческом языке. Столь же малоубедительно возражение противников о том, что апостол вероятнее всего писал иудеям на их родном языке. Много ли было тогда евреев, понимавших язык своих дедов? Каждый из них учился тому наречию, в какой стране обитал. Кроме того, греческий язык был тогда распространен более всех прочих.

Перехожу теперь к содержанию послания. Скажу сразу: основная задача заключалась не в том, чтобы убедить иудеев, что Иисус, Сын Марии, есть Христос и обетованный им Искупитель. Поскольку автор писал людям, уже принявшим христианскую веру, он считал этот пункт самоочевидным. Однако главная его задача была в том, чтобы показать, в чем именно состоит служение Христово, и доказать, что с Его приходом всем обрядам положен конец. Весьма полезно провести подобное различие. Ведь, как апостол напрасно трудился бы, доказывая уверовавшим, что Явившийся воистину есть Христос, так и надлежало их учить тому, Кого именно Он из Себя представлял. Потому что они еще не понимали ясно цель, силу и плоды Его пришествия и, ложным образом истолковывая закон, тень принимали за саму истину. Такой же спор и мы ведем сегодня с папистами. Они признают вместе с нами, что Христос – Сын Божий и обещанный миру Искупитель. Но на деле больше чем наполовину приуменьшают Его силу.

Автор послания начинает с достоинства Христова, ибо иудеям казалось абсурдным предпочитать Евангелие закону. Сначала священнописатель заявляет, что именно он хочет доказать: принесенное Христом учение обладает преимуществом потому, что является венцом всех пророчеств. Но поскольку здесь могло помешать почтение, которое иудеи выказывали Моисею, автор учит, что Христос сильно превосходит всех остальных. Кратко показав, какими титулами выделяется Христос, он особо подчиняет Ему ангелов, а вместе с ними и прочее творение. Автор разумно начинает именно с этого довода. Ведь если бы он начал с Моисея, сравнение могло бы вызвать неприятие. Поскольку же из Писания явствует, что Христу уступают в достоинстве даже небесные силы, у Моисея и других смертных нет причин для отказа сопричислить себя к ним. Дабы Сын Божий верховенствовал над всеми: как ангелами, так и людьми.

Итак, апостол, поставив ангелов под власть Христову, сразу же, словно набравшись смелости, возвещает, сколь ниже Христа сам Моисей. Настолько, насколько раб ниже своего Господина. Значит, помещая Христа в трех первых главах на самую вершину власти, апостол хочет сказать: когда говорит Христос, всем надлежит умолкнуть. Нам ничего не должно мешать тщательно и прилежно внимать принесенному Им учению. Хотя во второй главе автор, предлагая нам Христа в качестве брата, облеченного в одинаковую с нами плоть, таким образом завлекает нас, дабы мы охотнее посвятили и предали Ему себя. Одновременно он приводит увещания и угрозы тем, кто медлителен в послушании или надменно противится Христу, продолжая эту тему вплоть до конца главы четвертой.

Затем автор переходит к священству Христову, истинное и правильное познание которого отменяет все обряды закона. Но здесь он лишь вкратце указывает на то, сколь сильно мы должны его любить и с каким наслаждением на него полагаться, понемногу переходя к упрекам в адрес иудеев. Ведь они, словно дети, колебались даже в самых начатках спасительного знания. И за это апостол угрожает им суровым отвержением. Весьма опасно, если они, будучи ленивыми в преуспевании, в конце концов окажутся отвергнутыми Господом. Однако он тут же смягчает суровость, говоря, что надеется на лучшее в их отношении, и скорее побуждает к усердию, нежели внушает страх.

Затем автор возвращается к рассмотрению священства Христа. Во-первых, он учит, что оно отличается от законнического ветхого священства. Во-вторых, что оно обладает преимуществом, заступая на место ветхого и подтверждаясь божественной клятвой. То, что вечно, всегда будет оставаться в силе. Ибо Обладатель этим священством превосходит достоинством Аарона и всех представителей колена Левиина. Автор показывает, что образ этого священства был оттенен в личности Мелхиседека.

И дабы лучше доказать отмену законнических обрядов, он упоминает, что они вместе со скинией были установлены для иной цели, а именно: служить небесному первообразу. Из этого следует, что к ним не стоит привязываться, если мы не хотим, презрев конечную цель, остановиться на половине пути. Для этого автор приводит отрывок из Иеремии, где обещается новый завет, представляющий не что иное, как исправление ветхого. Отсюда следует, что сам ветхий завет немошен и преходящ.

Затем, рассуждая о схожести и соответствии теней и истины, явленной во Христе, автор заключает: единственная жертва Христова отменила все установленные Моисеем обряды. Ведь у жертвы этой – вечная действительность. И она является не только узаконением нового завета, но и истинным духовным восполнением законнического ветхого священства. К этому учению апостол в качестве стимула присоединяет увещание, дабы иудеи, попросившись со всеми отговорками, приняли Христа с положенным Ему уважением.

Многочисленные же примеры святых отцов, приведенные в одиннадцатой главе, на мой взгляд должны были внушить иудеям простую мысль: если от Моисея они перейдут ко Христу, то не только не отойдут от святых отцов, но и в наибольшей степени им уподобятся. Ведь если в последних главной добродетелью, и корнем всех прочих добродетелей, была вера, отсюда следует, что именно она должна отличать детей Авраама и пророков. И наоборот, вырождались все те, кто не следует священной отеческой вере. И немало прославляет Евангелие тот факт, что в нем мы соглашаемся и соединяемся со вселенской Церковью, существовавшей от начала мира.

Две последние главы содержат разные наставления по обустройству жизни, о надежде, о несении креста, о стойкости, о благодарности Богу, о послушании, милосердии, обязанностях любви, чистоте и тому подобном. Наконец автор завершает послание молитвой, одновременно давая адресатам надежду на свой скорый приход.

Глава 1

1. Бог, многократно и многообразно говоривший издревле отцам в пророках, 2. в последние дни сии говорил нам в Сыне, Которого поставил наследником всего, чрез Которого и веки сотворил.

(1. Бог, некогда многократно и многообразно говоривший отцам в пророках, 2. в последние дни сии говорил нам в Сыне, Которого поставил наследником всего, чрез Которого и веки сотворил.)

1) *Бог, многократно.* Это начало прославляет для нас Христово учение. Автор учит, что его не только следует почтительно принимать. В нем и только в нем надо полагать свое упование. И дабы лучше понять эту мысль, отметим антитезис между отдельными частями фразы. Во-первых, Сына Божия писатель сравнивает с пророками, затем – нас с отцами, в-третьих, разнообразную и многократную речь Божию, обращенную к отцам, с последним откровением, принесенным через Христа. Но при всем этом различии нам проповедует Тот же Самый Бог, дабы кто не подумал, что закон воюет с Евангелием, или что автор Евангелия отличен от автора закона. Посему, чтобы усвоить смысл сказанного, нарисую следующую схему:

Бог говорил

Некогда через пророков:

Теперь же через Сына.

Тогда Он обращался к отцам:

Теперь же обращается к нам.

Тогда говорил многократно:

Теперь же говорит как в конце времен.

Положив этот фундамент, автор легко показывает согласие между законом и Евангелием. Ведь Бог, будучи всегда подобен Самому Себе, речь Которого – неизменная и неколебимая истина, говорил через оба этих откровения. Но следует отметить: между нами и отцами имеется разница. Ведь некогда Бог обращался к ним иначе, чем ныне обращается к нам. Во-первых, к отцам Он посылал пророков, а к нам – Собственного Сына. Значит, наше положение в этой части уже превосходнее. Далее, в числе пророков находится и Моисей, будучи одним из тех, кто сильно уступает в чести Сыну. Но мы превосходим отцов и в отношении способа откровения. Ведь различие видений и обустройства в ветхом завете служило доказательством того, что еще

не настал постоянный и надежный порядок, подобающий наилучшему устройству дел. Сюда же относятся слова: многократно и многообразно. Ведь Бог сохранил бы эту форму обращения до конца, будь она абсолютно совершенной. Значит, многообразие способов откровения служило признаком несовершенства.

Далее, эти два слова я понимаю так, что многократность отношу к временной последовательности. По-гречески оно звучит **πολυμερῶς**. Дословно его можно перевести как «многими частями». Так и происходит, когда мы решаем впоследствии полнее изложить суть дела. **Πολυτρόπως** же (на мой взгляд) означает разницу способов передачи. Говоря же, что Бог говорил нам «в последние дни», автор имеет в виду, что нет больше причин ожидать какого-то нового откровения. Ибо слово, принесенное Христом, – не частичное, а завершающее. Именно в этом смысле апостолы говорят о последнем времени и последних днях. Именно это разумел Павел, написав (1Кор.10:11), что мы застали конец времен. Если же Бог говорил теперь в последний раз, значит, надо идти ровно до этой точки, и, дойдя до нее, остановиться.

И то, и другое весьма необходимо понять. Ведь иудеи не подумали о том, что Бог перенес более полное откровение на более позднее время. И это сильнейшим образом им помешало. Поэтому, довольствуясь своим законом, они не спешили к конечной его цели. С того же момента, как явился Христос, в мире стало процветать противоположное зло. Ибо люди желают идти дальше Христа. Что еще представляет собой все папство, если не переход установленного апостолом предела? Посему как Дух Божий приглашает всех придти ко Христу, так же Он запрещает преступать пределы принесенного Им откровения. Так что конечная степень нашей мудрости помещается здесь в Евангелии Христовом.

2) *Которого поставил наследником.* Автор украшает Христа этими титулами, дабы внушить нам уважение к Его личности. Поскольку Отец покорил Ему все, мы также находимся под Его властью. Одновременно автор показывает: вне Христа нет никакого блага, поскольку Он – вселенский Наследник. Отсюда следует: мы – несчастнейшие люди, лишенные всяческих благ, если нас не обогатит Христос. Священнописатель добавляет: эта честь властвовать над всем по праву принадлежит Сыну Божию, ибо через Него сотворено все, хотя эти две вещи относятся к Нему в разном смысле. Мир сотворен через Него постольку, поскольку Он – есть вечная Отчая премудрость, с самого начала управлявшая Его делами. Отсюда выводится вечность Иисуса Христа. Ведь Ему надлежало существовать еще до того, как через Него сотворился мир. Если же спрашивается о длительности существования, то для него нельзя указать никакого начала. И власть Христову не умаляет то, что мир назван сотворенным не Им, а через Него, словно не Он его сотворил. Вполне обычная форма выражения состоит в том, что Творцом зовется Отец. Когда же в иных местах добавляется: через Премудрость или Слово, или Сына, – это равносильно тому, как если бы Творцом была названа Сама Премудрость.

Однако иногда личностное различие означает не только по отношению к людям, но так, как оно существует в Самом Боге, между Отцом и Сыном. Значит, единство сущности приводит к тому, что все сущностное в Боге принадлежит и Отцу, и Сыну. И все, относящееся к Богу в простом смысле, обще для Них Обоих. Однако это не мешает каждому Лицу иметь присущее Ему свойство.

Имя же «наследника» приписывается Христу как явленному во плоти. Ибо Он воспринял сие наследие постольку, поскольку, сделавшись человеком, облекся в одинаковую с нами природу. Причем с целью вернуть нам то, что ранее мы успели утратить в Адаме. Ведь Бог вначале поставил человека как бы Собственным сыном, наследником всех принадлежащих Ему благ. Но первый человек, отпав от Бога посредством греха, лишил себя и свое потомство благословения Божия вместе со всеми сопутствующими благами. Итак, мы тогда по праву начинаем наслаждаться божественными щедротами, когда Христос, будучи наследником всего, принимает нас в Свое общение. Ибо Он для того Наследник, чтобы обогатить нас Собственным достоинством. И апостол, украшая Его этим титулом, дает нам понять: без Христа мы лишены всяческих благ. Если же слово «все» понимать в мужском роде, то смысл будет следующим: мы должны покоряться Христу, поскольку даны Ему от Отца. Но я скорее прочту это слово в среднем роде. Тогда оно означает, что мы не вступим в обладание небом и землею, а также всеми творениями, покуда не соединимся со Христом.

3. *Сей, будучи сияние славы и образ ипостаси Его и держа все словом силы Своей, совершив Собою очищение грехов наших, воссел одесную (престола) величия на высоте.*

(3. *Который, будучи сиянием славы и образом Его субстанции и держа все Своим могущественным словом, совершив Собою очищение грехов наших, воссел одесную величия на высоте.*)

3) *Сей, будучи сияние славы.* Сказанное частично относится к божественной сущности Христа, а частично к Нему же, облеченному в нашу плоть. То, что Он назван сиянием славы и образом субстанции, присуще Его божеству. Остальное же относится и к человеческой природе. Однако все это сказано для прославления достоинства Христова. Далее, Сын называется сиянием славы и образом субстанции по одной и той же причине. Оба выражения надо понимать в переносном смысле. Ибо о столь потаенных вещах можно сказать что-либо, лишь позаимствовав подобие от сотворенного. Посему нет повода для утонченных рассуждений о том, как Сын, имеющий одну сущность с Отцом, одновременно является сиянием, проистекающим из Отчего света. Следует признать: термины, переносимые от творения на тайное божественное величие, в некотором смысле ему не собственные. Однако к Богу вполне уместно прилагается то, что воспринимают наши чувства.

Этим нам дается понять, что именно надо искать во Христе, и какую пользу Он нам приносит. Надо также отметить следующее: здесь нас учат не пустым мудрствованиям, но надежному учению веры. Посему мы должны найти употребление приведенному здесь восхвалению Христа в том смысле, в каком оно имеет отношение к нам. Итак, когда ты слышишь, что Сын есть сияние Отчей славы, думай про себя так: слава Отца невидима для тебя, доколе не воссияет во Христе. И Он потому зовется образом Отчей субстанции, что величие Отца остается сокрытым, доколе не явится как бы запечатленным в образе.

Те же, кто, не думая об отношении сказанного к нам, философствуют еще возвышеннее, напрасно утруждают себя, не понимая преследуемой апостолом цели. Ведь он хотел не сообщить о том, каково внутреннее сходство Отца с Сыном, но, согласно уже сказанному, дать плодотворное назидание в вере, дабы мы знали: Бог является нам не иначе как в лице Иисуса Христа. Ибо безмерное сияние божественной сущности затмевает наши очи, доколе не станет светить нам через Христа. Отсюда следует, что мы слепнем при свете Божиим, если он не блистает в лице Христовом. Вот воистину полезная философия: из искреннего ощущения веры и собственного опыта узнать о превосходстве Иисуса Христа.

То же самое (как было сказано) надо думать и о слове «образ». Поскольку Бог Сам по Себе для нас непостижим, образ Его является нам в лице Сына. Значит, *ὑπαύλασμα* означает здесь не что иное, как видимый свет или отблеск, который могут воспринять наши очи. А *χαρακτήρ* – живую форму скрытой субстанции. Первый термин учит нас: вне Христа нет ни капли света, но одна лишь тьма. И поскольку Бог является единственным светом, коим нам надлежит просвещаться, Он переливается в нас лишь посредством, так сказать, Христова излучения.

Во-вторых, нас поучают, что твердо и истинно Бог познается лишь во Христе. Ведь Христос – не темный и неясный Его образ, но яркое изображение, являющий Бога подобно тому, как монета являет форму пресующей ее матрицы. Хотя апостол говорит и нечто большее, а именно: что во Христе неким образом запечатлевается сама Отчая субстанция. Слово *ὑποστάσεως*, которое я, следуя остальным, перевел как «субстанция», на мой взгляд, означает здесь не сущность или бытие Отца, а Его Лицо. Ведь глупо было бы говорить, что во Христе запечатлена сущность Божия, поскольку у Отца и Сына одна и та же неделимая божественная сущность. Однако воистину хорошо сказано, что все, принадлежащее Отцу, отображается в Сыне. И всякий имеющий Сына, одновременно имеет все, находящееся в Отце. В этом значении православные отцы и используют слово «ипостась», говоря, что она троична в Боге, а *οὐσία* единственна. Также и Иларию повсеместно понимает латинское слово «субстанция» как означающее Лицо. Впрочем, даже если у апостола и было намерение говорить не о том, каков Христос Сам по Себе, а о том, каким Он являет Себя нам, все равно, он достаточно опровергает Ариан и Савеллиан, отстаивая за Христом, свойственное одному лишь Богу, и одновременно указывая на две разные ипостаси Отца и Сына. Ведь отсюда мы выводим, что Сын – Один и Тот же Бог с Отцом, тем не менее, отличающийся от Отца определенным личностным свойством. Так что у Каждого из Них имеется Собственное самобытное существование.

И держа все. Держать здесь означает сохранять, делать так, чтобы творения пребывали в присущем им состоянии. Автор имеет в виду, что все исчезнет, если не будет поддерживаться силою Христовой. Хотя указательное местоимение *αὐτός* можно относить как к Отцу, так и к Сыну. И можно перевести как «Его», так и «Своим могущественным словом». Однако поскольку второе толкование более общепринято и наилучшим образом соответствует контексту, я охотно его принимаю. Дословно звучит так: словом силы. Но родительный падеж по еврейскому обыкновению часто означает эпитет. То же, как некоторые переиначивают эту фразу – Христос содержит все Словом Отца, то есть, Самим Собой, поскольку именно Он является Отчим Словом, – ничем не обоснованно. Кроме того, нет нужды в столь натянутом толковании. Ведь Христа обычно называют не *ῥῆμα*, а *λόγος*. Посему «слово» означает здесь просто изъявление воли. И смысл таков: Христос, одним произволением Своим сохраняя весь мир, все же не отказался исполнить служение нашего очищения. И это – второй артикул преподаваемого в данном послании учения. Ибо суть обсуждаемого вопроса заключается в двух положениях: Христа, наделенного верховной властью, следует слушать более всех остальных. И Он, примирив нас с Отцом Собственной смертью, тем самым положил конец всем древним жертвоприношениям. Посему и первое предложение, будучи общим по содержанию, также состоит из двух частей. Далее, говоря «Собою», автор подразумевает антитезис: Христу не помогли в деле очищения тени Моисеева закона. Кроме того, указывается на различие между Ним и левитскими священниками. О них также говорится, как об очищающих грехи. Однако силу эту они заимствовали из отличного от себя источника. Затем, автор, помещая цену и силу очищения в Самом Иисусе Христе, хочет тем самым исключить все прочие средства или вспомоществования.

Воссел одесную. Апостол как бы говорит: совершив в мире людское спасение, Он был принят в небесную славу, дабы управлять всем. Автор добавляет сказанное, давая этим понять, что спасение, обретенное для нас, не является временным. Ибо мы имеем привычку мерить власть по тому, что видим в настоящий момент. Итак, апостол говорит, что силу Христову не следует преуменьшать оттого что наши очи Его не лицезреют. Скорее вершина славы Его и состоит в восприятии и вознесении на небеса, давшем Ему верховную власть. Правая сторона приписывается Богу в силу уподобления. Ведь Бог не заключен в определенном месте и не имеет левого или правого бока. Итак, восседание Христово есть не что иное, как царство, данное Ему

от Отца, и власть, о которой упоминает Павел (Фил.2:10): дабы перед именем Его склонилось всякое колено. Значит, сидеть одесную Отца – то же самое, что и править вместо Отца. Подобно посланникам князей, которым дано право управлять всеми княжескими делами. Слова же «величие» и «на высоте» указывают на то, что Христос сидит на возвышенном престоле, от которого сияет божественное величие. Значит, Христа следует как любить за искупление, так и почитать за указанное здесь величие.

4. Будучи столько превосходнее Ангелов, сколько славнейшее пред ними наследовал имя. 5. Ибо кому когда из Ангелов сказал Бог: Ты Сын Мой, я ныне родил Тебя? И еще: Я буду Ему Отцем, и Он будет Мне Сыном? 6. Также, когда вводит Первородного во вселенную, говорит: и да поклонятся Ему все Ангелы Божиим.

(4. Став столько превосходнее Ангелов, сколько славнейшее пред ними наследовал имя. 5. Ибо кому когда из Ангелов сказал: Ты Сын Мой, я ныне родил Тебя? И еще: Я буду Ему Отцем, и Он будет Мне Сыном? 6. Также, когда вводит Сына во вселенную, говорит: и да поклонятся Ему все Ангелы Божиим.)

4) Будучи столько превосходнее. Поставив Христа впереди Моисея и всех прочих, апостол, сравнивая теперь Христа с ангелами, еще больше возвеличивает Его славу. Иудеям привычно было говорить о том, что закон дан через ангелов. Они слышали возвышенные фразы, повсеместно читаемые о них в Писании. И, поскольку мир удивительно склонен к суевериям, иудеи также, превознося ангелов, затемнили тем самым божественную славу. Значит, надлежало и ангелов поставить на свое место, дабы те не заслоняли собой Христово сияние. Первый довод основан на самом имени: Христос сильно превосходит всех ангелов, поскольку зовется Сыном Божиим. То, что Он действительно наделен таким титулом, апостол доказывает двумя библейскими свидетельствами. И оба этих отрывка нам следует обсудить, а затем подвести общий итог.

5) *Ты Сын Мой.* Нельзя отрицать, что сказанное относится к Давиду. Постольку, поскольку он изображал в своем лице Иисуса Христа. Значит, сказанное в этом псалме в Давиде лишь оттеняется, а во Христе получает яркое выражение. То, что, покорив множество окружавших его врагов, Давид расширил границы своего царства, было неким предзнаменованием обетования: дам Тебе в наследие народы. Однако можно ли сравнить это с величиной царства Христова, простирающегося с востока и до запада? По той же причине Давид назван здесь сыном Божиим. Он был особо избран Богом для совершения выдающихся дел. Но все это было лишь искоркой славы, воссиявшей во Христе, в Котором Отец запечатлел Свой образ. Таким образом, имя Сына по особому преимуществу подобает одному Христу. Его нельзя без профанации переносить на кого-либо еще. Ибо Отец запечатлел Христа и никого другого.

Однако даже в этом случае аргумент апостола не кажется основательным. Ведь почему он говорит, что Христос превосходит ангелов? Потому, что тот носит имя Сына? Словно это имя не обще у Него с другими начальниками, со всеми, наделенными властью, о которых написано: вы – боги, и сыны Всевышнего – вы все. Словно пророк не говорил с почетом обо всем Израиле, когда назвал его (Иер.31:9) первородным Божиим. Ведь имя сына повсеместно приписывается и Израилю. Даже самих ангелов Давид в другом месте называет сынами Божиими, Пс.88:7: кто подобен Иегове между сынами Элохима? Ответ довольно прост: начальники зовутся именем сынов не просто, а в некотором смысле. В Израиле оно означает общую всем евреям благодать избрания, ангелы же зовутся сынами Бога иносказательно, поскольку являются небесными духами, в блаженном бессмертии неким образом вкушающими божескую сущность. Однако когда Давид без добавления называет себя Сыном Божиим, представляя в своем лице Иисуса Христа, он имеет в виду нечто особенное, нечто превосходящее по чести и ангелов, и начальников, и весь Израиль. Иначе, если бы тот, кто не имел чего-то большего, чем остальные, по превосходству назвался бы Сыном Божиим, фраза оказалась бы глупой и неуместной. Ибо тем самым он изъял бы себя из числа прочих и общего стада. Итак, поскольку сказанное: Ты Сын Мой, – в исключительном смысле относится ко Христу, отсюда следует, что никакому ангелу не принадлежит подобная честь. Если же кто снова возразит, что Давида таким образом также возвышают над ангелами, отвечаю. Совсем не абсурдно и его возносить над ангелами постольку, поскольку он изображает собой Христа. Подобно тому, как ангелам не причиняется несправедливости, когда первосвященник, очищающий грехи, называется посредником. Ибо он носил это имя не по собственному праву, но заимствовал его, указывая на будущее царство Христово. Также и таинства, будучи сами по себе мертвыми вещами, означаются титулами, которые ангелы не могут без святотатства себе присвоить. Отсюда явствует: аргумент, основанный на имени Сына, вполне уместен.

Теперь коротко скажем о слове «родил». Здесь оно понимается в относительном смысле. Ибо неуместна тонкость Августина, вообразившего себе вечное и длящееся сегодня. Христос действительно вечный Сын Божий, поскольку премудрость Божия рождена прежде времен. Но это никак не относится к настоящему месту, где сказанное разумеется относительно людей. Коему Христос был признан Сыном Божиим, когда Его явил перед ними Отец. Итак, эти слова, упомянутые и Павлом в Послании к Римлянам 1:4, указывают на некий образ вечного порождения. Ведь тайное и внутренне предшествующее рождение было неизвестно людям и не могло придти им на ум, если бы Отец не подтвердил его видимым откровением.

Буду Ему Отцем. Касательно этого второго свидетельства надо сделать следующее наблюдение: хотя здесь речь идет о Соломоне, который, вообще говоря, ниже ангелов, он все же отделяется от всех прочих, когда Бог обещает быть его Отцом. Ибо Бог не собирался стать ему Отцом как одному из детей Авраама или од-

ному из начальников. Но как тому, кто в чем-то превосходит всех остальных. Итак, привилегия, делающая его сыном, одновременно лишает подобной чести всех прочих. Далее, из контекста явствует: это сказано о Соломоне лишь постольку, поскольку он изображал собою Христа. Ведь и власть над всем миром и вечность этой власти предназначаются для упоминаемого здесь Сына. С другой стороны известно, что царство Соломона находилось в тесных границах и было до такой степени недолговечным, что разделилось сразу же после его смерти, а спустя какое-то время и вовсе пало. Однако в псалме в свидетели призываются солнце и луна, и Господь клянется, что, доколе они сияют на небе, это царство будет непоколебимо стоять. Напротив, царство Давида, рухнув за короткое время, в конце концов полностью исчезло. Затем, из многих пророческих мест можно вывести, что это обетование никогда не понималось иначе, чем по отношению ко Христу. Так что никто не может заявлять о том, что это де новое толкование. Ведь отсюда и возникла у иудеев привычка называть Христа Сыном Давида.

6) *Также, когда вводит Первородного.* Теперь автор приводит другую причину, по которой Христос возвышается над ангелами. Ведь ангелам приказано от Бога Ему поклоняться. Отсюда следует, что Христос – их Глава и Начальник. Однако может показаться неуместным переносить на Христа то, что просто говорится о Боге. Если ответить, что Сам Христос является вечным Богом, и поэтому Ему по праву принадлежит все относящееся ко Всевышнему, не все довольствуются таким ответом. Аргументация, основанная на общем восхвалении Бога, мало способна доказать саму по себе неясную вещь. Ведь речь идет о Христе, явленном во плоти. И апостол особо упоминает о том, что Дух говорил так тогда, когда Сына вводили во вселенную. А это не было бы верным, если бы псалом не относился прямо к явлению Христову. Действительно, в начале псалма верующих призывают радоваться. И Давид обращается не к иудеям, а ко всей земле, включая отдаленные острова, то есть, заокеанские страны. Указывается и причина: поскольку Господь тогда воцарится. Если ты прочтешь даже весь псалом, то не увидишь в нем ничего, кроме царства Христова, начавшегося с проповеди Евангелия. И содержание псалма не что иное, как торжественный указ, дающий Христу обладание Своим царством. Далее, какой повод радоваться Его царству, кроме того, что оно спасительно для всего мира, то есть, как иудеям, так и язычникам? Поэтому апостол уместно говорит здесь о введении Христа в мир. Ибо в этом месте описывается пришествие Христово к людям. Кроме того, еврейское слово Элохим, переведенное здесь как «ангелы», означает также и богов. Но нет никакого сомнения, что пророк говорил об ангелах. Ибо смысл таков: нет такой возвышенной силы, которая не должна покориться власти Царя, приходящим Своим приводящего в радость всю вселенную.

7. *Об Ангелах сказано: Ты творишь Ангелами Своими духов и служителями Своими пламенеющий огонь.* 8. *А о Сыне: престол Твой, Боже, в век века; жезл царствия Твоего – жезл правоты.* 9. *Ты возлюбил правду и возненавидел беззаконие, посему помазал Тебя, Боже, Бог Твой елеем радости более соучастников Твоих.*

(7. *Об Ангелах говорит: Ты творишь Ангелами Своими духов и служителями Своими пламенеющий огонь.* 8. *А Сыну: престол Твой, Боже, в век века; жезл царствия Твоего – жезл правоты.* 9. *Ты возлюбил правду и возненавидел беззаконие, посему помазал Тебя, Боже, Бог Твой елеем радости более соучастников Твоих.*)

7) *Об Ангелах сказано.* К ангелам, то есть об ангелах. Но кажется, что автор придает цитируемому месту чуждый ему смысл. Ведь Давид описывает здесь порядок, наблюдаемый нами в мировом устройении. Поэтому нет сомнения, что в данном отрывке говорится о ветрах, которые Давид зовет вестниками от Господа, пользующегося их быстротою. Подобно тому, как, озаряя землю молниями, Бог показывает, сколь быстрых и подготовленных слуг имеет Он для исполнения Своих приказов. Но сказанное никак не относится к ангелам. Некоторые прибегают здесь к аллегории, словно апостол аллегорически толкует открытый и, как говорится, буквальный смысл, относя его к ангелам. Мне же больше нравится понимать так: данное свидетельство приведено для того, чтобы путем уподобления перенести его на ангелов. Таким образом, Давид сравнивает ветра с ангелами, поскольку первые исполняют в мире то же служение, которое на небе несут ангелы. Ибо ветры – это как бы видимые духи. Действительно, как Моисей, описывая сотворение мира, упоминает лишь то, что восприимчиво для наших чувств, подразумевая, однако же, и нечто более возвышенное, так и Давид при описании мира и природы словно рисует перед нами картину, являющую то, что следует относить также и к небесному порядку. Посему, думаю, что это – доказательство от подобного. И апостол переносит на ангелов то, что прямо должно относиться к ветрам.

8) *А о Сыне.* Следует признать, что этот псалом был написан о Соломоне в качестве свадебного восхваления. Ведь здесь прославляется его брак с дочерью египетского царя. Однако, с другой стороны, нельзя отрицать, что сказанное в псалме много возвышеннее того, что заслуживает Соломон. Иудеи, дабы избежать признания Христа Богом, прибегают к уловке, говоря, что сказано здесь о престоле Божиим, или же подразумевается глагол «утвердил». Так согласно первому толкованию слово **אלהים** надо переводить «престол Твой», или, с употреблением родительного падежа, «престол Бога». Другое толкование видит здесь неполную речь. Однако ясно, что это – сплошные увертки. Итак, всякий, спокойно и без любопытства читающий этот стих, не станет отрицать, что Богом зовется сам Мессия. И нельзя возразить, что данный титул присущ также ангелам и судьям. Ведь нет такого отрывка, где бы он прямо приписывался кому-то одному, кроме Бога. Помимо этого, не споря об отдельных словах, можно спросить: чей престол проповедуется здесь вечно стоящим, если не престол Самого Бога? Значит, вечность царства является свидетельством божественности. За-

тем, жезл царства Христова зовется жезлом правоты. В Соломоне же имелись от этого лишь некие смутные штрихи. Постольку, поскольку он являл себя праведным и ревностным к справедливости царем. Однако в царстве Христовом правота представлена ярче. Ибо Он Своим Евангелием, то есть Своим духовным жезлом, обновляет нас к божественной праведности. То же самое надо думать и о предназначении праведности. Ведь именно потому, что любит, Христос и царствует в Своих людях.

9) *Посему помазал.* Верно, что это было сказано о Соломоне. Царем он был поставлен потому, что Бог почел его остальным братьям, которые были равны ему, и такими же, как он, царскими детьми. Однако более прямо сказанное относится ко Христу, усыновившему нас Себе в качестве сонаследников, хотя мы и не были таковыми по собственному праву. Он помазан более нас всех, поскольку помазан без меры. Мы же помазаны лишь отчасти, согласно тому, как Он уделяет каждому из нас. Кроме того, Христос помазан ради нас, дабы все мы черпали от Его полноты. Посему Он и назван Христом, а мы от Него – христианами, словно ручьи, исходящие из одного источника. Поскольку же Христос принял помазание это в Своей плоти, говорится о том, что Христа помазал Его Собственный Бог. Ведь нелепо было бы подчинять Христа Богу, кроме как по человеческой природе.

10. И: в начале Ты, Господи, основал землю, и небеса – дело рук Твоих; 11. они погибнут, а Ты пребываешь; и все обветшают, как риза, 12. и как одежду свернешь их, и изменятся; но Ты тот же, и лета Твои не кончатся. 13. Кому когда из Ангелов сказал Бог: седи одесную Меня, доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих? 14. Не все ли они суть служебные духи, посылаемые на служение для тех, которые имеют наследовать спасение?

(10. И: в начале Ты, Господи, основал землю, и небеса – дело рук Твоих; 11. они погибнут, а Ты пребываешь; и все обветшают, как одежда, 12. и как плащ свернешь их, и изменятся; но Ты тот же, и лета Твои не кончатся. 13. Кому когда из Ангелов сказал: седи одесную Меня, доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих? 14. Не все ли они суть служебные духи, посылаемые на служение для тех, которые имеют наследовать спасение?)

10) *И: в начале.* На первый взгляд кажется, что нет оснований относить это свидетельство ко Христу, особенно в случае вызывающего сомнения вопроса. Ибо спор шел не о славе Божией, но о том, что подходят Христу в собственном смысле эти слова. Однако здесь нет никакого упоминания о Христе, и выставляется на обозрение одно лишь божественное величие. Признаю, что псалом, действительно, нигде не говорит о Христе прямо. Однако, несмотря на это, Он весьма ясно в нем изображается. Так что никто не усомнится в том, что здесь перед нами откровенно восхваляется Христово царство. И поэтому все сказанное в псалме следует прилагать к личности Спасителя. Ведь ни в ком кроме Христа не было исполнено пророчество: Ты, воскреснув, помилуешь Сион, дабы убоились язычники имени Твоего, и все цари земли – славы Твоей. Также: когда собрались воедино народы и царства, дабы служить Господу. Мы напрасно стали бы искать Бога, соединившего весь мир в единой вере и божественном культе, где-либо еще, кроме Христа. Значит, и остальное, сказанное в псалме, вполне подходит личности Спасителя. И, кроме всего прочего, то, что Он – вечный Бог, Творец неба и земли, что Ему приписана вечность, свободная от любой перемены. Таким образом, и величие Его возвышается до предела, и Сам Он изымается из числа всех творений.

Слова же Давида, учащего будущей гибели небес, некоторые понимают так: даже если бы это и произошло. Словно Давид не утверждает ничего определенного. Однако, какая нужда в столь натянутом толковании, если мы знаем, что все творения покорены суете? Ибо, зачем обновление, которое небеса ожидают словно в нетерпении рожениц, если не оттого, что сейчас они клонятся к гибели? Впрочем, восхваляемая здесь вечность Христова несет благочестивым великое утешение. Ибо псалом заключает, что в будущем они станут Его соучастниками. Подобно тому, как Христос сообщает Себя и все, Себе принадлежащее, Собственному телу, то есть – Церкви.

13) *Кому когда из Ангелов.* Автор превозносит величие Христово еще одним свидетельством, гласящем, насколько Тот превосходит ангелов Божиих. Место взято из Псалма 109:1, и истолковать его можно только в отношении Христа. Ведь царям не подобало прикасаться к священническим обязанностям. Красноречивым свидетелем чего была проказа Узии. Ясно, что ни Давид, ни кто-либо еще из наследников его царства никогда не поставлялся в священники. Отсюда следует: здесь говорится и о новом царстве, и о новом священстве, когда Один и Тот же будет поставлен и Царем, и Священником. Кроме того, вечность священства подobaет, безусловно, одному Христу. Уже в начале псалма Он помещается одесную Бога. Выражение же это (как было уже сказано) означает, что Христу дано второе место после Отца. Здесь присутствует метафора, означающая, что Он – наместник Отца, верховный Посланник, осуществляющий Отчую власть, дабы Отец правил Его десницей. Однако не существует ангела, наделенного подобным достоинством. Значит, Христос сильно превосходит всех небесных духов.

Доколе положу. Поскольку никогда не переведутся враги, нападающие на царство Христово, может показаться, что оно пребывает в постоянной опасности. Особенно, учитывая, что стремящиеся его уничтожить обладают великой силой, владеют разнообразными навыками и воинствуют с яростным напором. Действительно, если принять во внимание видимое нами вокруг, покажется, что царство Христово вот-вот падет.

Однако данное обетование изгоняет из нас всяческий страх, говоря, что Христа никогда не сместят с Его же престола. Скорее, наоборот, это Он повергнет ниц всех Своих врагов. Итак, здесь стоит отметить два положения. Первое: царство Христово никогда не будет пребывать в спокойствии, подвергаясь атакам множества противников. И второе: что бы ни делали враги, они никогда не сумеют возобладать. Ведь сидение Христово одесную Отца не временно и продолжается до конца света. Значит, все, не покоряющиеся его власти, будут повержены и попираемы Его ногами. Если же кто спросит: закончится ли царство Христово тогда, когда Он сумеет ниспровергнуть всех врагов, ответу: оно будет вечным, но в том смысле, в каком Павел говорит о нем в Первом Послании к Коринфянам, 15:25. И следует понимать так: сейчас Бог желает открываться нам только во Христе, тогда же Он явится нам собственной персоной. Однако Христос не перестанет быть Главою людей и ангелов, и честь Его из-за этого ни в чем не умалится. Но разрешение данного вопроса следует искать именно в этом месте.

14) *Не все ли.* Дабы сравнение было понятнее, автор добавляет кое-что о положении ангелов. Наименование «духи» говорит об их превосходстве. И в этом отношении они много выше телесных тварей. Однако *ἀγγέλους*, которую автор сразу же приписывает ангелам, ставит их на надлежащее место. Автор говорит об этом еще яснее, говоря: «посылаемые на служение». Первый эпитет означает, что ангелы как бы являются служащими. Имя же служителей еще смиренней и ничтожней. У ангелов имеется почетное служение, введенное им от Бога. Однако уже то, что ангелы служат, говорит, что они сильно уступают Христу, Господу всех. Если же кто возразит, что и Христос во многих местах зовется рабом и служителем, и не только Бога, но и нас с вами, ответ довольно прост. Сказанное относится не к природе, а к добровольному уничижению. Как об этом свидетельствует Павел (Фил.2:7). Между тем, первенство Христово пребывает при этом невредимым. Напротив, ангелы и были созданы для цели служения, и к этому служению приурочен весь их статус. Значит, между Христом и ангелами имеется большое различие: то, что для ангелов природно, для Христа как бы приходяще и касается лишь плоти, в которую Он облекся ради нас. И на то, к чему ангелы вынуждены, Христос пошел полностью добровольно. Кроме того, Христос является служителем в том смысле, что величие Его власти никак не умаляется в Нем, даже пребывающем во плоти.

Из настоящего отрывка верующие получают великое утешение, слыша, что в служители их записаны небесные воинства, пекущиеся об их спасении. И видеть ангелов усердствующими ради нас – свидетельство необыкновенной божественной любви. Особое укрепление в вере проистекает также из того, что наше спасение, подкрепленное такой защитой, находится вне опасности. Значит, Бог наилучшим образом помогает нашей немощи, давая нам помощников, которые вместе с нами сопротивляются сатане и прилагают все усилия для нашего сохранения. Однако такого благодеяния Бог особо удостоивает Своих избранных. Значит, чтобы ангелы стали нашими служителями, нам надо быть членами тела Христова. Хотя на это можно привести свидетельства Писания, из которых явствует, что ангелы посылаются иногда и для отверженных. У Даниила (10:20) упоминаются ангелы персов и греков. Но здесь я ответу, что ангелы помогают отверженным для того, чтобы Господь таким образом совершил спасение Своего народа. Ибо успех и победы, выпадающие отверженным, всегда преследуют целью благополучие Церкви. Несомненно, что мы удалены грехом от царствия Божия, и общение с ангелами возникает лишь после совершенного во Христе примирения. Что можно также усмотреть из видения лестницы, ниспосланного патриарху Иакову.

Глава 2

1. Посему мы должны быть особенно внимательны к слышанному, чтобы не отпасть. 2. Ибо, если через Ангелов возвещенное слово было твердо, и всякое преступление и непослушание получало праведное воздаяние, 3. то как мы избежим, вознерадев о толиком спасении, которое, быв сначала проповедано Господом, в нас утвердилось слышавшими от Него, 4. при засвидетельствовании от Бога знаменами и чудесами, и различными силами, и раздаянием Духа Святаго по воле Его?

(1. Посему мы должны быть особенно внимательны к слышанному, чтобы не отпасть. 2. Ибо, если через Ангелов возвещенное слово было твердо, и всякое преступление и непослушание получало праведное воздаяние, 3. то как мы избежим, вознерадев о толиком спасении, которое, быв сначала проповедано Господом, в нас утвердилось слышавшими от Него, 4. при засвидетельствовании от Бога знаменами и чудесами, и различными силами, и раздаянием Духа Святаго по воле Его?)

1) *Посему мы должны.* Теперь апостол говорит, зачем сравнивал ранее Христа с ангелами. Чтобы придать учению Его наивысший авторитет. Ведь если закон, данный через ангелов, не следовало принимать небрежно, и преступление его сопровождалось тяжким наказанием, что тогда будет с презрителями Евангелия, имеющего автором Самого Сына Божия и подтвержденного столькими чудесами? Итог таков: чем больше достоинство Христово чести ангелов, тем большее уважение должно оказывать Евангелию по сравнению с законом. Таким образом, апостол рекомендует учение, ссылаясь на личность его Автора. Если же кому-то покажется глупым предпочитать одно учение другому, поскольку оба исходят от одного Бога, словно, отбросив закон, мы тем самым не умалим величие Божие, отвечаю: Бога надо выслушивать одинаковым образом и всякий раз когда Он говорит. Но для более полного явления нам Бога вполне уместно, чтобы вместе с ростом способа откровения возрастали и страх, и усердие слушающих. Не потому, что Бог в одно время меньше, а в другое – больше, но потому, что мы не всегда одинаково распознаем Его величие.

Здесь возникает и другой вопрос: разве закон не был также дан рукою Христа? А если это так, то аргумент апостола кажется весьма глупым. Отвечаю: в этом сравнении сопоставляются тайный и явный способы откровения. При ниспослании закона Христос являл Себя туманно, как бы под покрывалом. Поэтому не удивительно, если, не упоминая о Христе, апостол говорит о ниспослании закона через ангелов. Ибо Христос не явился тогда открыто. В распространении же Евангелия слава Христова заблистала столь очевидно, что Он по праву признается его Автором.

Чтобы не отпасть. Или, если угодно, «пройти мимо». Хотя различие в переводе здесь не особо важно. Истинный смысл вполне можно вывести из противопоставления. Ибо быть внимательным и отпадать – противоположные вещи. Первое слово означает – сохранять содержимое, а второе – подобно ситу или дырявому бочонку изливать из себя все влитое ранее. Я не одобряю мнения тех, кто понимает «отпасть», как погибнуть. Подобно сказанному во второй Книге Царств 14:14. Все мы гибнем и словно вода растекаемся. Скорее (как я уже говорил) здесь надо видеть антитезис между удержанием и излиянием. Ведь внимающий разум подобен хорошо законопаченному сосуду, ленивый же и блуждающий – сосуду дырявому.

2) *Было твердо.* То есть, весомо. Ибо Бог полностью его удостоверил. Что видно из приложенных наказаний. Ибо никто не мог безнаказанно презреть закон. Значит, твердость означает здесь авторитет. И то, что говорится о наказаниях, надо понимать в истолковательном смысле. Ведь понятно: не может быть пустым и недействительным учение, за небрежение к которому мстит Сам Бог.

3) *Вознерадевает о толиком спасении.* Не только отвержение Евангелия, но и пренебрежение им заслуживает суровейшее наказание. Соразмерное с величиим предложенной в Евангелии благодати. Поэтому автор говорит о «толиком спасении». Ибо Бог хочет, чтобы мы по достоинству ценили Его дары. Значит, чем драгоценнее Его слова, тем гнуснее наша неблагодарность, если мы не ценим их должным образом. Наконец, сколь велик Христос, столь же суровым будет мщение Божие всем презрителям Евангелия. Заметь, что слово «спасение» здесь метонимически переносится на учение. Ведь как Господь желает спасти людей только через Евангелие, так же при небрежении Евангелием отвергается всякое спасение Божие. Ибо оно – сила Божия во спасение уверовавшим. Значит, тот, кто ищет спасение где-либо еще, хочет достичь его чем-то помимо силы Божией. А это уже – великое безумие. И приведенная похвала не только возвышает в наших глазах Евангелие, но и весьма сильно укрепляет нашу веру, свидетельствуя, что слово его – отнюдь не напрасно и содержит надежное спасение.

Которое, быв сначала. Ангелам апостол противопоставляет здесь Сына Божия, первого Вестника Евангелия, одновременно упреждая способное возникнуть у многих сомнение. Ибо они не были научены из уст Самого Христа. Большая часть людей никогда Его не видела. Итак, если бы они воззрели на людей, учительство которых пришли к вере, то не слишком бы ценили от них услышанное. Значит, апостол особо настаивает, что учение, переданное руками других, все же происходит от Христа. Он говорит, что у Христа имелись ученики, которые верно исполняли порученное Спасителем. Для этой цели он употребляет слово «утвердилось», как бы говоря: это не слух, распространяемый ниоткуда, или сомнительными людьми, а нечто, имеющее надежных свидетелей. Кроме того, данное место учит, что это послание написано не Павлом. Ибо Павел не имел привычки говорить столь смиренно, будто он – лишь один из апостольских учеников. Причем не по причине самомнения, а потому, что злые люди под этим предлогом могли бы оклеветать его учение. Итак, явствует: не Павел тот, кто говорит, что получил Евангелие от слышания, а не от откровения Божия.

4) *Засвидетельствовании.* Помимо того, что апостолы приняли от Сына Божия содержание проповеди, Господь как бы Собственноручной подписью подтвердил их проповедь чудесами. Значит, те, кто не почтительно принимает Евангелие, подкрепленное столькими свидетельствами, оскорбляют не только Слово Божие, но и Его дело. Автор означает чудеса тремя терминами для усиления смысла сказанного. Знаменами они зовутся потому, что побуждают людские умы к размышлению о чем-то более возвышенном, чем видимый мир; чудесами – потому, что содержат нечто новое и непривычное; силами же – потому, что Господь особым экстраординарным образом проявляет в них Собственную силу. Словом «засвидетельствовать» означает правильное употребление чудес, а именно то, что последние должны служить делу удостоверения Евангелия. Ибо, как можно обнаружить, почти все чудеса, в каком бы веке ни совершались, производились с целью запечатления божественного Слова.

Тем более гнусно выглядит суеверие папистов, использующих свои вымышленные чудеса для размывания истины Божией. Союз **σὺν** или «вместе с» несет следующий смысл: мы утверждаемся в евангельской вере неким согласием между Богом и людьми. Ведь чудеса Божии соглашаются с человеческой проповедью, как бы выступая в качестве свидетеля. Автор говорит о «раздаяниях Духа Святого», кои украшали евангельское учение, будучи его дополнениями. Ибо зачем Бог раздавал дары Своего Духа, если не с той целью, чтобы они отчасти помогли его распространению, а отчасти, приводя в восхищение людские души, побуждали их к послушанию? Поэтому и Павел говорит: языки служили знамением для неверующих. Фраза «по воле Его» научает, что упомянутые силы нельзя приписать никому, кроме одного Бога, что совершались они не наобум, но согласно замыслу Божию запечатлевали евангельскую веру.

5. Ибо не Ангелам Бог покорил будущую вселенную, о которой говорим; 6. напротив некто негде засвидетельствовал, говоря: что значит человек, что Ты помнишь его? Или сын человеческий, что Ты посещаешь его? 7. Не много Ты унизил его пред Ангелами; славою и честью увенчал его, и поставил его над делами рук Твоих, 8. все покорил под ноги его. Когда же покорил ему все, то не оставил ничего непокоренным ему. Ныне же еще не видим, чтобы все было ему покорено; 9. но видим, что за претерпение смерти увенчан славою и честью Иисус, Который не много был унижен пред Ангелами, дабы Ему, по благодати Божией, вкусить смерть за всех.

(5. Ибо не Ангелам Бог покорил будущую вселенную, о которой говорим; 6. напротив некто негде засвидетельствовал, говоря: что значит человек, что Ты помнишь его? Или сын человеческий, что Ты посещаешь его? 7. Не много Ты унизил его пред Ангелами; славою и честью увенчал его, и поставил его над делами рук Твоих, 8. все покорил под ноги его. Когда же покорил ему все, то не оставил ничего непокоренным ему. Ныне же еще не видим, чтобы все было ему покорено; 9. но видим, что за претерпение смерти увенчан славою и честью Иисус, Который не много был унижен пред Ангелами, дабы Ему, по благодати Божией, вкусить смерть за всех.)

5) Ибо не Ангелам. Новый довод, доказывающий, что Христу надо повиноваться. Ведь Отец вручил Ему власть над всем миром, каковой чести полностью лишены ангелы. Отсюда следует: никакие ангелы не должны мешать выделяться Тому, Кто единственно обладает верховенством. Но вначале стоит обсудить цитируемый псалом. Ведь кажется, что сказанное в нем неуместно относить ко Христу. В этом псалме Давид упоминает о благодеяниях, ниспосылаемых Богом человеческому роду. Затем, рассмотрев силу Божию, блистающую на небе и в звездах, Давид переходит к людям, в которых особо проявляется чудесная божественная благодать. Значит, он говорит не об одном каком-то человеке, но обо всех людях сразу. Отвечая: все это не мешает ограничивать сказанное только личностью Христа. Признаю, что человеку в самом начале было дано обладание миром, дабы он предводительствовал всеми творениями Божиими. Однако своим отпадением он лишил себя этого господства. Ибо праведная кара за неблагодарность к благодетелю состояла в том, что Господь, признать Которого и почитать должным образом он отказался, лишил его прежде дарованного права.

Итак, как только Адам посредством греха удалил себя от Бога, он стал заслуженно лишен всех ранее принятых благ. Не в том смысле, что утратил пользование ими, но в том, что, оставив Бога, не мог удержать за собой право пользования. Да и само пользование Бог восхотел отметить знаками лишения права. Поэтому звери яростно бросаются на нас, и ранее будучи обязанными нас почитать, теперь приводят в испуг. Поэтому одни из них никогда не приручаются, а другие приручаются с трудом. Поэтому они и вредят разными способами. Поэтому земля не дает плодов, соответствующих труду возделывателя. Поэтому небо, воздух, море и все прочее часто является нам враждебным. Однако, что бы ни употребляли сыны Адама с целью привести в послушание творение, все это вменяется им в воровство. Ибо что может им принадлежать, коль они сами не принадлежат Богу?

Исходя из этого основоположения, мы поймем: благодеяния Божии никак не касаются нас, доколе Христос не восстановит для нас право, утраченное в Адаме. Поэтому Павел учит (1Тим.4:5), что пища освящается для нас верою. И в другом месте говорит, что для неверующих нет ничего чистого, ибо совесть их осквернена. В начале этого послания мы читали, что Отец назначил Христа наследником всего. Несомненно, что, приписав все наследие только Христу, он исключает тем самым всех прочих. И вполне заслуженно: ибо мы все изгнаны из царствия Божия. Итак, не подобает передавать нам имущество, предназначенное для Божиих домочадцев. Но Христос, через Которого мы вновь входим в Божие семейство, одновременно допускает нас к участию в Своих правах, дабы по благословию Божию мы пользовались всем миром. Поэтому Павел учит (Рим.4:13), что верою Авраам стал наследником мира, постольку, поскольку привился к телу Христову. Если же люди лишены благодеяний Божиих до тех пор, пока не станут их участниками через Христа, отсюда следует, что упомянутое в псалме господство, утрачено для нас в лице Адама. И поэтому этот дар подлежит восстановлению с нуля.

Далее, восстановление это начинается с Христа, как с нашего Главы. Значит, нет сомнения: всякий раз как речь идет о господстве человека над всеми творениями, мы должны взирать именно на Него. Сюда же относятся и слова о «будущей вселенной», понимаемой здесь, как обновленная вселенная. Чтобы лучше усвоить эту мысль, вообразим себе два мира. Один – древний, испорченный грехом Адама, и второй – следующий за первым, восстановленный Христом. Ибо первое творение обветшало и пало вместе с человеком в отношении него самого. Значит, относительно нового восстановления через Христа псалом этот не будет иметь места. Теперь ясно: будущая вселенная – это не только та вселенная, которую мы ожидаем после воскресения, но и та, которая началась с начала царства Христова и обретет свое завершение в заключительном акте искупления. Впрочем, мне не ясно, почему автор опускает здесь имя Давида. Однако он зовет его «некто» не презрительно, а с почетом, словно одного из пророков или классических писателей.

7) Не много Ты унизил его пред Ангелами. Теперь в истолковании отдельных слов возникает новая трудность. Я уже показал, что это данное место уместно относить к Сыну Божию. Но сейчас кажется, что апостол придает словам псалма не тот смысл, который подразумевал Давид. Ведь кажется, что фразу **βραχὺ τι**

он относит ко времени в смысле «ненадолго», подразумевая уничижение в период нисхождения Христа с небес и ограничивая славу днем воскресения, в то время как Давид распространяет ее на всю человеческую жизнь. Отвечаю: апостол не намеревался приводить подлинное толкование слов псалма. Ведь нет ничего неуместного в том, когда в словах ищут намеков в поддержку своего дела. Подобно тому, как Павел (Рим.10:6) цитирует свидетельство Моисея: кто взойдет на небо и т.д., и тут же приводит не толкование слов о небе и преисподней, а приспособливает их к своему замыслу. Мысль Давида такова: Господи, Ты наделил человека таким достоинством, что он мало отстоит от божеской и ангельской чести, будучи предстоятелем всего мира. И апостол не хочет исказить этот смысл или как-то его переиначивать, но лишь велит усматривать во Христе краткое по времени уничижение, а затем ту славу, которой Он навечно увенчан. И делает это, больше пользуясь словами как поводом, нежели, излагая, что именно разумел в них Давид. «Помнить» же и «по-сещать» автор употребляет в одинаковом смысле. Разве что второй термин отличается большей полнотой, означая присутствие Божие, видимое в конкретных проявлениях.

8) *Когда же покорил ему все.* Кто-то мог бы подумать, будто довод состоит в следующем: человеку, о котором говорит Давид, покорена вся вселенная. Однако роду человеческому покорно далеко не все. Значит, речь идет не о каком угодно человеке. Однако этот довод не был бы убедительным, поскольку меньшая посылка относится и ко Христу. Ведь даже Ему еще не все покорено, как говорит Павел в Первом Послании к Коринфянам 15:28. Посему контекст здесь иной. Ибо, сказав, что Христос господствует над всеми тварями без исключения, автор в виде возражения добавляет: однако еще не все покорено владычеству Христову. И чтобы ответить на это возражение, учит: во Христе уже можно различить завершение того, что впоследствии говорится о славе и чести. Он как бы заявляет: хотя нам еще не видна эта вселенская покорность, будем довольствоваться тем, что, претерпев смерть, Христос получил высшую степень славы. Ведь то, что Ему еще недостает, восполнится в свое время.

Однако, во-первых, некоторых задевает то, как апостол весьма утонченно выводит покорность вселенной Христу, поскольку Давид имеет в виду все творения. Ведь приводимые затем примеры ни о чем таком не говорят. А именно примеры полевых зверей, морских рыб и небесных птиц. Отвечаю: общее положение не следует ограничивать приведенными примерами. Ведь Давид хотел здесь только показать пример этого господства на самых простых и понятных вещах. Или же распространить его даже на самые незначительные вещи, давая понять: все, чем мы обладаем, принадлежит нам лишь по благодетельности Божию и участию во Христе. Посему речь Давида можно подытожить так: Ты покорил все, относящееся не только к вечному блаженству, но и к незначительным предметам, служащим телесным потребностям. Как бы то ни было, но низшее господство над животными зависит от высшего.

Но спрашивается: как же апостол утверждает, что мы не видим все покоренным Христу? Разрешение этого вопроса ты найдешь в процитированном выше отрывке из Павла. Кое-что по этому поводу было сказано и в первой главе настоящего послания. Поскольку Христос ведет постоянную войну с различными врагами, в Нем еще не различимо спокойное обладание Собственным царством. Хотя в том, чтобы вести войну, у Христа нет никакой необходимости. По Его же воле выходит так, что враги не покоряются вплоть до последнего дня. И делает Он это для испытания нас надлежащими упражнениями.

9) *Иисус, Который не много был унижен пред Ангелами.* Поскольку значение фразы **βραχὺ τι** двусмысленно, автор, как было уже сказано, больше приспособливает ее к личности Христа, нежели заботится о подлинном истолковании слов псалмопевца. Он предлагает нам видеть в воскресении Христовом ту славу, которую Давид распространяет на все благодеяния, данные человеку по милости Божией. Однако в этом переносе нет ничего абсурдного, поскольку оно оставляет нетронутым буквальный смысл. «За претерпение смерти» означает то же, что и¹: Христос, претерпя смерть, был возвышен до воспринятой Им славы. Подобно тому, как учит Павел в Фил.2:8. Не в том смысле, что Христос приобрел нечто для Себя лично, как воображают софисты: вначале Христос заслужил вечную жизнь Себе, а потом уже и нам. Ибо здесь (как говорится) означает лишь средство достижения славы. Далее, Христос был увенчан славою в том смысле, что перед Ним преклонилось всякое колено. Итак, исходя из целевой причины, можно заключить: в Его руках находятся все твари.

По благодати Божией. Автор указывает на причину и плод смерти Христовой, дабы не подумали, будто она умаляет Его достоинство. Когда мы слышим, что эта смерть обрела для нас столько добра, не остается уже места для презрения. Все наполняется восхищением перед благодетельностью Божией. Говоря же: «за всех», автор понимает не только то, что Христос послужил для других примером – подобно тому, как Златоуст приводит пример врача, который прежде сам выпивает горькое снадобье, дабы его не отказался выпить больной, – но понимает, что Христос умер за нас, поскольку, заняв наше место, искупил нас от проклятия смерти. Поэтому и сказано о том, что совершилось по благодати Божией. Ведь причиной искупления была великая любовь Божия к нам, из-за которой Он не пощадил даже Собственного Сына. Я не отвергаю, но и не одобряю толкование Златоуста, понимающего «вкусить смерть» как зачерпнуть ее верхней губой, поскольку Христос восстал от смерти победителем. Хотя, не знаю, хотел ли апостол выражаться здесь столь утонченно.

¹ Претерпя смерть

10. Ибо надлежало, чтобы Тот, для Которого все и от Которого все, приводящего многих сынов в славу, вождя спасения их совершил через страдания. 11. Ибо и освящающий и освящаемые, все – от Единого; поэтому Он не стыдится называть их братьями, говоря: 12. возведу имя Твое братьям Моим, посреди церкви воспою Тебя. 13. И еще: Я буду уповать на Него. И еще: вот Я и дети, которых дал Мне Бог.

(10. Ибо надлежало, чтобы Тот, для Которого все и чрез Которого все, приводящего многих сынов в славу, вождя спасения их освятил через страдания. 11. Ибо и освящающий и освящаемые, все – от Единого; поэтому Он не стыдится называть их братьями, говоря: 12. возведу имя Твое братьям Моим, посреди церкви воспою Тебя. 13. И еще: Я буду уповать на Него. И еще: вот Я и дети, которых дал Мне Бог.)

10) Ибо надлежало. Цель автора в том, чтобы прославить перед набожными уничижение Христово. Ведь, облекшись в нашу плоть, Христос, кажется, сопричислил Себя обычным людям. Крест же и вовсе поставил Его ниже прочих людей. Значит, надо опасаться, как бы Христа не стали недооценивать за то, что Он добровольно уничижился ради нас. Об этом и говорится в настоящем отрывке. Ведь апостол показывает: все совершившееся должно быть почетным для Сына Божия. Ибо так Он был поставлен вождем нашего спасения. Вначале апостол принимает как самоочевидное следующее положение: все надо основывать на божественном декрете. Как все содержится силою Божией, так и все обязано служить Его славе. Значит, не стоит искать другой причины, кроме той, что так было угодно Богу. Сюда же относится употребляемый парафраз: «для Которого и от Которого». Апостол мог бы назвать Бога одним словом, но захотел научить: надо считать за лучшее постановленное Богом, воля и слава Которого – истинная цель всего.

Кажется, он еще не достиг своей цели: показать, что Христу надлежало освятиться подобным образом. Однако все зависит от обычного способа, которого Бога придерживается в обращении со Своими. Он хочет, чтобы они упражнялись разными скорбями, всю свою жизнь неся крест. Итак, Христу, дабы стать Первородным, надлежало получить первенство путем крестной инаугурации. Ведь это – общий закон и правило для всех. Вот то уподобление Главы членам, о котором говорит Павел в Послании к Римлянам 8:29. Великое утешение, смягчающее горечь креста, – когда верующие слышат, что вместе со Христом освящаются для славы скорбями и невзгодами. И они видят причину, по которой стоит скорее целовать свой крест, нежели избегать его. А этого не может быть без того, чтобы полностью снялось поношение креста Христова и воссияла его слава. Ибо кто станет презирать священное, больше того, освященное Самим Богом? Кто сочтет позорным то, чем мы приготавливаемся к славе? Но и то, и другое проповедуется здесь о Христовой смерти.

От Которого все. Когда речь заходит о творении, Сыну Божию приписывается как неотъемлемое свойство то, что Им сотворилось все. Но здесь апостол хочет лишь сказать, что все творения стоят и сохраняются в своем положении силою Божией. Там, где мы перевели «освятил», другие переводят «совершил». Но поскольку употребленный глагол *τελειῶσας* имеет двойственное значение, считаю очевидным, что мой вариант больше соответствует контексту. Ведь здесь речь идет о торжественном и законном установлении, предзнаменующем детей Божиих к достижению своей степени славы и отделяющем их от остального мира. И тут же добавлено упоминание об освящении.

11) Ибо и освящающий. Автор доказывает сказанное ранее: всему этому надлежало исполниться во Христе, из-за Его связи с членами Собственного тела. Между тем он учит: то, что Христос облекся в нашу плоть – особый и уникальный пример божественной благодати. Итак, он говорит: от Единого, то есть от одной природы (согласно моему толкованию) и Автор освящения, и мы Его причастники. Обычно понимают эту фразу, как: от одного Адама. Некоторые относят ее к Богу, причем вполне обоснованно. Но я скорее сочту, что здесь означает тождественность природы, и понимаю «единое» в среднем роде. Апостол как бы говорит: мы составлены из одной телесной массы. И немало усиливает наше упование тот факт, что мы связаны с Сыном Божиим столь тесными и необходимыми узами, что святость, в которой нуждаемся, можно обрести в нашей собственной природе. Ибо Христос освящает нас не только постольку, поскольку является Богом, сила освящения присутствует также в Его человеческом естестве. Не потому, что оно имеет ее от себя, а потому, что Бог излил в него полноту святости, дабы все мы могли из него черпать. Сюда же относится и фраза: ради них Я освящаю Себя (Ин.17:19). Значит, если мы – мирские и нечистые люди, врачество, предлагаемое в нашей плоти, не следует искать вдали. Если же кто-то пожелает понять сказанное в отношении духовного единства, которое иное между набожными и Сыном Божиим, чем между обычными людьми, – не буду особо возражать. Но я охотно следую более общепринятому варианту там, где он вполне согласуется с разумом.

Не стыдится называть их братьями. Это место взято из Пс.21:23. О Христе ли, или о Давиде, говорящем от лица Христа, идет там речь, пусть, во-первых, скажут Евангелисты, цитирующие из него множество стихов. А именно: разделили себе одежды. А также: дали в пищу Мне желчь. Также: Боже мой, Боже мой, почему Ты оставил Меня? Кроме того, о том же говорит и само содержание. Ибо в истории страстей Христовых можно увидеть живой образ всего рассказанного в псалме. И само заключение псалма, говорящее о призвании язычников, можно отнести только к Иисусу Христу: обратятся к Господу все концы земли: поклонятся пред Ним все племена язычников. Господне есть царство, и Он будет господствовать над язычниками. Истина всего этого явлена в одном лишь Христе, Который расширил царство Божие не на малую площадь

(подобно Давиду), но распространил его на весь мир, хотя прежде оно как бы было заперто в определенных границах. Посему нет сомнения, что приведенное здесь высказывание также принадлежит Ему.

О том же, что Христос не стыдится, апостол говорит многозначительно и в собственном смысле. Сколь огромная разница существует между Ним и нами! Значит, удостаивая нас имени братьев, Христос сильно уничижается. На самом деле, мы даже не достойны быть Его рабами. И внешние обстоятельства еще больше подчеркивают Его великое к нам благоволение. Ибо Христос – больше не смертный человек в образе раба, но после воскресения облечен в бессмертную славу. Итак, этот титул означает, что Христос как бы возносит нас с Собою на небеса. И всякий раз когда мы слышим, что Христос называет нас братьями, будем помнить: сие сказано в том смысле, что одновременно с именем братьев мы также получаем блаженную жизнь и все небесные блага.

Кроме того, следует отметить, какую именно честь присваивает Себе Христос. Проповедовать имя Божие. И эта проповедь началась с распространения Евангелия, и ежедневно совершается служением пастырей. Отсюда мы выводим: Евангелие предлагается нам для того, чтобы привести к познанию Божию, дабы мы прославляли Его благодать. Однако, как бы ни проповедовали люди Евангелие, автором Его являемся Сам Христос. Именно это и говорит Павел (2Кор.5:20): я и другие осуществляем посольство ради Христа, увещевая как бы от Его имени. И это должно немало усилить почтение к Евангелию. Нам надо думать, что проповедуют не столько сами люди, сколько Христос их устами. Ведь, пообещав проповедать людям имя Божие, Христос покинул наш мир, и, однако же, не напрасно отстаивает за Собой это служение. А это значит, что Он воистину исполняет его через Своих учеников.

12) *Посреди церкви.* Отсюда еще лучше видно: в евангельском учении всегда возвещается хвала Богу. Ибо, как только мы познаем Бога, в наших сердцах и ушах начинает звучать бесконечная хвала Его имени. Между тем, Христос увещевает нас Своим примером воспевать эту хвалу публично, дабы ее слышало как можно больше людей. Ведь не достаточно, чтобы каждый был благодарен Богу за полученные благодеяния, если мы не свидетельствуем открыто о своей благодарности, приглашая друг друга к одному и тому же делу. И учение о том, что Христос уже начал воспевать Богу гимны, как бы лично управляя песнопением, послужит нам сильнейшим стимулом к тому, чтобы еще пламенней устремиться к восхвалению божественного имени.

13) *Я буду уповать на Него.* Поскольку предложение это имеется в Пс.17:3, вероятно, оно взято именно из этого источника. Кроме того, что Павел в Рим.15:9 другой его стих о призвании язычников относит ко Христову царству, сам контекст псалма показывает: Давид говорит здесь от имени Кого-то Другого. Ибо от проповедуемой там необъятной величины этого царства в Давиде едва заметна только блеклая тень. Человек, от лица Которого ведется речь, хвалится, что поставлен Главою народов, что чуждые и незнакомые народы Он привел к повиновению одной лишь славой Собственного имени. Давид же силой оружия покорил немногие ближайшие к себе народы, сделав их данниками. Но что сказать тогда о прочих многочисленных непокоренных ему царствах? Кроме того, где же здесь добровольное повиновение? Где же здесь отдаленные народы, которых он раньше не знал? Где торжественная хвала благодати Божией среди язычников, о которой упоминается в Псалме? Значит, именно Христос поставляется здесь Главою разных народов. Ему покоряются чужеземцы до самых краев земли, восторженно от одного лишь слышания Его имени. Ибо принять Его иго их вынуждает не оружие, но учение, покорившись которому, они выказывают добровольное повиновение. Да, в церкви имеется также притворное и лживое послушание, отмеченное в том же отрывке. Ведь многие ежедневно называют себя христианами вовсе не от чистого сердца.

Итак, не вызывает сомнений, что псалом вполне уместно отнести ко Христу. Но как это относится к настоящему вопросу? Кажется, что из упования Христа на Бога не следует, что мы и Христос исходим от Единого. Отвечаю: вывод вполне правомочен. Ведь человек, не подверженный обычным людским нуждам, не нуждался бы в подобном уповании. Значит, поскольку и Христос зависит от божественной помощи, Его положение одинаково с нашим. Действительно, мы уповаем на Бога не напрасно и не беспочвенно, но потому, что лишенные Его благодати, становимся несчастными и погибшими. Итак, упование, возлагаемое нами на Бога, свидетельствует о нашей нищете. Хотя от Христа мы отличаемся в том, что немощь, присущую нам в силу необходимости, Он принял вполне добровольно. Далее, то, что Христос – наш вождь и учитель, должно немало воодушевить нас к упованию на Бога. Ибо кто побоится следовать Его стопами, дабы не впасть в заблуждение? И нет опасности, что наша общая со Христом вера окажется напрасной, если Сам Христос ошибаться не способен.

Вот Я и дети. Несомненно, что Исаия (Ис.8:18) говорит здесь о себе. Поскольку именно он дал народу надежду на избавление, но обетование его не нашло никакой веры. И чтобы пророк не отчаялся от подобного народного упорства, Господь приказывает запечатлеть среди немногих верующих возвещаемое им учение. Даже если большинство отвергает его, всегда будут какие-то люди, пусть и немногие, которые его примут. Опираясь на этот ответ, Исаия собрался с духом, свидетельствуя, что он сам и данные ему ученики всегда готовы следовать за Богом.

Теперь надо понять, почему апостол относит данное высказывание к Иисусу Христу. Во-первых, никто в здравом уме не станет отрицать, что читаемое в том же месте: Господь всегда будет скалою соблазна и кам-

нем преткновения для Израиля и Иуды, – было исполнено в лице Иисуса Христа. Действительно, как избавление от вавилонского плена было некой прелюдией особого искупления, принесенного нам и отцам десницей Христовой, так и то, что столь немногие иудеи воспользовались благодеянием Божиим, и спасся незначительный остаток, предвещало грядущее ослепление. И вышло так, что, отвергнув Христа, иудеи погибли сами, будучи отвергнуты Богом. Но следует отметить: обетования пророков по поводу искупления церкви относятся ко времени с момента возвращения иудеев из плена до наступления царства Христова. Ибо Господь преследовал цель возвращения народа, чтобы церковь сохранилась до пришествия Сына, Который, наконец, воистину ее воздвиг. И поскольку это так, то Бог, приказывая запечатлеть закон и свидетельство, обращается не только к Израилю, но в его лице ко всем Своим служителям, коим прилежало грядущее сражение с народным неверием. И в первую очередь Он обращался ко Христу, на Которого иудеи в будущем обрушатся с большим превозношением, чем преследовали всех бывших до Него пророков. Теперь мы видим: люди, занимавшие место Израиля, не только отвергли Его Евангелие, но и яростно на него ополчились. Однако каким бы камнем преткновения не было евангельское учение для существующей церкви, Бог не хочет его уничтожить. Скорее Он велит запечатлеть Евангелие среди учеников, и Христос, от имени всех учителей, словно их Глава, и даже единственный Учитель, правящий нами посредством их служения, возвещает: при столь плачевной неблагодарности мира всегда будут люди, повинующиеся Богу. Вот каким образом данное место из Исаии можно уместно приспособить к Иисусу Христу.

Отсюда апостол выводит: мы составляем с Ним единое целое, поскольку Он собирает нас к Себе, принося Себя вместе с нами Богу Отцу. Ибо одно тело образуют те, кто повинуется Богу, руководствуясь единым правилом веры. И можно ли сказать нечто более подходящее для прославления веры, чем то, что в ней мы являемся товарищами Сына Божия, увещевающего нас Своим примером и указующего правильный путь? Значит, если мы следуем Слову Божию, то твердо знаем, что вождем имеем Самого Христа. И наоборот, никак не относятся ко Христу люди, отклонившиеся от послушания Слову. Что, заклинаю, может быть желаннее согласия с Сыном Божиим? И это согласие заключается в нашей вере. Значит, отходим мы от Христа через неверие, отвратительней которого ничего нет. Слово же «дети», во многих местах означающее рабов, здесь относится к ученикам.

Которых дал. Здесь говорится о первой причине нашего послушания. А именно: об усыновлении нас Богом. Христос не приводит к Отцу никого, кроме тех, кого дал Ему Сам Отец. Мы знаем, что это дарование зависит от вечного избрания, поскольку тех, кого Отец предопределил к жизни, Он передает под стражу Собственного Сына, дабы Тот за ними следил. Именно об этом Христос говорит в Евангелии от Иоанна (6:37): все, что дал Мне Отец, ко Мне придет. Итак, научимся: то, что мы покоряемся Богу в послушании веры, целиком следует приписывать Его милосердию. Иначе десница Христова никогда не привела бы нас к Отцу.

Кроме того, данное учение особым образом укрепляет наше упование. Ибо кто станет бояться, находясь под охраной Христа? Кто не презрит со спокойствием все опасности, уповая на подобного Стража? Действительно, Христос, говоря: вот Я и дети, на деле исполняет то, что обещает в другом месте (10:28): Он не допустит, чтобы погиб кто-нибудь из тех, кого получил от Отца.

Наконец, следует отметить: даже если мир с безумной надменностью отвергает Евангелие, овцы всегда будут знать голос Пастыря. Посему дабы нас не смутило нечестие почти всех сословий, возрастов и народов, будем помнить: Христос собирает только Своих, вверенных Его попечению. И если отверженные по нечестию своему низвергаются в погибель, то выкорчевываются лишь растения, не посаженные Богом. Между тем, Богу ведомы Его люди, и спасение их запечатлено у Него, дабы никто из них не отпал. Будем же довольствоваться этой нерушимой печатью.

14. А как дети причастны плоти и крови, то и Он также воспринял оные, дабы смертью лишить силы имеющего державу смерти, то есть диавола, 15. и избавить тех, которые от страха смерти через всю жизнь были подвержены рабству.

(14. Значит, поскольку дети причастны плоти и крови, то и Он также похожим образом стал их причастником, дабы смертью упразднить имеющего державу смерти, то есть диавола, 15. и искупить тех, которые от страха смерти через всю жизнь были подвержены рабству.)

14) *А как дети.* Вывод из предыдущих положений и одновременно более полное объяснение того, о чем коротко было сказано прежде. Почему Сыну Божию надлежало облечься в плоть? Чтобы стать причастником одной с нами природы, и, подвергнувшись смерти, нас от нее избавить. Достойное отмечания место, не только утверждающее истину человеческой природы во Христе, но и показывающее плод, истекающий для нас из Его воплощения. Сын Божий, по словам апостола, сделался человеком, чтобы стать причастником одной с нами природы и состояния. А что может лучше укрепить нашу веру? Ибо здесь и проявляется Его безмерная к нам любовь. Но вершина ее в том, что Христос облекся в нашу природу, дабы обрести возможность умереть. Ведь Бог не мог бы подвергнуться смерти. Хотя апостол коротко описывает плод Христовой смерти, в самой этой краткости присутствует живое и действенное изображение сути дела. А именно: Христос так избавляет нас от тирании диавола, что мы уже находимся в полной безопасности; так искупает нас от смерти, что ее больше не следует страшиться.

Кроме того, поскольку значение здесь имеют отдельные фразы, их следует рассмотреть особенно внимательно. Прежде всего, упразднение диавола, о котором идет речь, означает, что диавол уже ничего не может против нас сделать. Хотя он еще здравствует и усердно замышляет нашу погибель, его сила вредить угашена и подавлена. Великое утешение – знать, что мы имеем дело с врагом, ни на что против нас не способным. Ведь то, что данная фраза сказана в отношении нас, можно заключить из предыдущей части предложения – «упразднить имеющего державу смерти». Апостол хочет сказать, что диавол упразднен постольку, поскольку правил ранее для нашей гибели. Ведь он и зовется диаволом, исходя из последствий его власти, как несущий для нас смерть и погибель. Итак, нас учат, что смертью Христовой упразднилась не только тирания сатаны, но и сам он низвержен настолько, что должен считаться ничем, как если бы его и вовсе не было. О диаволе здесь, согласно обычаю Писания, говорится в единственном числе не потому, что он – всего один, но потому, что все бесы составляют одно тело, которое невозможно помыслить без его главы.

15) *Которые от страха смерти.* Данное место наилучшим образом выражает то, сколь несчастна жизнь людей, боящихся смерти. Так что все, рассматривающие свою жизнь вне Христа, с необходимостью должны чувствовать страх. Ведь в таком случае в ней не видно ничего, кроме проклятия. Ибо откуда смерть, если не от гнева Божия за совершенный грех? Отсюда происходит и рабство, длящееся всю жизнь. То есть, вечное беспокойство, обуевающее несчастные души. Ибо от осознания греха всегда возникает ощущение суда Божия. От этого страха нас и избавляет Христос, принявший на Себя наше проклятие, грозившее нам смертью. Ибо, хотя мы продолжаем умирать и сейчас, все же, живя и умирая, спокойны, имея шествующего перед нами Христа. Если же кто не может умиротворить душу презрением к смерти, пусть знает, что еще мало преуспел в Христовой вере. И чрезмерный трепет, рождающийся от незнания благодати Христовой, так же является и неопровержимым признаком неверия. Смерть же здесь означает не только отделение души от тела, но и наказание, налагаемое на нас разгневанным Богом, включая в себя и вечную погибель. Ибо там, где есть вина перед Богом, тут же разверзается пропасть ада.

16. *Ибо не Ангелов восприимлет Он, но восприимлет семя Авраамово.* 17. *Посему Он должен был во всем уподобиться братьям, чтобы быть милостивым и верным первосвященником пред Богом, для умилоствления за грехи народа.* 18. *Ибо, как Сам Он претерпел, быв искушен, то может и искушаемым помочь.*

(16. *Ибо не Ангелов восприимлет Он, но восприимлет семя Авраамово.* 17. *Посему Он должен был во всем уподобиться братьям, чтобы быть милостивым и верным первосвященником в делах, относящихся к Богу, для умилоствления за грехи народа.* 18. *Ибо, как Самому Ему случалось искушаться, Он может и искушаемым помочь.*)

16) *Ибо не Ангелов.* Этим сравнением апостол усиливает благодеяние и честь, коей нас удостоил Христос, облакаясь в нашу плоть. Ведь ангелов Он нигде такого не удостоивал. Итак, поскольку от столь жуткого падения человеческого рода было необходимо особое врачевство, Сын Божий восхотел предъявить несравненный залог Своей к нам любви, который не дал даже самим ангелам. Значит, то, что Он не дал его ангелам, вызвано не превосходством нашим, а бедствием. Посему у нас нет причин хвалиться, будто мы – выше ангелов. Разве что Небесный Отец явил к нам большее милосердие, в котором мы нуждались, дабы сами ангелы воздыхали с небес о столь великой ниспосланной земле благодати. Настоящее время глагола я отношу к свидетельству Писания. Оно словно предъявляет нашему взору то, о чем ранее возвещали пророки.

Кроме того, этого места более чем достаточно для опровержения Маркиона, Манихея и подобных им безумцев, отрицавших, что Христос – истинный человек, рожденный от человеческого семени. Ведь если Христос носил тогда лишь образ человека, то, прежде, Он много раз являлся и в образе ангела. Таким образом, не было бы никакого различия. Но поскольку нельзя сказать, что Христос когда-нибудь был ангелом, облеченным в ангельскую природу, то и говорится, что восприимлет Он не ангелов, а людей. Апостол говорит здесь о природе и хочет сказать: Христос, облеченный в плоть, является истинным человеком. Так что в двух Его природах заключается единство Лица. Не помогает данное место и Несторию, воображавшему двойственность Христа, словно Сын Божий не был истинным человеком, но лишь обитал в человеческой плоти. Мы видим, что смысл у апостола совсем иной. Он учит, что в Лице Сына Божия мы обретаем брата из-за соучастия в общей природе. Посему, не довольствуясь тем, что назвал Его человеком, апостол говорит, что Христос рожден от человеческого семени. Он прямо указывает на семя Авраама, дабы больше удостоверит сказанное, ссылаясь на слова Писания.

17) *Посему Он должен.* В человеческой природе Христа надо видеть две вещи: сущность плоти и ее чувства. Поэтому апостол учит, что Христос облекся не только в человеческую плоть, но и во все чувства, свойственные людям. Он показывает также происходящий из этого плод. Истинное учение веры состоит в том, чтобы мы чувствовали в себе, зачем Сын Божий облекся в наши немощи. Без этого плода все прочее знание остается прохладным и поверхностным. Далее, апостол учит, что Христос стал подвержен человеческим страстям, дабы быть милостивым и верным первосвященником. Эти слова я толкую следующим образом: дабы быть милостивым, и поэтому верным. Ведь в священнике, служение которого – умилоствлять гнев Божий, обогащать несчастных, воздвигать павших, помогать труждающимся, в первую очередь требуется милосердие, порождаемое в нас здравым смыслом. Ибо редко чужие скорби затрагивают тех, кто постоянно

живет блаженной жизнью. Действительно, из повседневного людского опыта происходит этот стих Вергилия:

«Зная про зло, научись милосердствовать жалких.»²

Не потому, что Сын Божий нуждался в личном опыте для проявления сострадания, но потому, что, если бы Христос не прошел через наши скорби, Он не мог бы убедить нас, что является милостивым к нам и склонным спешить на помощь. Ибо и это, наряду с прочим, было сделано ради нас. Посему всякий раз как нас тяготят любые виды зла, будем вспоминать о том, что с нами не происходит ничего, чего не испытал бы на Себе Сын Божий ради сострадания к нам. Не усомнимся в том, что Он присутствует с нами так, словно вместе с нами страждет. Слово «верный» означает истинный и законный, и противопоставляется кажущемуся, не исполняющему свой долг. Опыт наших скорбей так склоняет Христа к состраданию, что Тот усердно вымаливает для нас божественную помощь. И что же, кроме помощи? Христос, собираясь совершить умилоствление грехов, облекся в нашу природу, дабы мы в собственной плоти имели плату за свое примирение. И, наконец, по праву общей природы Он вводит нас вместе с Собой в святилище Божие. *Τὰ πρὸς τὸν θεὸν* означает все, относящееся к примирению людей с Богом. И поскольку первый доступ к Богу заключается в свободе веры, возникает нужда в Посреднике, исключающем всякое сомнение.

18) *Ибо, как Сам.* Испытав наши злключения, Христос, по словам апостола, склонен оказывать нам поддержку. Ведь «искушение» означает здесь не то что иное, как опыт или испытанность, а «способность» – пригодность, склонность или приспособленность.

Глава 3

1. Итак, братия святые, участники в небесном звании, уразумейте Посланника и Первосвященника исповедания нашего, Иисуса Христа, 2. Который верен Поставившему Его, как и Моисей во всем доме Его. 3. Ибо Он достоин тем большей славы пред Моисеем, чем большую честь имеет в сравнении с домом тот, кто устроил его, 4. ибо всякий дом устрояется кем-либо; а устроивший все есть Бог. 5. И Моисей верен во всем доме Его, как слугитель, для засвидетельствования того, что надлежало возвестить; 6. а Христос – как Сын в доме Его; дом же Его – мы, если только дерзновение и упование, которым хвалимся, твердо сохраним до конца.

(1. Итак, братия святые, участники в небесном звании, уразумейте Апостола и Первосвященника исповедания нашего, Иисуса Христа, 2. Который верен Поставившему Его, как и Моисей во всем доме Его. 3. Ибо Он достоин тем большей славы пред Моисеем, чем большую честь имеет в сравнении с домом тот, кто устроил его, 4. ибо всякий дом устрояется кем-либо; а устроивший все есть Бог. 5. И Моисей верен во всем доме Его, как слугитель, для засвидетельствования того, что надлежало затем возвестить; 6. а Христос – как над домом Его; дом же Его – мы, если только упование и похваление надеждой твердо сохраним до конца.)

1) *Итак, братия святые.* Автор завершает приведенное выше учение полезным увещанием, дабы иудеи хорошо осознали, каков и сколь велик Иисус Христос. Прежде, назвав Христа Учителем и Первосвященником, апостол бегло сравнил Его с Моисеем и Аароном, теперь же он соединяет оба положения вместе. Ибо он наделяет Христа двумя титулами подобно тому, как Тот исполняет в Церкви Божией двойственное служение. Моисей был пророком и учителем, Аарон же – священником. Но на Христа возложены обе эти функции. Посему, если мы хотим правильно принять Спасителя, надлежит размыслить о том, каковы Его качества. Христа, так сказать, следует облечь в Собственную силу, дабы не принять вместо Него пустую тень.

Вначале ударение падает на слово «уразумейте». Оно означает необходимость особого внимания, поскольку Христа нельзя презирать безнаказанно, и одновременно то, что истинное знание о Христе достаточно для рассеяния всех заблуждений тьмы. И дабы еще больше воодушевить иудеев к такому делу, апостол напоминает им об их собственном призвании, как бы говоря: Бог удостоил нас необычной благодати, призывая в Собственное Царство. Остается теперь, чтобы вы устремили свой взор на Христа, как на Водителя в этом пути. Ибо призвание благочестивых может быть действительным только тогда, когда они полностью обратятся ко Христу. Посему мы не должны думать, будто это сказано одним иудеям. Напротив, всем, желающим достигнуть Царства Божия, здесь предлагается общее учение, дабы они усердно взирали на Христа, поскольку Тот – единственный Учитель нашей веры, удостоверивший ее Своим жертвоприношением. Исповедание же означает здесь веру. Апостол как бы говорит: вера, которую мы исповедуем, пуста и ничтожна, если не соотносится со Христом.

2) *Который верен.* Восхваление апостольства Христова, дабы верующие спокойно в Нем утверждались. Апостол наделяет Христа двойной похвалой. Во-первых, Отец поставил Его нашим Учителем. А во-вторых, Сам Христос верно исполнил возложенное на Него служение. Эти две вещи необходимы для авторитетности учения. Ибо, как повсюду возвещает нам Писание, слушать надо одного лишь Бога. Посему Христос свиде-

² Эн.1.630.

тельствует (Ин.7:16), что проповедуемое Им учение принадлежит не Ему, а Небесному Отцу. И в другом месте (Лк.9:48): принимающий Меня, принимает и Пославшего Меня. Мы говорим о Христе постольку, поскольку Он, облеченный в нашу плоть, является Служителем Отца, передающим Его заповеди. Помимо призывания Божия в Иисусе Христе отмечается верное и добросовестное управление делами, требуемое от истинных служителей, дабы Церковь стала им доверять. Если же во Христе обретается и то, и другое, презрение к Нему действительно влечет за собой презрение к Богу.

Как и Моисей. На время перестав говорить о священстве, апостол переходит теперь к апостольству. Поскольку у завета Божия имеются две части: возведение учения и, так сказать, реальное его подтверждение, – завет обретет во Христе окончательное совершенство только в том случае, если Он станет обладателем сразу обоих прав. Поэтому автор данного послания, упомянув и то, и другое, в конце заострил наше внимание коротким увещанием. Теперь же он приступает к более пространному рассмотрению. Он начинает с учительского служения потому, что сейчас сравнивает Христа только с Моисеем. Говоря «во всем доме», автор, возможно, также имеет в виду этого пророка. Однако я скорее отнесу сказанное ко Христу. Таким образом, Он зовется здесь верным Отцу в управлении всего дома. Откуда следует, что в Церкви находятся лишь те, кто признает Иисуса Христа.

3) *Тем большей славы.* Дабы не показалось, что Христос уравнивается с Моисеем, автор говорит о том, насколько Первый превосходит второго. И доказывает это двумя доводами. Моисей поставлен над Церковью так, что одновременно является ее частью и членом. Христос же – верховный архитектор для всего ее здания. Моисей, правя другими, одновременно и сам, как раб, находился под управлением. Христос же, будучи Сыном, держит в руках всякое первенство. Частая и обычная для Писания метафора – называть Церковь домом Божиим. И поскольку этот дом устроится из верующих, каждый из них в отдельности зовется живым камнем. Они также называются и сосудами, наполняющими дом. Значит, никто из людей не выделяется настолько, чтобы перестать быть членом и не входить в состав вселенского тела Церкви. Одного лишь Бога следует возвышать над делом Его рук, как верховного архитектора.

Далее, Бог обитает во Христе, дабы Последнему принадлежало все, высказываемое о Боге. Если же кто возразит, что и Христос является частью здания, поскольку Он – его фундамент, наш брат и имеет с нами общение, и, кроме того, Он не может быть архитектором, поскольку Сам создан Богом, – ответ готов. Вера наша основана на Христе, но так, что Он тем не менее над ней председательствует, Он – наш брат, но так, что одновременно и Господь. Как человек, Он создан Богом, но так, чтобы Духом Своим животворить и восстанавливать все, поскольку остается вечным Богом. Писание пользуется разными свидетельствами для изъяснения явленной нам благодати Христовой. Но нигде не умаляет Его чести, о которой ныне рассуждает апостол. Вопрос стоит следующим образом: всех надлежит призвать к порядку, поскольку все должны покоряться общему Главе. Если же снова возразят, что Моисей был не меньшим архитектором, чем Павел, хвалившийся этим титулом, – отвечаю: данное имя переносится также на пророков и учителей, однако не в собственном смысле. Ибо они только орудия, и, причем, мертвые, доколе Господь не внедрит в них действительность с неба. Кроме того, созидая Церковь, они трудятся так, что и сами принадлежат ее зданию. С Христом же дело обстоит иначе. Ибо Он всегда созидает Церковь силой Своего Духа. Кроме того, Он возвышается над общим людским положением, будучи одновременно и храмом Божиим, и Самим Богом, в нем обитающим.

4) *А устроивший все.* Хотя эти слова можно отнести и к сотворению мира, я ограничиваю их смысл рассматриваемым здесь вопросом. Дабы мы поняли: в Церкви происходит лишь то, что угодно божественному могуществу. Ибо один лишь Бог основал Церковь Своей десницей, Пс.86:5. И Павел говорит о Христе (Еф.4:15): Он – Глава, из Которого все тело, сочлененное и соединенное посредством всяческих связей вторичного служения, в качестве следствия, испытывает прирост по мере каждого члена. Посему Павел часто проповедует, что успех его служения есть дело Христово. И если внимательно подумать, можно понять: делами каких бы людей ни пользовался Христос в созидании Церкви, Он один совершает и соделывает все, ибо орудие ни в чем не умаляет Того, Кто его сотворил.

5) *Моисей верен ... как служитель.* Второе отличие: Моисею было поручено учение, которому он покорялся вместе с остальными. Христос же, хотя и облечен в образ раба, все же остается Учителем и Господом, Которому должны покоряться все. Как сказано в 1-й и 2-й главах, Он был поставлен Наследником всего. Слова же «для засвидетельствования того, что затем надлежало возвестить» я толкую просто: Моисей есть глашатай того учения, которое, учитывая обстоятельства времени, следовало провозгласить³ древнему народу. Одновременно он засвидетельствовал и о Евангелии, которое еще не время было проповедовать. Ведь совершенно ясно: конец и завершение закона есть содержащееся в Евангелии совершенство премудрости. И такое толкование, кажется, требует будущее время причастия.⁴ Моисей добросовестно передал народу заповеданное Господом. Но ему были предписаны пределы, которые не подобало

³ Другие относят это к Евангелию. И, причем, я соглашусь

⁴ Но апостол имел в виду иное

преступать. Некогда Бог многократно и разными способами говорил через пророков, но так, что откладывал до полноты времен совершенное евангельское откровение.

6) *Дом же Его – мы.* Подобно тому, как Павел, назвав себя предназначенным для язычников апостолом (Рим.1:6), добавил для обретения доверия к себе, что в их числе находятся и Римляне, которым он писал, – так и теперь автор Послания увещевает иудеев, уже принявших Христа, пребывать стойкими в вере, дабы числиться в семействе Божиим. Прежде он сказал, что дом Божий подчинен власти Христовой. К этому положению добавляется увещевание, что место в божественном семействе они обретут в том случае, если станут повиноваться Христу.

Далее, поскольку иудеи уже начали принимать Евангелие, апостол оговаривает условие: «если только они устоят в этой вере до конца». Слово «надежда» я толкую здесь как веру. Действительно, надежда есть не что иное, как постоянство в вере. Упование и похваление апостол упоминает для большего изъяснения силы веры. И отсюда мы выводим: те, кто соглашается с Евангелием боязливо и с колебаниями, никак не могут считаться верующими. Ибо вера не может существовать без гармоничного душевного спокойствия, откуда проистекает уверенное дерзновение похвалы. Вот два постоянных следствия веры: упование и похваление, как мы уже говорили в толковании на пятую главу Послания к Римлянам и третью к Ефессянам.

И поскольку этим следствиям противится все папистское учение, оно, уже в силу этого, даже если бы и не имело другого порока, скорее разрушает, чем созидает Церковь Божию. Ведь уверенность, которая, по словам апостола, одна освящает нас в божественный храм, паписты не только затуманивают своими измышлениями, но и открыто осуждают как дерзость. Кроме того, какая может быть твердость упования, если люди не знают, во что им следует верить? Однако измышляемый ими монстр – имплицитная вера – есть не что иное, как дозволение заблуждаться. Данное место увещевает также возрастать вере до самой нашей смерти. Ведь вся наша жизнь – словно одно непрерывное ристалище.

7. Почему, как говорит Дух Святой, ныне, когда услышите глас Его, 8. не ожесточите сердец ваших, как во время ропота, в день искушения в пустыне, 9. где искушали Меня отцы ваши, испытывали Меня, и видели дела Мои сорок лет. 10. Посему Я вознегодовал на оный род и сказал: непрестанно заблуждаются сердцем, не познали они путей Моих; 11. посему Я поклялся во гневе Моем, что они не войдут в покой Мой. 12. Смотрите, братья, чтобы не было в ком из вас сердца лукавого и неверного, дабы вам не отступить от Бога живаго. 13. Но наставляйте друг друга каждый день, доколе можно говорить: «ныне», чтобы кто из вас не ожесточился, обольстившись грехом.

(7. Посему, (как говорит Дух Святой, ныне, когда услышите глас Его, 8. не ожесточите сердец ваших, как во время ропота, в день искушения в пустыне, 9. где искушали Меня отцы ваши, испытывали Меня, и видели дела Мои 10. сорок лет. Посему Я вознегодовал на оный род и сказал: непрестанно заблуждаются сердцем, не познали они путей Моих; 11. посему Я поклялся во гневе Моем, что они не войдут в покой Мой.) 12. Смотрите, братья, чтобы не было в ком из вас лукавого сердца неверия в отступлении от Бога живаго. 13. Но наставляйте друг друга каждый день, доколе можно говорить: «сегодня», чтобы кто из вас не ожесточился, обольстившись грехом.)

Апостол продолжает увещевать иудеев повиноваться говорящему им Христу. И дабы увещевание было весомее, подтверждает его свидетельством Давида. Поскольку их надлежало уколоть больнее, то, говоря об избегании в будущем преткновений, уместно было сослаться на чужой случай. Если бы апостол просто укорил их за неверие отцов, его выслушали бы не столь благосклонно. Но, призвав во свидетели самого Давида, он сильно смягчает их возможную неприязнь. Итог таков: Бог с самого начала хотел послушания Своему гласу и не мог выносить упорства, сурово за него мстя. Так же и сегодня Он пошлет нам тяжкое наказание за гордыню, если мы не проявим должную обучаемость. Впрочем, речь апостола прервана до слов «смотрите, братья». Посему, дабы лучше устанавливался контекст, все прочее надлежит заключить в скобки. Теперь по порядку обсудим каждую фразу в отдельности.

7) *Как говорит Дух Святой.* Эти слова способны гораздо сильнее затронуть души, чем если бы апостол просто назвал Давида по имени. Полезно привыкнуть к такого рода оборотам, дабы всегда помнить: раздающийся в пророческих книгах голос принадлежит не людям, а Богу. Далее, поскольку фраза «сегодня, если голос Его услышите» является частью предыдущего стиха, некоторые вполне уместно переводят «о, если бы». Несомненно, что Давид, называя иудеев народом Божиим и Его овцами, тут же подводит к выводу, что они должны выслушивать Божий глас. Ибо тех, кого Давид приглашает воспеть Богу хвалу и прославить Его благость, он одновременно учит, что послушание есть самое важное из требуемого Им поклонения, – более важное, чем все жертвы. Итак, первое, что нужно иудеям, – это покориться Слову Божию.

Затем следует: «не ожесточите сердец ваших». Эти слова указывают на следующее: наше восстание против Бога проистекает только от добровольного нечестия, когда мы закрываем доступ Его благодати. По природе у нас каменное сердце, и всем от утробы матери присуща ожесточенность, которую может смягчить и исправить только Бог. Когда же мы отвергаем глас Божий, это происходит по добровольной надменности, а не под внешним воздействием. И каждый может заметить за собой подобное. Посему Дух Святой заслуженно

винит всех в неверии за то, что люди противятся Богу, и сами являются учителями и авторами своего упорства, не имея права переложить вину на кого-либо еще.

Однако отсюда необоснованно делается вывод, что у нас, с другой стороны, имеется способность свободно настраивать сердце на послушание Богу. Вовсе нет. Скорее люди с необходимостью будут ожесточать свое сердце, доколе иное не будет дано им с неба. Ибо, будучи склонны ко злу, мы никогда не перестанем противиться Богу, доколе не смиримся, укрошенные Его десницей.

8) *Как во время ропота.* Есть две причины, по которым иудеям было полезно напомнить о непослушании их отцов. Ведь, глупо надмеваясь славой своего рода, они подражали порокам, а не добродетелям своих отцов, пытаясь прикрыться их примерами. Затем, слыша, что отцы были столь непокорны Богу, иудеи лучше познают из этого, сколь уместно данное увещание. Поскольку оба довода имели силу также во времена апостола, он свободно использует некогда сказанное Давидом для своих целей. Дабы те, к кому он обращается, не были чрезмерно привержены отцам. Отсюда можно вывести общее учение о том, насколько надо опираться на авторитет отцов, дабы он не увел нас от единого Бога. Ведь если когда-либо жили отцы, достойные чести, иудеи несомненно будут иметь здесь первенство. Однако Давид подчеркнуто заповедует своим детям остерегаться уподобления отцам. У меня нет сомнения, что сказанное относится к истории, приведенной в Исходе, гл. 17. Ведь Давид использует здесь оба слова, которые, по рассказу Моисея, были вполне уместны для этого случая: **מַרְבָּה**, означающее ругательство и раздражение, и **מִסָּה**, означающее искушение. Ибо иудеи и искушали Бога, отрицая, что Он находится среди них, потому, что страдали от жажды, и раздражали Его, споря с Моисеем.

Далее, из множества примеров их неверия Давид в качестве главного выбирает тот, который в сравнении с другими является самым достопамятным. Кроме того, остальное, по крайней мере, в главных чертах, называется во временном порядке, как видно из четвертой книги Моисея, где, начиная с четвертой главы, показана череда непрерывных искушений. Этот же случай описан в главе двадцатой. И данное обстоятельство немало усиливает тяжесть преступления. Какая неблагодарность – столько раз испытывав силу Божию, еще упорно с Ним спорить и выказывать всяческое недоверие! Поэтому Давид одним этим примером мог заменить все остальные. Слово «искушать» понимается здесь в дурном смысле: надменно и презрительно провоцировать кого-то. По-французски мы говорим: *defier comme en despitant*. И хотя Бог часто подавал им помощь, иудеи, словно забыв обо всем, насмешливо спрашивали, где же Его сила?

9) *Испытывали.* Эту часть можно перефразировать так: когда испытали и увидели дела Мои. Ведь вина их нечестия еще больше усиливается оттого что, наученные столькими примерами, они преуспели так слабо. Удивительная вялость и оцепенение – ни во что не ставить столько раз испытанную силу Божию. Сказанное затем о сорока годах согласуется у Давида с последующими стихами. Мы знаем, что апостолы, цитируя Писание, больше внимания обращали на смысл, чем на сами слова. Несомненно, Бог жалуется, что этот народ тяготил его в течение сорока лет, именно потому, что столькие благодеяния никак не помогли его воспитанию. Ибо, хотя Бог постоянно благодетельствовал недостойным, они не переставали Ему противиться. Отсюда и происходит постоянное раздражение. Он как бы говорит: не однажды, не малое лишь время они искушали Меня, но постоянными преступлениями в течение сорока лет. Род же означает людей определенного поколения или одного столетия.

10) *И сказал:* Приговор Божий, коим Он объявляет их чуждыми здравомыслия. Указывается и причина: «потому что не познали путей Моих». В итоге: Бог считает их безнадежными из-за отсутствия у них и разума, и понимания. Здесь Он говорит от лица человека, по собственному длительному опыту осознавшего упорство и безумие иудеев. И говорит, что иудеи заблуждались всегда, поскольку не видно никакой надежды на их вразумление.

11) *Посему Я поклялся.* Кара за безумие заключалась в том, что иудеев лишили обещанного им покоя. Далее, покоем Своим Господь зовет землю, где у них должно было быть постоянное местопребывание. Ибо иудеи, ранее по странствував в Египте, долгое время блуждали по пустыне. И ханаанская земля по обетованию должна была стать их вечным наследием. Бог зовет эту землю Своей, ссылаясь на Свое обетование, поскольку постоянное пребывание у нас может быть лишь там, куда нас помещает божественная десница. Право же надежного владения основано на словах Бога Аврааму: *семени твоему дам землю сию*. И факт божественной клятвы еще ярче и выразительнее подчеркивает тяжесть выпавшего зла, являясь символом более, чем обычно, пламенеющего гнева.

Не войдут в покой Мой. Формула клятвы, в которой нечто подразумевается. В устах людей она похожа на молитву или что-то подобное. Когда же говорит Сам Бог, смысл таков: пусть не считают Меня верным слову, и не выказывают никакой веры, если не будет так, как Я сказал. Неполная речь рекомендует нам страх и почтение, дабы мы не кидались необдуманно клясться подобно многим людям, внезапно извергающим жуткие проклятия. Что же касается настоящего места, не следует думать, будто иудеям лишь тогда первый раз запретили входить в землю, когда они искусили Бога в Рефидиме. Им запретили намного раньше, когда, выслушав согладатаев, они отказались от дальнейшего продвижения. Значит, Бог не зовет здесь искушение первой причиной изгнания, но хочет сказать, что никакое наказание не могло вернуть иудеям здравомыслие.

Напротив, к старым грехам они постоянно добавляли новые. Таким образом, Он показывает, что иудеи достойны самого сурового наказания, поскольку не переставали усиливать Его гнев разнообразными грехами. Бог как бы говорит: вот поколение, которому Я отказал в обещанном обладании землею, которое в течение всех сорока лет выдавало свое безумие бесчисленными преступлениями.

12) *Смотрите, братья, чтобы не было.*⁵ Я предпочел дословно привести сказанное апостолом, нежели перефразировать выражение «лукавое сердце неверия», означающее неверие, соединенное с порочностью и злобой, если, уже вкусив Христа, слушатели отойдут от Его веры. Ведь апостол обращается к тем, кто уже напитан начатками христианства. Посему тут же добавляет – «в отступлении», ибо отступление прочно связано с вероломством. Апостол указывает и на средство, предохраняющее от подобной порочности, а именно: взаимное увещание. Будучи по природе склонными ко злу, мы нуждаемся в разных вспомоществованиях, удерживающих нас в страхе Божиим. Если не поднимать время от времени нашу веру – она будет лежать, если не согреть ее – она охладет, если не пробуждать – уснет.

Итак, апостол хочет, чтобы слушатели пробуждали друг друга взаимными увещаниями. Дабы в сердца их не проник сатана и не увел от Бога собственной ложью. Отметим причину для подобных слов. Ведь мы не сразу впадаем в такое безумие, чтобы бороться с Богом. Но сатана чувственно науськивает нас косвенными уловками, доколе не завлечет в свои сети. И тогда, будучи ослепленными, мы решаемся на открытое восстание. Значит, сопротивление надо оказывать своевременно. Причем, опасность угрожает всем. Ведь нет ничего проще, чем впасть в заблуждение. Но от заблуждения затем рождается ожесточенность сердца. Отсюда мы видим: сколь необходимо нам подстегиваться уколами увещаний. Апостол же не только в целом предписывает всем остерегаться за себя, но и хочет, чтобы все заботились о спасении каждого члена церкви. Дабы верующие небрежением своим не позволили погибнуть никому из тех, кто однажды был призван. В этом он видит обязанность доброго пастыря, который должен бдеть о спасении всего стада, не пренебрегая никакой овцой.

13) *Доколе можно говорить.* Апостол еще ближе приспособляет к собственному намерению слова Давида. Ведь то «сегодня», о котором упоминается в псалме, не следует ограничивать веком Давида. Оно охватывает все время, в которое нас призывает Бог. Значит, всякий раз и до той поры, пока священные уста открыты для нашего наставления, будем всегда вспоминать слова: сегодня, если голос Его услышите. По той же причине и Павел учит, что, когда нам проповедуется Евангелие, и наступает то самое благоприятное время, когда нас слышит Бог, и день спасения, когда Он нам помогает. Далее, этой возможностью следует пользоваться. Ведь если мы позволим себе упустить ее по собственной лени, напрасно будем плакать впоследствии о данной утрате. Как и Христос говорит (Ин.12:35): ходите, пока имеете свет. Ибо вскоре наступит ночь. Значит, слово «доколе» намекает, что возможность будет не всегда, если мы станем лениться следовать за зовущим нас Господом. Ныне Бог стучит в нашу дверь. Если мы не откроем Ему, Он в свою очередь закроет перед нами дверь Своего Царства. Тогда запоздалыми окажутся вздохи тех, кто ныне презирает предложенную благодать. Значит, поскольку мы не знаем, захочет ли Бог продолжать призывать нас завтра, не будем откладывать наш ответ Ему. Сегодня Он зовет, ответим же Ему скорее. Ибо веры нет там, где отсутствует готовность к повиновению.

14. *Ибо мы сделали причастниками Христу, если только начатую жизнь твердо сохраним до конца, 15. доколе говорится: «ныне, когда услышите глас Его, не ожесточите сердец ваших, как во время ропота». 16. Ибо некоторые из слышавших возроптали; но не все вышедшие из Египта с Моисеем. 17. На кого же негодовал Он сорок лет? Не на согрешивших ли, которых кости пали в пустыне? 18. Против кого же клялся, что не войдут в покой Его, как не против непокорных? 19. Итак видим, что они не могли войти за неверие.*

(14. *Ибо мы сделали причастниками Христу, если только начало упования твердо удержим до конца, 15. доколе говорится: «ныне, когда услышите глас Его, не ожесточите сердец ваших, как во время ропота». 16. Ибо некоторые из слышавших возроптали; но не все вышедшие из Египта с Моисеем. 17. На кого же негодовал Он сорок лет? Не на согрешивших ли, которых кости пали в пустыне? 18. Против кого же клялся, что не войдут в покой Его, как не против неверующих? 19. Итак видим, что они не могли войти за неверие.*)

14) *Причастниками.* Апостол хвалит их доброе начинание. Но, дабы они под предлогом полученной благодати не потакали плотскому спокойствию, говорит, что они нуждаются в стойкости. Ведь многие, только вкусив Евангелие, ведут себя так, словно достигли вершины, не думая о дальнейшем продвижении. Таким образом, они продолжают сидеть не только на полпути, вблизи покинутой темницы, но и обращают свой путь в другую сторону. Красивое с виду возражение: чего еще хотеть нам, если мы уже приняли Христа? Однако если Христом обладают через веру, в ней и нужно стоять, дабы обладание наше было вечным. Значит, Христос дал нам Себя для обладания с тем условием, чтобы в той же вере, с какой мы были допущены к участию в Нем, мы сохранили толикое благо до конца жизни. Поэтому апостол и говорит «начало», желая показать, что вера наша является лишь начальной. Поскольку слово *hypostasis* иногда означает «упование»,

⁵ Дословно: лукавое сердце неверия

его и здесь возможно понимать в таком смысле. Однако меня устраивает и данный другими перевод «субстанция». Хотя я толкую сказанное немного иначе. Другие думают, что вера названа здесь потому, что все человеческое существо без нее – не что иное, как суета. Я же полагаю, что причина в следующем: в вере мы успокаиваемся, и нет другой опоры, на которой можно утвердиться. Эпитет же «твердо» здесь вполне подходит. Ибо мы будем устойчивы и вне опасности шатания, если только будем водружены на веру. Итог таков: вера, от которой ныне мы имеем лишь начатки, должна идти до конца в твердости и постоянстве.

15) *Доколе говорится.* Апостол хочет сказать, что, покуда мы живем, всегда имеется возможность для преуспеяния. Ибо Бог ежедневно призывает нас к Себе. Поскольку проповеди Евангелия отвечает наша вера, как в течение всей жизни нам необходима проповедь, так же постоянно надо расти и в собственной вере. Фраза *ἐν τῷ λέγεσθαι* равносильна следующему: поскольку Бог никогда не перестает говорить, недостаточно с готовностью принимать Его учение, если и завтра и впоследствии не выказывать Ему такого же послушания.

16) *Некоторые из слышавших.* Давид говорит об отцах так, словно все их поколение отличалось неверием. Однако ясно, что со злыми были смешаны и те, кто истинно боялся Бога. Здесь апостол упоминает об этом, смягчая сказанное Давидом и давая понять: Слово предлагается всем с той целью, чтобы все слушались его в едином согласии. И весь народ заслуженно осуждается за неверие, если тело его изуродовано и покалечено отпадением большей его части. Он делает это не только ради того, чтобы избежать оскорбления, но и чтобы воодушевить иудеев подражать тем, кто уверовал. Он как бы говорит: подобно тому, как Бог запрещает вам следовать неверию отцов, так же Он предлагает вам и других отцов, вера которых станет для вас примером. Таким образом смягчается то, что иначе могло бы показаться слишком суровым, если бы иудеям приказали полностью отойти от отцов.

«Выйти с Моисеем» означает здесь быть ведомым рукою Моисея. Поскольку последний был служителем избавления. Здесь присутствует скрытое сравнение благодеяния, данного Богом через Моисея, с ранее упомянутым причастием Христу.

18) *Против кого же.* Апостол хочет сказать, что Бог ранее гневался на Свой народ только по справедливым причинам. Так же и Павел увещевает в Первом Послании к Коринфянам, гл. 10:5,6. Значит, сколько раз мы читаем об обращениях Бога к древнему народу, столько же раз находим тягчайшие грехи, вызывающие омпущение Божиим. Хотя всегда надо помнить о следующем: причиной всех зол является неверие. Ибо, упомянув о нем на последнем месте, апостол все же имеет в виду, что оно – первая причина проклятия. Действительно, с того момента, как иудеи впали в неверие, они не переставали грешить и время от времени навлекали на себя все новые и новые кары. Значит, те же самые люди, которые по неверию отвергли предложенное им обладание землей, оскверняя себя то вожделением, то ропотом, то прелюбодеяниями, то мирскими суевериями, – эти же люди все время шли за своей гордыней, дабы еще больше засвидетельствовать собственную порочность. Итак, то самое неверие, которое они выказывали с начала, и воспрепятствовало им получить божественный дар. Ведь презрение к Слову всегда побуждало их к греху. И как неверием они заслужили поначалу, чтобы Бог лишил их обещанного покоя, так и всякие последующие их грехи происходили из того же источника.

Далее, спрашивается: включаются ли сюда Моисей, Аарон и им подобные. Отвечаю: апостол скорее говорит обо всем теле, чем об отдельных его членах. Несомненно, что имелись многие благочестивые, или совсем не затронутые общим нечестием, или же скоро его отвергшие. Вера же Моисея поколебалась лишь однажды, и то на один миг. Посему в словах апостола присутствует синекдоха, употребляющаяся довольно часто, когда речь идет о народе или какой-нибудь толпе.

Глава 4

1. Посему будем опасаться, чтобы, когда еще остается обетование войти в покой Его, не оказался кто из вас опоздавшим. 2. Ибо и нам оно возвещено, как и тем; но не принесло им пользы слово слышанное, не растворенное верою слышавших.

(1. Посему будем бояться, чтобы, когда еще остается обетование войти в покой Его, не оказался кто из вас опоздавшим. 2. Ибо и нам оно возвещено, как и тем; но не принесло им пользы слово слышанное, ибо не было соединено с верою в тех, кто слышал.)

1) *Посему будем бояться.* Апостол заключает, что следует бояться, как бы иудеи, к которым он писал, не лишились предложенного им благословения. И снова говорит: «чтобы кто», – положив в душе намерение всех привести к Богу. Подобно тому, как обязанность доброго пастыря – заботиться обо всем стаде так внимательно отдельным овцам, чтобы ни одна из них не погибла. Больше того, так и нам следует относиться друг ко другу, чтобы всякий боялся за ближнего, как за самого себя. Впрочем, здесь нам предписывается страх не тот, который устраняет убежденность веры, а тот, который лишь внушает озабоченность, мешая лености и оцепенению. Значит, надо бояться не потому, что нам надлежит трепетать и сомневаться, словно мы не уверены в исходе, но для того, чтобы не отринуть божественную благодать.

Говоря же: «не оказался кто опоздавшим», – апостол хочет сказать, что лишаются лишь те, кто, отвергнув благодать, еще раньше отрекся от обетования. Ибо Бог не кается в Своих благодеяниях и продолжает одаривать нас, если мы не презираем Его призвания. Вывод в следующем: падение прочих научает нас смирению и бдительности. Подобным образом говорит и Павел: они пали по неверию; итак, не надмевайся, но страшись (Рим.11:20).

2) *Ибо и нам.* Апостол говорит, что одним и тем же учением Бог и сегодня приглашает нас к Себе, и некогда приглашал древних отцов. Зачем это сказано? Дабы мы знали: призвание Божие ни в чем не поможет нам больше, чем помогло им, если мы не подтвердим его своей верой. Итак, это добавлено в качестве уступки. Нам также предлагается Евангелие, но дабы мы не хвалились напрасно, апостол сразу добавляет: неверующие, которых Бог некогда сделал участниками таких же благ, не возымели от этого никакой пользы. Посему и мы будем лишены данного благословения, если не примем его верою. И апостол снова говорит о слышании, дабы мы знали: слышание бесполезно, хотя бы нам и говорилось Слово, если с ним не соединяется вера.

Впрочем, здесь следует отметить отношение между Словом и верой, которое таково, что веру нельзя отделять от Слова, и Слово, отделенное от веры, ничем не помогает. Не потому, что действенность Слова зависит от нас. Ибо если и весь мир окажется лживым, не перестанет быть истинным Тот, Кто не может лгать. Но Слово только тогда являет Свою силу по отношению к нам, когда мы приступаем к нему с верой. Ибо Слово – сила Божия ко спасению, но только для верующих. В нем открывается истина Божия, но от веры в веру. Таким образом, Слово Божие вечно действенно и спасительно для людей, если оценивать его по его собственной природе. Но плод его ощущается только верующими.

Что же касается первой части, в которой я сказал, что веры нет там, где отсутствует Слово, и тот, кто пытается их разлучить, полностью уничтожает и сводит на нет веру, – то это достойно быть отмеченным. Ибо отсюда явствует, что вера может существовать лишь в детях Божиих, коим одним дается обетование усыновления. Какую веру имели бы бесы, которым не обещается никакого спасения? Какую имели бы все нечестивые, не знающие Слова? Значит, вере всегда должно предшествовать слышание, дабы мы знали, что с нами говорит Бог, а не человек.

3. *А входим в покой мы уверовавшие, так как Он сказал: «Я поклялся в гневе Моем, что они не войдут в покой Мой», хотя дела Его были совершены еще в начале мира.* 4. *Ибо негде сказано о седьмом дне так: и почил Бог в день седьмый от всех дел Своих.* 5. *И еще здесь: «не войдут в покой Мой».* 6. *Итак, как некоторым остается войти в него, а те, которым прежде возведено, не вошли в него за непокорность,* 7. *то еще определяет некоторый день, «ныне», говоря через Давида, после столь долгого времени, как выше сказано: «ныне, когда услышите глас Его, не ожесточите сердец ваших».* 8. *Ибо если бы Иисус Навин доставил им покой, то не было бы сказано после того о другом дне.* 9. *Посему для народа Божия еще остается суббота.* 10. *Ибо, кто вошел в покой Его, тот и сам успокоился от дел своих, как и Бог от Своих.*

(3. *А мы входим в покой после того, как уверовали, так как Он сказал: «Я поклялся в гневе Моем, что они не войдут в покой Мой», хотя дела Его были совершены еще в начале мира.* 4. *Ибо негде сказано о седьмом дне так: и почил Бог в день седьмый от всех дел Своих.* 5. *И еще здесь: «не войдут в покой Мой».* 6. *Итак, как некоторым остается войти в него, а те, которым прежде возведено, не вошли в него за непокорность,* 7. *то еще определяет сегодняшний день, говоря через Давида, после столь долгого времени, как выше сказано: «сегодня, когда услышите глас Его, не ожесточите сердец ваших».* 8. *Ибо если бы Иисус доставил им покой, то не было бы сказано о другом после тех дней.* 9. *Посему для народа Божия еще остается суббота.* 10. *Ибо, кто вошел в покой Его, тот и сам успокоился от дел своих, как и Бог от Своих.*)

Апостол начинает разукрашивать ранее процитированное из Давида место. До сей поры он толковал его буквально, то есть – в подлинном смысле; теперь же, украшая, усиливает смысл, и больше намекает, чем толкует слова Давида. Такая же *ἐπεξεργασία* имеется и у Павла, Рим.10:6, в толковании свидетельства Моисея: не говори, кто взойдет на небо? Вовсе не глупо приспособлять Писание к текущему замыслу, и сказанное в нем просто украшать цветами уподобления. Далее, итог сказанного сводится к тому, что и к нам относится угроза Божия в псалме о лишении покоя. Ведь и нас Он приглашает сегодня в некий покой. Особая трудность, связанная с данным местом, проистекает из того, что многие искажают его смысл, в то время как апостол хотел лишь, пообещав нам некоторый покой, обострить наше желание и одновременно утешить, дабы неверие не преградило нам дорогу. Между тем, он учит, что этот покой, в который нам ныне открыт доступ, много превосходнее земли Ханаана. Но давайте обсудим все по порядку.

3) *Входим в покой мы уверовавшие.* Довод от противного. Одно лишь неверие удерживает нас. Значит, доступ открывается через веру. Ибо следует вспомнить уже изъясненное апостолом: Бог, разгневавшись на неверующих, поклялся, что они не станут участниками Его благ. Значит, входят те, которым не мешает неверие, лишь бы их пригласил Бог. Однако, говоря от первого лица, Он привлекает их большей приятностью, отделяя от прочих людей.

Хотя дела. Дабы определить, каков наш покой, апостол отсылает нас к словам Моисея: Бог сразу же от создания мира успокоился от Своих дел. И, наконец, заключает: это и есть истинный покой верующих, пребы-

вающий во все века, если они уподобляются Богу. Действительно, так как высшее счастье человека – при-
никать к своему Богу, это должно быть и его конечной целью, к которой относятся все замыслы и действия.
Апостол доказывает сказанное тем, что Бог, названный успокоившимся, впоследствии долгое время отказы-
вал неверующим в Собственном покое. И Бог делал бы это напрасно, если бы не хотел по Собственному
примеру успокоить верующих. Посему апостол говорит: «некоторым остается войти в него». Ведь если не
войти, как уже было сказано, есть кара за неверие, то верующим доступ полностью открыт.

Несколько труднее истолковать добавленное после, что в псалме нам установлен иной сегодняшний день,
ибо прежние были отброшены. Кажется, что слова Давида ни о чем подобном не говорят. Они повествуют
лишь о том, что Бог отомстил за неверие народа, лишив его обладания землею. Отвечаю: вывод вполне
обоснован. Нам предлагается то, в чем было отказано им. И Дух Святой увещевает нас: не следует по нашей
вине допускать, чтобы нас покарал тем же видом наказания. Что же из этого следует? Если бы нам сегодня
ничего не обещалось, разве уместным было бы увещевание: смотрите, как бы с вами не вышло того же, что
и с отцами? Посему апостол заслуженно говорит: поскольку неверие отцов оставило наследие незанятым и
заброшенным, обетование возобновляется детям, дабы те получили то, чем пренебрегли отцы.

8) *Ибо если бы Иисус Навин доставил им покой.* Апостол не отрицает, что покоем Давид обозначал ханаан-
скую землю, в которую народ ввел Иисус Навин. Но отрицает, что это и есть тот конечный покой, по кото-
рому воздыхают верующие. Покой, общий для нас и верующих того века. Несомненно, что и тогда верую-
щие взирали выше этой земли. Больше того, ханаанская земля ценилась настолько именно потому, что была
образом и символом духовного наследия. Значит, получив эту землю в обладание, отцы должны были не
упокоиться, словно достигли предела желаний, но скорее размыслить о духовном смысле этого обладания.
Те, к кому обращался Давид, уже наслаждались обладаемым, но слышали наставление о том, чтобы искать
лучший покой. Мы видим, что ханаанская земля была не столько покоем, сколько тенью покоя. И верую-
щим надлежало идти дальше. В этом смысле апостол отрицает, что Иисус Навин доставил верующим покой.
Ведь народ для того под его руководством вошел в обетованную землю, чтобы еще окрыленное устремиться
к небесам.

Отсюда легко понять, какая между ними и нами существует разница. И для них, и для нас поставлена одна и
та же цель, но им даны еще и внешние образы, направлявшие их к цели, у нас же последних не имеется. Да
они нам и не нужны, поскольку перед глазами у нас сама истина. Хотя спасение наше еще помещено в на-
дежде, все же, что касается учения, мы идем на небеса прямой дорогой. И Христос не для того протягивает
нам руку, чтобы вести через образы окольными путями, но чтобы нас, покинувших мир, прямо вознести на
небеса. Апостол же, отделив тень от истины, поступил так потому, что имел дело с иудеями, чрезмерно при-
леплявшимися к внешним вещам. Он заключает, что для народа Божия еще остается субботствование, то
есть, некий духовный покой, к которому Бог нас сегодня приглашает.

10) *Ибо кто вошел.* Определение вечной субботы, в которой состоит высшее блаженство людей, где имеется
некоторое сходство между ними и Богом. Ибо все, что когда-либо говорили о высшем благе философы, бы-
ло неумным и вздорным потому, что держало человека внутри самого себя. В то время как для обретения
блаженства необходимо выйти за пределы нас самих. Итак, высшее благо человека – не что иное, как соеди-
нение с Богом. И оно достигается, поскольку мы созданы по Его подобию. Далее, апостол учит видеть это
подобие в том, чтобы мы успокоились от своих дел. Отсюда, наконец, следует, что человек, отрешившись от
себя, становится блаженным. Ибо что иное есть прекращение наших дел, нежели умерщвление плоти, когда
человек отрицается от себя, чтобы жить для Бога?

Отсюда всегда следует начинать, когда заходит речь о правилах благочестивой и святой жизни. Дабы чело-
век, неким образом умерев для себя, позволял жить внутри себя Богу. Дабы он, отвратившись от собствен-
ных дел, давал Богу возможность действовать. Ибо необходимо признать: жизнь лишь тогда устроится пра-
вильно, когда подчинена Богу. Однако из-за нашей врожденной порочности это не произойдет никогда, до-
коле мы не отойдем от собственных дел. Противоречие между управлением Божиим и нашими чувствами
таково, что Бог может действовать в нас только при нашем бездействии. А поскольку истинное завершение
сего покоя никогда не достигается в этой жизни, всегда необходимо на нем основываться. Таким вот обра-
зом и входят верующие в покой, но при условии, что, подвизаясь, они настойчиво будут преуспевать.

Впрочем, не сомневаюсь, что апостол намеренно намекает здесь на субботу, дабы отвратить иудеев от ее
внешнего соблюдения. Ибо отмену ее можно понять лишь тогда, когда познана ее духовная цель. Посему
апостол делает сразу две вещи: расхваливая превосходство благодати, он побуждает нас принять ее верою, и
попутно показывает, каково истинное предназначение субботы, чтобы иудеи не прилеплялись к внешним
церемониям. Он не говорит открыто об обмене субботствования, поскольку не в этом его цель. Но, уча, что
установление сие относились к другому, постепенно уводит их от суеверного мнения. Ибо тот, кто верит в
иную цель заповеди, нежели внешний покой и земной культ, взирая на Христа, легко поймет, что обряды
упразднились с Его приходом. Ведь при явлении тела, тени сразу же исчезают. Значит, обучая других, все-
гда надобно начинать с того, что Христос – истинный конец закона.

11. Итак постараемся войти в покой оный, чтобы кто по тому же примеру не впал в непокорность. 12. Ибо слово Божие живо и действенно и острее всякого меча обоюдоострого: оно проникает до разделения души и духа, составов и мозгов, и судит помышления и намерения сердечные. 13. И нет твари, сокроенной от Него, но все обнажено и открыто перед очами Его: Ему дадим отчет.

(11. Итак постараемся войти в покой оный, чтобы кто не пал по тому же примеру неверия. 12. Ибо слово Божие живо и действенно и острее всякого меча обоюдоострого: проникающее до разделения души и духа, составов и мозгов, и судья помышлений и намерений сердечных. 13. И нет твари, сокроенной от Него, но все обнажено и открыто перед очами Того, Кому дадим отчет.)

Показав цель, к которой мы должны идти, апостол теперь увещевает нас отправиться в путь. А это произойдет тогда, когда мы привыкнем к отречению от себя. Ведь вход в покой он сравнивает с правильным продвижением, противопоставляя ему отпадение. Таким образом, здесь в обеих частях содержится метафора. Хотя одновременно автор намекает и на историю, почерпнутую из Моисея, о тех, которые пали в пустыне, будучи непокорны Богу. Посему он говорит *τῷ αὐτῷ ὑποδείγματι*, желая сказать, что в ней словно на картине изображается кара за неверие и надменность. И нет сомнения, что нас ожидает тот же самый исход, если подобное неверие обнаружится и в нас. Значит, «пасть» понимается здесь, как «погибнуть». Или, выражаясь яснее, имеется в виду не грех, а само наказание. Однако перевод отвечает как первому слову «войти», так и грустному отпадению отцов, примером которых автор желал устроить иудеев.

12) Ибо слово Божие живо. Все, что говорит апостол о действенности Слова, сказано к тому, чтобы иудеи знали: его нельзя безнаказанно презирать. Апостол как бы говорит: всякий раз когда Господь понуждает нас Своим Словом, Он обращается к нам серьезно, дабы затронуть все наши внутренние чувства. Посему нет такой части души, которой не следовало бы придти в движение. Впрочем, прежде чем идти дальше, надо понять, говорит ли апостол о Слове вообще, или особенно по отношению к верующим. Ибо ясно, что Слово Божие не одинаково действенно во всех людях.

В отношении избранных оно являет Свою силу, дабы те, смирившись от правильного самопознания, прибегли к благодати Христовой. А это не может произойти без того, чтобы Слово не проникло до самых тайников сердца. Ибо следует стряхнуть лицемерие, дивно и более чем извортливо скрывающееся в человеческих сердцах. Затем нас надлежит не легко и поверхностно кольнуть, а полностью изранить, дабы, ужаснувшись ощущения вечной смерти, мы научились умирать для самих себя. Наконец, мы никогда не обновимся всем разумением (что, однако, заповедует Павел), доколе нашего ветхого человека не пронзит острие сего духовного меча. Поэтому Павел говорит в другом месте (Фил.2:17), что верующие закаляются для Бога через Евангелие, поскольку не могут начать повиноваться Богу без того, чтобы в них не погибла собственная воля, и не могут воспринять свет божественной мудрости, не упразднив до этого мудрость плоти.

В отверженных же ничего подобного не видно. Они или спокойно презирают говорящего Бога и даже над Ним насмеваются, или же освистывают Его учение, надменно ему противоборствуя. Наконец, как Слово Божие является молотом, так и сердце их подобно наковальне, отражающей собственной твердостью любые, сколь угодно сильные удары. Значит, им далеко до того, чтобы Слово Божие проникло в них до разделения души и духа. Поэтому кажется, что данная похвала ограничена одними верующими, ибо только они живо затрагиваются этим Словом.

Однако контекст апостола показывает: положение является всеобщим, относящимся также к отверженным людям. Ибо какими бы ожесточенными они ни оставались, как бы ни противопоставляли Слову Божию свои стальные сердца, их с необходимостью повязывает собственная вина. Они смеются, но сардоническим смехом, поскольку внутри себя чувствуют удушье, прибегают к разным уловкам, дабы не придти на судилище Божие, но против воли влекутся на него тем же Словом, которое они яростно поносят. Так что их уместно сравнить с бешеными псами, которые, кусая, царапая когтями сковывающую их цепь, ни в чем не имеют успеха, продолжая пребывать в неволе.

Наконец, даже если действенность Слова проявится не в самый первый день, из последующего можно будет заключить, что оно не напрасно проповедовалось тому или иному человеку. Несомненно, общеприменимо сказанное Христом (Ин.16:8): Дух, придя, обличит мир. Однако Дух осуществляет сей суд посредством евангельской проповеди. Наконец, даже если Слово Божие не всегда проявляет на людях свою силу, оно содержит ее неким образом внутри себя. Апостол же рассуждает здесь о его природе и свойственном ему служении с целью научить нас, что наша совесть, как только Слово Божие зазвучит в ушах, призывается виновной на божественный суд. Он как бы говорит: если кто думает, будто возвещаемое Слово Божие лишь напрасно сотрясает воздух, то сильно ошибается. Ибо оно живо и полно скрытой действенности, не оставляющей в человеке ничего нетронутого. Итог же в следующем: как только Бог открывает Свои священные уста, все наши чувства должны открыться для восприятия Его Слова. Ведь Бог хочет не напрасно расточать слова или исчезающие, или в небрежении забываемые, но действительно разбудить человеческую совесть и покорить ее Своей власти. Посему Он дал Слову Своему такую силу, что оно потрясает все части души, испытывает все помышления, вникает во все чувства и являет себя истинным судьей.

Но здесь встает новый вопрос: относить ли сказанное к закону или к Евангелию? Думающие, что апостол говорит здесь о законе, приводят такое свидетельство Павла: закон – служение смерти, убивающая буква, он только навлекает гнев Божий, и прочее в этом роде (2Кор.3:6,7; Рим.4:15). Но здесь апостол упоминает и об обратных последствиях. Ибо, как было сказано: имеется некое животворное умерщвление души, происходящее посредством Евангелия. Итак, будем знать, что апостол рассуждает здесь обо всем учении Божиим, говоря о его живости и действенности. Так и Павел свидетельствует (2Кор.2:16), что от его проповеди исходит запах смерти в смерть для неверующих, и запах жизни в жизнь для уверовавших. Так что Бог никогда не говорит напрасно, но так, что одних приводит к спасению, а других низвергает в погибель. Такова власть вязать и разрешать, которой Господь снабдил Своих апостолов. Такова духовная власть, которой хвалится Павел, 2Кор.10:4. Действительно, когда Павел обещает нам спасение во Христе, он всегда, с другой стороны, возвещает мщение неверующим, которые, отвергая Христа, навлекают на себя смерть.

Кроме того, следует отметить, что апостол говорит здесь о Слове Божиим, достигающем нас через служение людей. Ибо безумны и даже гибельны мысли о том, что внутренне Слово является действенным, а исходящее из человеческих уст – мертвым, лишенным всякого эффекта. Признаю, что действенность проистекает не от человеческих слов, не заключается в самом их звуке, что всю ее надо относить к Святому Духу. Однако это не мешает Духу являть Свою силу в проповедуемом Слове. Ибо Бог, говоря не Сам, а через людей, усердно следит за тем, чтобы учение Его не встретило презрения из-за того, что возвещается людским служением. Так и Павел, называя Евангелие силой Божией, старательно украшает сим титулом и собственную проповедь, видя, что одни гнушаются ею, а другие презирают. И когда в другом месте (Рим.10:8) учит, что спасение приносится через учение веры, подчеркивает, что речь идет об учении проповедуемом. Итак, мы видим, что Бог явно расхваливает перед нами учение, преподаваемое людским служением, дабы мы его уважали.

Далее, «живое Слово» понимается так относительно людей, что яснее видно из последующего эпитета. Ибо апостол показывает затем, какая это жизнь, говоря о действенности Слова. Ведь цель его – научить тому, как Слово используется по отношению к нам. Метафору меча Писание приводит и в других местах, но автор послания, не довольствуясь простым сравнением, называет Слово Божие острейшим любого меча, причем обоюдоострого, ибо тогда часто использовали мечи, заостренные лишь с одной стороны.

Оно проникает до. Слово «душа» часто означает то же, что и дух, но когда они соединены вместе, первое охватывает все чувства, а второе означает так называемые умственные способности. Так и Павел, 1Фес.5:23, моля Бога, чтобы Тот сохранил в целости дух, душу и тело слушателей для пришествия Христова, хочет лишь того, чтобы они оставались чистыми в разуме, воле и всех внешних поступках. Подобным образом и Исаия, 26:9, говоря: душа моя возжелала Тебя ночью, духом моим взыскал Тебя, – несомненно имеет в виду, что он взыскует Бога старательно, используя для этого и разум, и сердце. Знаю, что другие толкуют это иначе, однако надеюсь, что все здравомыслящие со мною согласятся.

Теперь перейдем к настоящему отрывку. Слово Божие проникает до разделения души и духа, то есть, испытывает всю человеческую душу. Оно исследует помышления и проверяет волю со всеми ее пожеланиями. Сюда же относится и сказанное о составах и мозгах. Апостол хочет сказать, что нет ничего столь твердого или каменного в человеке, ничего столь сокрытого, чтобы туда не проникла действенность Слова. Именно это утверждает и Павел, 1 Кор.14:24: пророчество способно обличать и судить людей, дабы на свет вышли тайные сердечные думы. И поскольку служение Христово – открывать, выводить на свет помышления из тайников сердца, Он делает это по большей части посредством Евангелия.

Итак, Слово Божие является **критиком**, поскольку выводит человеческий разум на свет познания из того лабиринта, в котором тот прежде блуждал. Ибо нет тьмы более мрачной, чем тьма неверия. И лицемерие жутким образом нас ослепляет. Слово же Божие рассеивает эту тьму, изгоняет лицемерие. Отсюда то различие и распознавание, о котором упоминает апостол. Ведь пороки, скрывавшиеся под личиной добродетели, по устранении личины начинают открыто распознаваться. Если же отверженные и скрываются на время в своих пещерах, они все же чувствуют, что и туда проникает свет Слова, не давая им избежать божественного суда. Отсюда их ропот и ярость. Ведь, если бы их не поразило Слово, безумие их не проявилось бы столь наглядно. Поэтому они желали бы отшутиться или путем уловок избежать его силы. Они также желали бы притворяться, но Бог и этого им не позволяет. Значит, всякий раз как они противоречат Слову Божию или гневаятся на него, они вынуждены признать, что, хоть и против воли, внутренне чувствуют его силу.

13) *И нет твари.* Соединительный союз (на мой взгляд) имеет здесь причинный смысл. Ведь апостол, дабы подтвердить сказанное: Слово Божие судит все сокрытое в человеке, – заимствует аргумент от божественной природы. Никакая тварь не может скрыться от очей Божиих. Значит, нет такого потаенного в душе человека, что не вывело бы на свет Слово, подражающее всемогуществу Своего Автора. В обязанность Бога входит исследовать сердца, и данное исследование Он осуществляет Своим Словом.

И поскольку переводчики не принимали во внимание то, что Слово Божие подобно корабельному шесту, коим проверяется и исследуется все сокрытое в наших сердцах, они насильственно исказили это место, хотя и не могли выпутаться из затруднений. Но всякая трудность устраняется следующим рассуждением: Слову

Божью надо повиноваться искренне и с серьезным сердечным чувством. Ведь Бог, знающий наши сердца, присвоил Слово Своему служению проникать до самых потаенных сердечных помышлений.

Переводчиков также ввела в заблуждение двусмысленная фраза *πρὸς ὃν ἡμῖν ὁ λόγος*. Они перевели ее: к которому у нас речь. Однако скорее следует переводить: с которым у нас дело. И смысл этого речения таков: дело ведет с нами Сам Бог. Или: именно с Богом мы имеем дело. Поэтому с Ним не следует шутить, словно со смертным человеком. Но всякий раз как Он предлагает нам Свое Слово, надо трепетать, поскольку от последнего ничего не сокрыто.

14. Итак, имея Первосвященника великого, прошедшего небеса, Иисуса Сына Божия, будем твердо держаться исповедания нашего. 15. Ибо мы имеем не такого первосвященника, который не может сострадать нам в немощах наших, но Который, подобно нам, искушен во всем, кроме греха. 16. Посему да приступаем с дерзновением к престолу благодати, чтобы получить милость и обрести благодать для благовременной помощи.

(14. Итак, имея Первосвященника великого, прошедшего небеса, Иисуса Сына Божия, будем держаться исповедания. 15. Ибо мы имеем не такого первосвященника, который не может сострадать нам в немощах наших, но Который, по подобию, искушен во всем, кроме греха. 16. Посему да приступаем с дерзновением к престолу благодати, чтобы получить милость и обрести благодать для благовременной помощи.)

14) *Итак, имея.* До сих пор автор рассуждал об апостольстве Христа. Теперь же он переходит ко второй части Его служения. Мы уже говорили, что Сын Божий, будучи послан к нам, исполнял две функции, а именно: учителя и священника. Посему апостол, призвав иудеев послушно принять учение Христово, показывает теперь, какой плод принесло нам Его священство. И это – вторая часть предпринятого им трактата. Он весьма уместно связывает священство Христово с Его апостольством, наставляя нас, что цель того и другого в том, чтобы привести нас к Богу. Апостол пользуется здесь логическим умозаключением, ибо уже прежде затрагивал вопрос о том, что Христос – наш первосвященник. Но поскольку сила священства осознается только исходя из учения, надлежало вначале подготовить души к слушанию учения Христова, пролагая тем самым путь для всего остального. Теперь же остается, чтобы те, кто признал Христа учителем и выказал себя способным учеником, научились в Его школе, какова польза от Его священства, каковы его цель и употребление. Во-первых, апостол говорит: «имея первосвященника Иисуса Сына Божия, будем держаться исповедания». Исповедание здесь, как и раньше, метонимически обозначает веру. Ведь из того, что священство должно быть способным удостоверить учение, апостол выводит, что у нас нет причин колебаться в евангельской вере, одобренной и удостоверенной Сыном Божиим. И всякий, не верящий этому учению, оскорбляет Сына Божия, лишая Его священнического достоинства. Итак, столь великий залог призван усилить наше упование, дабы мы бестрепетно положились на Евангелие.

15) *Ибо мы имеем.* В приведенном имени Сына Божия сокрыто величие, вынуждающее нас ко страху и послушанию. Однако если мы не будем видеть во Христе ничего кроме величия, совесть наша не получит успокоения. Ибо кто не устрашится вида Божественного Сына, особенно если подумать, каково наше состояние, и размыслить о собственных грехах? Кроме того, иудеям могло помешать и другое. Ибо они привыкли к левитскому священству. В нем они лицезрели смертного человека, избранного из прочих, который входил во святилище, дабы своим молением примирить братьев с Богом. Великое дело, когда посредник, способный ради нас угодить Богу, сам является кем-то из нас. И иудеи могли попасть в эту западню, оставшись навсегда приверженными священству левитов, если бы апостол не упредил опасность и не показал, что Сын Божий не только превосходит их славой, но и наделен равным состраданием и благостью. Именно с этой целью апостол говорит, что Христос искушен во всех наших немощах и способен нам сострадать.

Что же касается *συμπάθειν*, то не хочу утонченно о ней рассуждать. Ибо вопрос, подвержен ли Христос и сейчас нашим скорбям, столь же глуп, сколь и отдает недолжным любопытством. Апостол не хочет, чтобы мы занимались тонкостями и праздными рассуждениями, но учит лишь, что Посредника не надо искать далеко, если Сам Христос добровольно протягивает нам руку. Нет причин бояться величия Христова, если Он – наш брат. Не стоит бояться, что Христос, словно свободный от всех скорбей, чужд человеческому состраданию, побуждающему придти на помощь, если Он принял на Себя наши немощи, дабы стать более скорым помощником.

Итак, всю речь апостола надо понимать в вероучительном смысле. Ибо он рассуждает не о том, каков Христос Сам по себе, а о том, каким Он показывает Себя нам. Под подобием апостол имеет в виду подобие нам, давая понять, что Христос вместе с плотью облекся также и в наши чувствования. Дабы не только явить Себя истинным человеком, но и на собственном опыте научиться помогать несчастным. Не потому, что Сын Божий нуждался в обучении таким начаткам, но потому, что мы не могли бы иначе понять, сколь сильно заботится Он о нашем спасении. Итак, всякий раз как мы скорбим от наших плотских немощей, пусть нам приходит на ум, что те же скорби перенес и Сын Божий, дабы силой Своей воздвигнут нас и не дать сломиться под их грузом.

Но можно спросить: что понимает апостол под немощами? Ибо слово это разумеется по-разному. Некоторые понимают под ними холод, жару, голод и прочие телесные нужды, кроме того, презрение, бедность и

прочее в этом роде, как встречается во многих местах у Павла. Особенно в 2Кор.12:10. Но правильное думают те, кто вместе с внешними скорбями подразумевают также душевные чувства, каковы страх, грусть, ужас перед смертью и тому подобное. Действительно, напрасно было бы добавлять ограничение: кроме греха, – если бы речь шла не о чувствах, которые в нас всегда порочны из-за греховности природы, а во Христе, обладавшем высшей праведностью и абсолютной чистотой, были свободны от всякого порока. Действительно, бедность, болезни и все находящееся вне нас, не вменяется в грех. Значит, апостол, говоря о немощах близких ко греху, без сомнения имеет в виду душевные чувства, коим подвержена по своей немощи человеческая природа. Ведь положение ангелов в том лучше нашего, что они не страдают, не боятся, не тревожатся разными заботами, не страшатся смерти. Христос же добровольно воспринял наши немощи и восхотел с ними бороться, дабы не только обрести для нас над ними победу, но и твердо убедить нас в Своей близости всякий раз как мы их испытываем. Таким образом, Он стал человеком не только по сущности, но и воспринял качества человеческой природы. Однако здесь добавлено ограничение: кроме греха. Ибо между нашими чувствами и чувствами Христа следует видеть различие: у Него они всегда были упорядочены по истинному правилу праведности, а у нас, истекая из бурного источника, всегда выдают свое происхождение, будучи бурлящими и безудержными.

16) *Посему да приступаем с дерзновением.* Апостол заключает: доступ к Богу явлен для всех, кто приходит к Нему, полагаясь на Христово посредничество. Больше того, он увещевает верных к дерзновению: без каких-либо сомнений являться перед божественным взором. Здесь – особый плод духовного учения, надежное упование в призывании Бога. И наоборот, когда уверенность совести устраняется, всякая религия вырождается и гибнет.

Отсюда можно заключить, что евангельский свет угашен в папстве, где несчастным людям приказывают сомневаться в том, милостив ли к ним Бог или разгневан? Паписты заповедуют искать Бога, но не показывают пути, на котором до Него можно добраться, и закрывают единственную дверь, через которую можно войти. На словах они признают Христа Посредником, но на деле упраздняют силу Его священства, лишая Христа надлежащей чести. Ибо надобно постановить так: Христос не признается истинным Посредником, если люди сомневаются: позволительно ли им приступать к Богу. Иначе не будет следовать вывод: имеем Первосвященника, добровольно готового нам помочь. И, значит, нам надо спокойно без каких-либо колебаний приступать к божественному престолу. Действительно, если мы убеждены в том, что Христос по Собственной воле протягивает нам руку, кто не возымеет от этого полного упования на приход к Богу? Итак, истинно сказанное мною: священство Христово лишается своей силы, откуда люди колеблются и беспокоятся в поисках посредников. Словно не достаточно Его одного, на заступничество Которого если кто обопрется (по заповеди апостола), то твердо будет знать, что молитвы его услышаны.

Основание же для упования в том, что престол Божий изображается не в голом пугающем нас величии, но наделяется новым титулом, а именно – благодати, о чем мы всегда должны помнить, когда бежим от взора Божия. Ибо, если мы станем думать об одной лишь славе Божией, то без сомнения впадем в полное отчаяние: настолько ужасным и грозным будет Его трон. Поэтому апостол, дабы избавить нас от отчаяния и освободить наши души от всякого трепета, наделяет его благодатью и называет словом, привлекающим нас своей сладостью. Он как бы говорит: поскольку Бог отметил Свой трон символом благодати и отеческой к нам любви, Его величие не должно удерживать нас от прихода к Нему. Итог же в том, что мы спокойно призываем Бога, зная, что Он милостив к нам. И это происходит по благодетанию Христову, как сказано в Еф.3:12. Ведь Христос, принимая нас под Свою опеку, покрывает благодатью величие Божие, которое иначе могло бы показаться устрашающим, и в нем уже не видно ничего, кроме благодати и отеческого благоволения.

Чтобы получить милость. Это добавлено не без весомой причины. Апостол хочет особо утвердить тех, кто нуждается в милосердии, дабы кто от ощущения собственной скорби не заградил себе путь отчаянием. Выражение: чтобы получить милость, – содержит, во-первых, сладчайшее учение: все молящиеся Богу, опираясь на заступничество Христа, будут уверены в получении милости. Однако всем, не придерживающимся этого пути, апостол косвенно угрожает, давая понять, что Бог будет к ним неумолим. Ведь они презрели единственный способ Его умилоствления. Он добавляет: для благовременной помощи. То есть: если мы восхотим вымолить что-либо необходимое для нашего спасения. Благовременность же эта относится ко времени призывания, согласно отрывку из Исаии (Ис.49:8), относимому Павлом к проповеди Евангелия (2Кор.6:2). Вот, ныне время благоприятное и т.д. Ибо апостол имеет в виду тот сегодняшний день, когда с нами разговаривает Бог. Если же мы, видя сегодняшнее обращение Бога, отложим приход завтра, то наступит неблагоприятная ночь, когда нам не будет позволено то, что позволено сегодня, и мы напрасно станем стучать в закрытую дверь.

Глава 5

1. Ибо всякий первосвященник, из человеков избираемый, для человеков ставляется на служение Богу, чтобы приносить дары и жертвы за грехи, 2. могущий снисходить невежествующим и заблуждающим, потому что и сам обложен немощью, 3. и посему он должен как за народ, так и за себя приносить жертвы о грехах. 4. И никто сам собою не приемлет этой чести, но призываемый Богом, как и Аарон. 5. Так и Хри-

стос не Сам Себе присвоил славу быть первосвященником, но Тот, Кто сказал Ему: Ты Сын Мой, Я ныне родил Тебя; 6. как и в другом месте говорит: Ты священник вовек по чину Мелхиседека.

(1. Ибо всякий первосвященник, из человеков избираемый, для человеков поставляется в том, что относится к Богу, чтобы приносить дары и жертвы за грехи, 2. могущий снисходить невежествующим и заблуждающим, потому что и сам обложен немощью, 3. и посему он должен как за народ, так и за себя приносить за грехи. 4. И никто сам собою не приемлет этой чести, но призывается Богом, как и Аарон. 5. Так и Христос не Сам Себе присвоил славу быть первосвященником, но Тот, Кто сказал Ему: Ты Сын Мой, Я ныне родил Тебя; 6. как и в другом месте говорит: Ты священник вовек по чину Мелхиседека.)

1) Ибо всякий первосвященник. Апостол сравнивает Христа с левитскими священниками и учит, в чем у Него с ними сходство, и в чем различие. Все его исследование направлено на то, чтобы должным образом объяснить служение Христово, а также то обстоятельство, что все установленное во времена закона было установлено ради Христа. Отсюда апостол, наконец, переходит к учению об отмене ветхозаветного священства. Вначале он говорит, что священники «избираются из людей». Затем о том, что речь идет не о частном деле, а обо всем народе. В-третьих, о том, что священники должны умиловать Бога не с пустыми руками, а поднося Ему жертвы. В-четвертых, о том, что они не должны быть чуждыми наших немощей, дабы охотнее помогать труждающимся. Наконец, апостол говорит о том, что священники не по дерзости заступают на такое служение. И честь их лишь тогда законна, когда их избирает и одобряет Сам Бог.

Теперь коротко остановимся на каждом пункте. Но, прежде всего, следует обличить невежество тех, кто переносит сказанное на наше время, словно и сегодня следует быть священникам, приносящим жертвы. Хотя опровержение и не займет много времени. Ибо что может быть яснее: истина во Христе сравнивается с образами, предшествовавшими ей по времени и прекратившимися ныне. И это прекрасно видно из контекста. Посему более чем смешны те, кто хочет обосновать этим отрывком жертвоприношение мессы.

Но возвращаясь к истинному смыслу апостола. Священников он зовет избираемыми из народа. Отсюда следует, что Христу надлежало быть истинным человеком. Ведь, поскольку мы далеко отстоим от Бога, то как бы предстаем перед Его взором в лице священника. А этого не произошло бы, если бы он не был одним из нас. Посему, то, что Сын Божий имеет с нами общую природу, нисколько не умаляет Его достоинства, но еще больше возвышает Его в наших глазах. Ибо Он потому пригоден для примирения нас с Богом, что является человеком. Посему Павел подчеркнуто называет Его человеком, доказывая Его посредничество. Ведь если бы священник был взят из ангелов или откуда-либо еще, то Он, не относясь к нам прямо, не мог бы соединить нас с Богом.

Для человеков. Вторая часть: священник служит не лично для Себя, но для общего блага народа. И это полезно отметить, чтобы мы знали: спасение всех нас зависит и происходит от священства Христова. Конкретный вид пользы выражают следующие слова: обустраивает то, что относится к Богу. Хотя здесь может быть и двоякое прочтение, ибо глагол *καθίσταται* несет в себе как активный, так и пассивный смысл. Понимающие его пассивно переводят: «поставляется в том», — подразумевая таким образом предлог, относящийся к артиклю *τῷ*. Но мне также нравится и второй вариант. Первосвященник организует или обустраивает то, что относится к Богу. Ведь тогда речь станет плавнее, а предложение — полнее. Но каким бы образом ни понимать, апостол хочет сказать следующее: у нас нет дела с Богом, если не присутствует священник. Будучи мирскими, что общего у нас со священным? Так что, мы отчуждены от Бога и Его культа, доколе посредине не встанет священник и не станет говорить от нашего лица.

Чтобы приносить дары. Третья функция священника — принесение даров. Здесь два слова: дары и жертвы. Из них первое (на мой взгляд) охватывает разные виды жертвоприношений, обозначая как бы род. Второе же особо относится к умиловляющим жертвам. Итог таков: священник является примирителем Бога и людей только посредством жертвы. Поскольку без жертвы не заглаживаются грехи и не стихает божественный гнев. Посему всякий раз как речь идет о примирении людей с Богом, необходимо, чтобы вначале предшествовал этот залог. Таким образом, мы видим: ангелы никак не подходят для вымаливания благоволения Божия, ибо не приносят никакой жертвы. То же самое надо думать о пророках и апостолах. Значит, один лишь Христос есть Тот, Кто, изгладив грехи Своей жертвой, умиловляет к нам Бога.

2) Могущий. Четвертое положение имеет некое сходство с первым. Однако надо провести различие. Ведь прежде апостол учил, что род человеческий соединяется с Богом в лице одного человека, поскольку все люди состоят из одной плоти и одной природы. Теперь же он говорит о другом: Священник должен быть равным и доступным для грешников, поскольку соучаствует в их немощах. *Μετρίοπαθειν* (слово, употребленное здесь апостолом) по-разному толкуют как греческие, так и латинские переводчики. Но я думаю, что оно значит то же, как если бы было сказано: приспособиться к *συνπάθειαν*.

Не все, что говорится здесь о левитском священстве, подходит ко Христу. Ибо мы знаем, что Христос был свободен от всякой греховной скверны. Посему Он отличается от остальных в том, что не имеет нужды приносить жертвы за Себя. Однако достаточно и того, что Он также воспринял наши немощи, хотя и чистые от всякой греховности. Значит, касательно древних левитских священников, апостол говорит, что они были

подвержены человеческой немощи. Посему они умиловляли жертвами и за свои собственные грехи, дабы быть не только гуманнее, но и сострадательнее к проступкам остальных. Эту часть следует относить ко Христу постольку, поскольку делается упомянутое апостолом исключение: Он испытал наши немощи во всем, кроме греха. Хотя Христос и был всегда чужд греху, в Нем настолько сильным было ощущение наших немощей, что Он проявлял склонность помогать нам, был милостивым и скорым на прощение, беспокоящимся о наших скорбях.

Итог таков: Христос – наш брат не только из-за единства плоти и природы, но и участием в наших немощах как бы склоняется и обучается прощению и доступности. Причастие *δυνάμις* означает здесь больше, чем в нашей обычной речи. Оно указывает на пригодность и подготовленность. Заблуждающими и невежествующими здесь по еврейскому обычаю называются грешники. Ведь *שגגה* евреи означают любой род проступков. О чем будет возможность поговорить немного ниже.

4) *И никто сам собою не приемлет этой чести.* Здесь надо отметить отчасти схожесть, а отчасти различие. Призвание Божие делает служение законным. Так что никто не исполняет служение правильно и законно, если не избран на него Богом. И Христу, и Аарону обще то, что обоих призвал Бог. Различаются же они в том, что, поскольку Христос преемствовал на новом и отличном основании и был поставлен вечным Священником, отсюда явствует, что священство Аарона было временным и должно было прекратиться. Мы видим, к чему клонит апостол. За Христом следовало отстоять право священства. И апостол делает это, показывая, что автор Христового священства – Сам Бог.

Но этого не достаточно, если не доказано также, что древнему священству положен конец, дабы освободить место Христу. И апостол доказывает второе положение, поскольку надо принять во внимание условие, на котором был поставлен Аарон (ибо нам нельзя идти дальше божественного декрета). И скоро апостол ясно покажет, до какой поры Бог хотел продлить предшествующий порядок. Значит, Христос – законный Священник, поскольку поставлен властью Самого Бога.

Что же сказать об Аароне и других его преемниках? Они имеют столько власти, сколько даровано им Господом, а не сколько приписывает им людское мнение. Впрочем, хотя это сказано ради обоснования текущего положения, из апостольских слов можно вывести и общее учение. Никакую власть в Церкви нельзя создавать по воле людей, но всегда следует ожидать божественного повеления. Наконец, надо придерживаться твердого правила избрания, дабы никто не навязывал себя по собственной прихоти. И то, и другое следует рассмотреть по отдельности. Ибо апостол говорит здесь не только об отдельных людях, но и о самом служении. Он отрицает, что свято и одобрено то служение, которое люди выдумывают для себя без божественной заповеди. И так как руководство Церковью принадлежит Богу, Он за Собой Одним сохраняет право предписывать способ и законы церковного правления.

Отсюда я утверждаю, что папское священство незаконно, поскольку придумано в людских конторах. Бог нигде не приказывает приносить Ему теперь умиловительную жертву за грехи, нигде не заповедует поставлять для этой цели священников. Значит, в то время как папа посвящает своих священников для жертвоприношения, апостол отрицает их законность. Разве что паписты по какой-то новой привилегии поставлены выше Христа, не посмевшего по Собственной воле присвоить себе честь, но ожидавшего Отчего гласа.

Касательно людей также надо следовать правилу: никакое частное лицо не может присваивать себе чести без предшествующего общественного одобрения. Я говорю о тех служениях, которые утверждены Богом. Хотя иногда может случиться так, что и не призванного Богом следует терпеть, как бы мало он ни был достоин, лишь бы служение его было святым и одобренным Богом. Ибо часто либо мнительностью, либо хитростью добивается служения много таких людей, о которых неясно, на каком основании они призваны. Однако их не следует тут же отвергать. Особенно, если это нельзя осуществить на публичном церковном суде. Уже за двести лет до пришествия Христова в среде священства царила гнусная порча. Однако сама должность по призванию Божию оставалась в большом почете. И поскольку свобода Церкви оказалась тогда подавленной, этих священников в то время терпели. Отсюда явствует: наибольший вред может последовать не от людей, а от самого служения. Когда люди сами по себе измышляют то, чего Бог никогда не заповедал. Тем менее следует терпеть римских жертвоприносителей, которые хотят считаться священными только на основании своих титулов, хотя и избрали сами себя, не посоветовавшись с Богом.

Ты Сын Мой. Может показаться, что свидетельство это натянуто. Ведь, если Христос и рожден от Бога Отца, это не значит, что Он также поставлен священником. Однако если принять во внимание, для чего именно явился миру Христос, можно легко заключить: Ему с необходимостью подходит данное качество. Во-первых, надо помнить о том, что сказано в первой главе: упомянутое в псалме рождение Христово было свидетельством власти, которую Отец дал Ему в отношении людей. Посему здесь говорится не о взаимном отношении между Отцом и Сыном, а скорее об отношении к людям, перед которыми Христос прославлен. Какого Сына являет нам Бог? Неужто не наделенного никакой честью и властью? Напротив, наделенного, и такую, чтобы стать Посредником между Богом и людьми. Значит, в рождении этом также заключено и священство.

6) *Как и в другом месте.* Здесь апостол яснее раскрывает свою мысль. Знаменитое место, из которого почерпнут весь псалом. Ведь едва ли имеется другое более ясное свидетельство, как вечного священства Христова, так и Его царства. Иудеи всеми силами стараются исказить его для затемнения Христовой славы. Однако ни в чем здесь не преуспели. Приписывая сказанное Давиду, словно именно ему Бог приказывает сесть одесную Самого Себя, они показывают свое крайнее бесстыдство. Мы знаем, что царям не подобало добиваться священства. Посему Озия, вмешавшись в чужое служение, одним этим преступлением вызвал такой божественный гнев, что покрывлся проказой. Значит, не подлежит сомнению: ни о Давиде, ни о каком-либо другом царе здесь не может идти и речи.

Если иудеи возразят, что כהנים иногда зовутся и князья, я соглашусь, но буду отрицать, что этот смысл подходит настоящему месту. Ведь сравнение не оставляет здесь никакой двусмысленности. Мелхиседек был священником в глазах Божиих. Псалом свидетельствует, что этот царь, которого Бог посадил по правую руку, будет כהן по чину Мелхиседека. Кто не увидит, что тут имеется в виду священство? Ведь редкий воистину единичный пример, по крайней мере, необычный для народа Божия, чтобы один и тот же был царем и священником. Посему Мелхиседек является образом Мессии. Апостол как бы говорит: царское достоинство не мешает Ему быть священником, поскольку прообраз этого имелся в Мелхиседеке. Действительно, все хоть сколько-нибудь совестливые иудеи допускают, что здесь говорится о Мессии, и восхваляется Его священство. Где греки переводят κατὰ, по-еврейски читается על דברתי, что значит «подобно», или «по образу». И это подтверждает сказанное мною ранее: поскольку для народа было весьма необычно, чтобы один и тот же человек был и священником и царем, здесь нам приводится древний прообраз, указующий на грядущего Мессию. Все остальное утонченно разъяснено в самой речи апостола.

7. Он, во дни плоти Своей, с сильным воплем и со слезами принес молитвы и моления Могущему спасти Его от смерти; и услышан был за Свое благоговение; 8. хотя Он и Сын, однако страданиями навыв послушанию, 9 и, совершившись, сделался для всех послушных Ему виновником спасения вечного, 10. быв наречен от Бога Первосвященником по чину Мелхиседека. 11. О сем надлежало бы нам говорить много; но трудно истолковать, потому что вы сделались неспособны слушать.

(7. Который, во дни плоти Своей, с сильным воплем и со слезами принес молитвы и моления Могущему спасти Его от смерти; и будучи услышан за Своей страх; 8. хотя и был Сын, однако из того, что претерпел, навыв послушанию, 9. и, освятившись, сделался для всех послушных Ему виновником спасения вечного, 10. быв наречен от Бога Первосвященником по чину Мелхиседека. 11. О чем у нас долгая речь, трудная для истолкования, потому что вы сделались ленивыми на слух.)

7) *Он, во дни.* Поскольку образ Христов весьма обезображивается крестной смертью, если люди не знают, ради какой цели Он подвергся унижению, апостол снова учит тому, о чем кратко говорил прежде: в том, что ради нашего блага Христос воспринял наши немощи, воссияла Его чудесная дивная благодать. Отсюда явствует: вера наша подтверждается, и честь Христова не умаляется оттого что Он подвергся нашему злополучию. Апостол говорит о двух причинах: конечной и ближайшей, по которым Христу надлежало пострадать. Ближайшая в том, чтобы научиться послушанию. Конечная – посвятиться таким образом в священника ради нашего спасения.

Никто не усомнится в том, что дни плоти понимаются здесь как земная жизнь. Отсюда следует: под плотью означает здесь не субстанция, а качество. Подобно тому, как в 1Кор.15:50: плоть и кровь царство Божие не наследуют. Значит безумствуют фанатики, думающие, что Христос ныне совлекся плоти, поскольку сказано, что дни Его плоти миновали. Ибо одно дело быть истинным человеком, хотя и наделенным блаженным бессмертием, а другое – подвергаться человеческим скорбям и немощам, которые Христос переносил, живя в мире, и отложил, вознесшись на небеса.

Теперь посмотрим на суть дела. Христос, будучи Сыном, искал у Отца избавления и был услышан. Однако претерпел смерть, дабы таким образом научиться послушанию. В этой фразе многозначительно каждое слово. Ведь, говоря о днях плоти, апостол дает понять, что время наших скорбей конечно. А это дает немалое облегчение. Действительно, если бы страданиям не было конца, положение наше было бы совершенно нетерпимым. Три последующие фразы также приносят нам немалое утешение. Христос был Сыном и по достоинству свободным от общей участи всех людей, однако ради нас Он подчинился этой участи. Кто же теперь посмеет винить нынешнее состояние смертных? Но добавляется и другой довод: даже если нас тяготят невзгоды, мы не изглаживаемся из числа детей Божиих, видя, что нам предшествует Тот, Кто по природе был Единственным Сыном. Ибо то, что мы считаемся детьми, происходит лишь по милости усыновления, постольку, поскольку нас допускает в Свое сообщество Тот, Кто единственный по праву носит такую честь.

Принес молитвы. Второе отмеченное апостолом качество Христа. Он, когда подобало, искал у Отца врачевство, дабы избавиться от злополучий. Апостол говорит это, дабы кто-нибудь не подумал, будто Христос был бесчувственным и с железным сердцем. Ибо всегда надо смотреть, с какой целью говорится то или другое. Если бы Христос Сам не был затронут скорбью, от Его страданий к нам не пришло бы никакого утешения. Но когда мы слышим, что Он Сам перенес страшнейшие душевные муки, нам понятно содержащееся здесь уподобление. Христос, – говорит апостол, – не потому подвергся смерти и другим скорбям, что презирал

страдание и не тяготился ощущением зла. Напротив, он молился со слезами, коими выказал величайшие душевные страдания. Значит, говоря о слезах и сильном вопле, апостол хотел выразить неистовость Христовых мук, поскольку весьма привычно означать вещь ее внешними признаками.

Не сомневаюсь, что он говорит о той молитве, которую приводят евангелисты: Отче, если возможно, да миует Меня чаша сия. А также: Боже Мой, Боже Мой, зачем Ты покинул Меня? Ведь во втором случае евангелисты упоминают о сильном вопле. А в первом вовсе невероятно, чтобы Христос не плакал, в то время как от крайнего волнения капли крови текли по всему Его телу. Не подлежит сомнению, что это было вызвано сильнейшими переживаниями. Значит, Христос тяготился истинными страданиями, а также искренне молил Отца придти Ему на помощь. Зачем все это сказано? Дабы всякий раз как нас гнетут выпадающие нам тяготы, мы вспоминали о Сыне Божиим, Который мучился одинаково с нами. Покуда Он предшествует нам, нет повода для уныния.

Одновременно мы учимся тому, что в скорбях спасение надо просить только у одного Бога. Ибо может ли быть лучшее правило для молитвы, чем пример Самого Христа? Но Он прямо обратился к Отцу; и апостол говорит, что так и должно быть, указывая, что Христос принес молитвы Могущему спасти Его от смерти. Этими словами он дает понять: Христос молился правильно, поскольку прибегал за избавлением к единому Богу. Слезы и вопль говорят нам о пылкости и силе Его молитвенного усердия. Ибо Богу надо молиться не формально, но с пламенеющим желанием.

И услышан был. Перевод других: «за Свое благоговение», — мне не нравится весьма. Во-первых, апостол говорит просто *ἐυλάβειαν*, не добавляя «свою». Затем сказано *ἀπὸ*, а не *ὑπὲρ*, или что-то подобное, означающее причину. Итак, поскольку у Греков *ἐυλάβεια* чаще всего — страх или беспокойство, не сомневаюсь, что апостол хочет сказать: Христос был услышан оттого что боялся, дабы невзгоды не сломили Его, и смерть не поглотила Его. Ведь Сын Божий сошел на землю и для этой брани. Не для того, чтобы страдать неуверенностью, откуда происходят все наши страхи, но для того, чтобы во плоти почувствовать суд Божий, страх перед которым нельзя победить без напряженного усилия. Златоуст относит сказанное к достоинству Христова, которого Отец неким образом тогда убоялся. Но это весьма глупо. Другие подразумевают здесь благоговение. Но приведенное мною толкование подходит значительно больше и не нуждается в долгом доказательстве.

Далее, апостол добавляет третье положение, дабы мы не подумали, будто Христовы молитвы были отвергнуты, поскольку Христа не сразу избавили от скорби. Ибо Он никогда не терпел недостатка в милосердии и помощи Божией. Отсюда можно вывести: Бог часто слышит нас даже тогда, когда это трудно заметить. Хотя нам не подобает предписывать Ему определенное правило или подчинять нашим желаниям, как бы, мыслимо или словесно, мы их ни выражали. Однако каким бы образом Бог ни помогал нашему спасению, Он показывает тем самым, что внял нашим молитвам. Таким образом, когда нам кажется, что нас отвергают, мы молимся усерднее, нежели в том случае, когда видим полное к себе снисхождение.

Но как же Христос был услышан из-за Своего страха, если Он все же подвергся внушавшей Ему ужас смерти? Отвечаю: надо принять во внимание цель страха. Почему Христос избегал смерти? Потому что видел в ней проклятие Божие, видел, что Ему предстояло сразиться с виной за все грехи, и даже с самой преисподней. Отсюда и происходят Его трепет и терзание. Ведь суд Божий более чем ужасен. Значит, Христос получил желаемое, став победителем смертельных мук, обретя поддержку спасающей десницы Божией, дабы после короткой битвы с Сатаной преславно восторжествовать над грехом и преисподней. Часто так и происходит: мы просим то или другое, но с иной целью. Бог же, не давая нам то, чего мы просим, между тем находит Свой способ нам помочь.

8) *Навык послушанию.* Ближайшая цель страданий Христовых состояла в том, чтобы в результате привыкнуть к послушанию. Не потому, что Его следовало понуждать силой, или, что Он имел нужду в таких упреждениях, подобно тому, как укрощается буйство быков и лошадей. Христос в наивысшей степени добровольно изъявил Отцу нужное послушание. Но Христос показал пример послушания до самой смерти, имея в виду нас. Хотя воистину можно сказать: Он смертью Своей сполна научился тому, что значит слушаться Бога, когда Ему пришлось пойти на наивысшее отречение от Себя. Ведь, отказавшись от Собственной воли, Он до такой степени выказал приверженность Отцу, что добровольно и охотно пошел на страшившую Его смерть.

Итак, смысл следующий: опыт страданий научил Христа, до какой степени надо покоряться и повиноваться Богу. Посему и нам по Его примеру надлежит учиться послушанию Богу посредством разных скорбей и даже самой смерти. Больше того, к нам это относится в еще большей степени. Ведь мы по природе горделивы и непокорны, если Господь подобным научением не покорит нас Своему игу. Эта польза, происходящая от креста должна смягчать его горечь в наших душах. Ибо что для нас более желанно, чем стать послушными Богу? А это не может произойти без несения креста. Ибо в благополучное время мы скачем и резвимся, как бы сбросив с себя ярмо. Больше того, чаще всего наша плоть, сбросив всякое иго, ожесточается в своей распущенности. Там же, где нашу волю следует понуждать, дабы мы хотели угодное Богу, истинно выказывает

себя наше послушание. Вот яркий пример совершенного послушания: когда страшную нас смерть, к которой призывает Бог, мы предпочитаем жизни, желаемой нами по природе.

9) *И, совершившись*. Конечная или отдаленная цель необходимости страданий Христовых. А именно: таким способом Христу надлежало облечься в Свое священство. Апостол как бы говорит: претерпевание креста и смерти для Христа было своего рода торжественным посвящением. Этим он хочет сказать, что все страдания Христовы нацелены на наше спасение. Отсюда следует: они не только не мешают Его достоинству, но и воистину Его прославляют. Ведь если нам дорого наше спасение, то сколь восторженно мы должны думать о его причине? И апостол говорит здесь не только о примере, но поднимается выше. Он говорит о том, что Христос Своим послушанием изгладил наши преступления.

Итак, Он сделался причиной нашего спасения, поскольку обрел для нас праведность перед Богом, устранив непослушание Адама противоположным врачевством. «Освятившись» больше подходит контексту, чем «усовершенствовавшись». По-гречески стоит *τελειωθείς*, означающее и то, и другое. Но, поскольку здесь идет речь о священстве, апостол уместно и изысканно упоминает об освящении. И в другом месте (Ин. 17:19) Христос говорит: ради них Я посвящаю Себя. Отсюда явствует: все это следует в собственном смысле относить к Его человеческой природе, в которой Он и страдал, и исполнял священническое служение.

Всех послушных Ему. Итак, если мы хотим, чтобы нам помогло послушание Христово, то должны Ему подражать. Ибо апостол хочет сказать: плоды Его послушания получают лишь послушные. Далее, сказав это, он восхваляет перед нами веру. Ибо Христос и Его блага становятся нашими только тогда, когда мы принимаем их и Его верою. Хотя кажется, что апостол показывает всем универсальный признак и говорит, что никто из тех, кто ныне повинуется и учится Христову Евангелию, не исключен из числа спасаемых.

10) *Быв наречен от Бога*. Поскольку было полезным подробнее изложить указанное сравнение Христа с Мелхиседеком и призвать иудеев к еще большему вниманию, апостол переходит к другой теме так, что одновременно не отходит от главного довода. Так он говорит, что надо еще сказать о многом. Но иудеев следует подготовить, дабы сказанное не было напрасным. Он научает, что речь будет трудной не для того, чтобы их испугать, но скорее, чтобы обострить внимание. Ведь как легкость понимания обычно делает нас ленивыми, так и затемненность смысла заставляет внимательнее и напряженнее слушать. Однако причину трудности апостол видит не в самом предмете, а в иудеях. Действительно, Господь всегда говорит с нами ясно, без всяких двусмысленностей, и Слово Его заслуженно зовется нашим светом. Однако его блеск заглушается нашим мраком. И это происходит отчасти из-за нашей тупости, отчасти из-за лени. Ведь мы более чем тупы к разумению учения Божия, и к этому добавляется порок: извращенность наших чувствований. Мы больше склонны к суете, чем к истине Божией. Нам мешают и гордыня, и житейские заботы, и вожделения плоти. Фраза «о сем» относится не ко Христу, а к Мелхиседеку, хотя и рассматривает последнего не как частное лицо, а как прообраз Христа, представляющий Его личность.

12. Ибо, судя по времени, вам надлежало быть учителями; но вас снова нужно учить первым началам слова Божия, и для вас нужно молоко, а не твердая пища. 13. Всякий, питаемый молоком, несведущ в слове правды, потому что он младенец; 14. твердая же пища свойственна совершенным, у которых чувства навыком приучены к различению добра и зла.

(12. Ибо, хотя, судя по времени, вам надлежало быть учителями; но вы снова нуждаетесь в том, чтобы кто-то учил вас первым началам слова Божия, и сделались теми, кому нужно молоко, а не твердая пища. 13. Всякий, питаемый молоком, несведущ в слове праведности, потому что он младенец; 14. твердая же пища свойственна совершенным, у которых чувства навыком приучены к различению добра и зла.)

12) *Вам надлежало*. Данный упрек содержит достаточно язвительности, способной стряхнуть с иудеев лень. Апостол говорит, что глупо и стыдно быть до сих пор начинающими тем, кому надлежало уже стать учителями. Вам, – говорит апостол, – подобало учить других, однако вы не тянете даже на посредственных учеников. Вы еще не твердо знаете даже начатки христианства. И чтобы еще больше их устыдить, апостол говорит о *первых началах*, то есть как бы алфавите божественного учения. Эти слова надо относить ко всей жизни: ибо истинно мудрствует тот, кто признает, насколько далек от совершенного разума. Но при обучении следует преуспевать так, чтобы не все время топтаться на первых принципах. Не следует допускать, чтобы на нас исполнились слова Исаии (28:10): будет вам заповедь к заповеди, заповедь к заповеди и т.д. Скорее надо приложить усилия, чтобы наше преуспевание соответствовало времени обучения. Действительно, надо подсчитывать не только годы, но и отдельные дни, дабы каждый понуждал себя к продвижению вперед. Однако немного тех, кто требует у себя отчета за проведенное время или беспокоится в отношении будущего. Посему наша лень заслуженно наказывается тем, что большая часть людей пребывает в младенческих начатках знания. Кроме того, нас учат: каждый обязан уделять свое знание братьям, причем тем более усердно, чем больше разума получил сам. Дабы никто не был мудрым для самого себя, но все – ради взаимного назидания.

Для вас нужно молоко. Той же метафорой пользуется Павел в Первом Послании к Коринфянам, гл. 3:1, упрекая коринфян в том же или, по крайней мере, сходном пороке. Он говорит, что они – плотские и не переносят твердой пищи. Значит, молоко – это начальное учение для наставления невежд. Петр же понимает это

слово в ином смысле, приказывая нам возжелеть молоко без всякого обмана (1Пет.2:2). Подобно тому, как младенчество бывает двойственным, а именно: в отношении злобы, и в отношении разумения. Так и Павел в другом месте (1Кор.14:20): будьте младенцами не по разуму, но младенцами для зла. Значит, младенцами уничижительно зовутся те, кто нежен настолько, что не принимает более высокого учения. Ибо истинная польза от учения состоит в том, чтобы дать нам возрасти в мужа совершенного, в меру полной зрелости. Да не будем младенцами, колеблющимися и носимыми ветром любого учения (Еф.4:14). Те, кто еще не вкусив Христа, пока не способен к твердой пище, вполне извинительны. Но тем, кому надлежало со временем подрасти, недостойны прощения, если до сих пор остаются младенцами. Мы видим, что Исаия отмечает отверженных именно этим клеймом. Они подобны младенцам, недавно оторванным от сосков матери (28:9).

Учение Христово как дает молоко младенцам, так и поставяет твердую пищу взрослым. Но подобно тому, как младенец питается молоком кормилицы не для того, чтобы всегда зависеть от сосков, но чтобы постепенно приучиться к более твердой пище, так и из Писания сначала надо вкушать молоко, чтобы затем питаться его хлебом. Впрочем, апостол так различает между молоком и твердой пищей, что и под тем, и под другим понимает здоровое учение. Но иначе наставляются невежды, а иначе – те, кто уже чему-то научен.

13) *Всякий, питаемый молоком.* Апостол понимает тех, кто из-за нежности еще не приемлет твердое учение. Ведь взрослый, со своей стороны, не гнушается молока. Однако здесь попрекается младенчество разума, из-за которого Бог вынужден вечно с нами сюсюкать. Значит, апостол отрицает, что подобные младенцы способны к усвоению *слова праведности*, разумея под праведностью совершенство, о котором он скажет немного ниже. Ибо, на мой взгляд, апостол имеет в виду не то, как мы оправдываемся перед Богом, а просто понимает праведность как целокупность знания, приводящую нас к совершенству. Это служение Павел приписывает Евангелию, Кол.1:28, как бы говоря: потакающие собственному невежеству лишены истинного познания Христова. Потому и бесплодно для них евангельское учение, что они не только никогда не достигают цели, но даже к ней не приближаются.

14) *Совершенным.* Совершенными апостол называет взрослых. Их он противопоставляет младенцам, как в Первом Послании к Коринфянам, 2:6 и 14:20. А также к Ефесянам 4:13. Ибо средний возмужалый возраст есть как бы совершенство человеческой жизни. Но иносказательно апостол называет мужами во Христе духовных. Он хочет, чтобы такими стали все христиане, навывшие от постоянных упражнений к различению добра и зла. Ибо нам нельзя иначе правильно научиться истине, нежели укрепившись ее защитой от сатанинской лжи. Поэтому она и зовется духовным мечом. И Павел отмечает это использование здорового учения, когда говорит (Еф.4:14): да не будем носиться всяким ветром и т.д. Действительно, на что будет похожа вера, колеблющаяся между истиной и ложью? Разве не может такая вера в любой момент поскользнуться? И не довольствуясь одной фразой, апостол подробно излагает свою мысль, показывая, что не следует успокаиваться, доколе мы не будем со всех сторон вооружены Словом Божиим, а сатана уже не сможет соблазнять нас своей ложью.

Отсюда явствует, какое христианство существует в папстве, где под именем простоты не только восхваляют грубое невежество, но и сурово удерживают народ от стремления к твердому разумению. Легко понять, каким духом ведомы те, кто едва позволяет людям прикоснуться к тому, что апостол заповедует усердно изучать; кто рисует похвальной ту беззаботность, которую апостол столь жестко порицает; кто устраняет Слово Божие как единственное правило различения истины и лжи, в то время как апостол говорит, что это различение необходимо всем христианам. Те же, с кого снят сей дьявольский запрет на свободу обучения, тем не менее, и в слушании, и в чтении выказывают полную оцепенелость. Таким образом, проводя жизнь без должных упражнений, мы остаемся глупцами, лишенными всякой способности к суждению.

Глава 6

1. Посему, оставив начатки учения Христова, поспешим к совершенству; и не станем снова полагать основание обращению от мертвых дел и вере в Бога, 2. учению о крещениях, о возложении рук, о воскресении мертвых и о суде вечном.

(1. Посему, оставив начатки слова, поспешим к совершенству Христову; и не станем снова полагать основание покаянию в мертвых делах и вере в Бога, 2. (учению о крещениях, о возложении рук), о воскресении мертвых и о суде вечном.)

1) *Посему, оставив.* К упреку апостол добавляет увещание, дабы, оставив начатки, слушатели устремились к конечной цели. Ведь под начатками слова он понимает начальное обучение, которым наставляют невежд, принимая их в Церковь. Апостол приказывает оставить эти азы. Не потому, что верующие должны про них забыть, но потому, что на них никак не следует останавливаться. Это лучше видно из приведенного ниже сравнения с фундаментом. Ведь при постройке дома никогда не следует отступать от положенного основания. Однако смешно все время трудиться над его закладкой. Хотя фундамент считается основой всего здания, глупо и бесполезно будут трудиться те, кто, занимаясь его постройкой, никогда не переходят к строительству стен. Наконец, архитектору надлежит как начинать с фундамента, так и спешить возвести все здание. Подобным образом создается и христианство. Ибо начатки как бы образуют в нас фундамент, но сразу же после должно следовать учение, усовершенствующее постройку. Посему плохо поступают люди, оста-

новившиеся на азах, и не ставящие перед собой никакой другой цели. Как если бы архитектор окончил свою работу, только заложив фундамент, и не выказывал заботу о дальнейшем строительстве. Значит, апостол хочет, чтобы в нас был положен фундамент веры. Но положен так, чтобы мы продолжали стремиться ввысь, доколе ежедневным преуспеянием не соделаем веру совершенной.

Обращению от мертвых дел. Здесь апостол имеет в виду обычный способ катехизации. Отсюда можно сделать вероятное заключение, что послание это было написано не в самом начале распространения Евангелия, но когда церкви создавались уже по некоторой методике. И состояла она в том, что катехумены, прежде чем быть допущенными к крещению, исповедовали свою веру. Как явствует из свидетельства различных отцов, имелись конкретные артикулы, о которых пастор вопрошал катехуменов. Экзамен касался в основном символа, называемого апостольским. Он служил как бы входом в Церковь для тех, кто, повзрослев, посвятил себя Христу, хотя прежде был чужд Его вере. Апостол потому упоминает об этом обычае, что катехуменам для начального обучения благочестию давалось немного времени. Подобно тому, как учитель кратко ставит учеников в алфавите, дабы сразу же повести их дальше.

Но подумаем о смысле сказанного. Апостол говорит о покаянии и вере, в которых заключается все евангельское совершенство. Ибо что иное заповедует Христос Своим апостолам, нежели проповедовать веру и покаяние? Посему, когда Павел хочет засвидетельствовать добросовестное исполнение им служения, он говорит о своем усердии в обучении этим двум вещам. Значит, кажется, что апостол поступает глупо, веля оставить веру и покаяние, в которых следует проводить всю свою жизнь. Однако, добавляя фразу «в мертвых делах», он дает понять, что говорит о начальном покаянии. Ибо хотя любой грех подлежит раскаянию, поскольку или порождает смерть, или происходит от духовной смерти, но верующие, уже возрожденные Духом Божиим, не зовутся в собственном смысле кающимися в мертвых делах. Возрождение в них только началось, но любое, хоть и малое семя новой жизни, делает так, что они уже не считаются перед Богом мертвыми.

Значит, апостол понимает здесь не все покаяние, размышление о котором должно продолжаться до конца жизни, а только начало покаяния, коим недавно обновили жизнь те, кто уже обратился к вере. Так и под верою апостол имеет в виду краткий итог учения о благочестии, в народе называемый артикулами веры. Сюда относятся учения о воскресении мертвых и вечном суде. Эти артикулы принадлежат к высшим тайнам небесной премудрости, больше того, к конечной цели всей религии, к которой всю жизнь мы должны стремиться. Однако, поскольку одно и то же учение иначе преподается невеждам, а иначе тем, кто уже как-то преуспел, апостол имеет здесь в виду обычно задаваемые вопросы. Веришь ли в воскресение мертвых? Веришь ли в вечную жизнь? Все эти вопросы адресуются младенцам в вере и, причем, лишь однажды. Значит, возвращаться к ним снова, не что иное как пятиться назад.

2) *Учению о крещениях.* Некоторые читают здесь раздельно: о крещениях и об учении. Я же предпочитаю соединять все вместе. Хотя толкую сказанное не так, как другие. А именно: я вижу здесь то, что грамматик зовут аппозицией, то есть: не полагая снова основание покаянию, вере в Бога, воскресению мертвых, что является учением о крещении и возложении рук. Посему, если «учение о крещениях, о возложении рук» заключить в скобки, контекст станет яснее. Ведь если прочесть предложение без аппозиции, будет присутствовать глупый повтор одного и того же. Какое еще существует учение о крещении, нежели то, которое повествует о вере в Бога, о покаянии, о суде и тому подобном?

Впрочем, Златоуст думает, что крещение стоит во множественном числе потому, что иудеи, возвращаясь к первым принципам, неким образом упразднили первое крещение. Я с ним не согласен. Ибо не учение о многих крещениях имеется здесь в виду, но крещениями апостол зовет торжественные обряды и установленные для крещения дни. Возложение рук он соединяет здесь с крещением, ибо, как существовали два чина катехуменов, так и имелись два обряда. Люди, ранее бывшие чужими, приходили к крещению не раньше, чем исповедовали свою веру. Значит, в их случае катехизация должна была предшествовать крещению. Но дети верующих, поскольку усыновлялись от утробы матери и по праву обетования принадлежали к телу Церкви, крестились во младенчестве. По прошествии же младенческого возраста, будучи наставленными в веру, они также подвергались оглашению, в их случае последующего крещению. Но тогда употреблялся иной символ, а именно: возложение рук. И это место ясно показывает апостольское происхождение обряда возложения рук. Однако затем он был превращен в суеверие. Подобно тому, как мир всегда от лучших установлений уклоняется к извращениям. Ибо люди вообразили, что этот обряд есть таинство, подающее Дух возрождения. Этим вымыслом был нанесен ущерб самому крещению. Ведь то, что принадлежало в собственном смысле последнему, было перенесено на возложение рук.

Итак, будем знать, что первые основоположники установили возложение рук в качестве торжественного молитвенного обряда, о чем также говорил Августин. Они хотели, чтобы этим символом подтверждалось исповедание веры, которое приносили вышедшие из младенчества верующие. Но меньше всего они имели в виду частично лишить силы крещение. Поэтому сегодня следует удержать чистоту установления и устранить суеверие.

Данное место также подтверждает для нас крещение младенцев. Ибо, зачем одно и то же учение в одних случаях зовется учением о крещении, а в других – о возложении рук, если не потому, что младенцы, уже приняв крещение, наставлялись в вере? Так что для них оставалось только возложение рук.

3. И это сделаем, если Бог позволит. 4. Ибо невозможно – однажды просвещенных, и вкусивших дара небесного, и соделавшихся причастниками Духа Святого, 5. и вкусивших благого глагола Божия и сил будущего века, 6. и отпадших, опять обновлять покаянием, когда они снова распинают в себе Сына Божия и ругаются Ему.

(3. И это сделаем, если Бог позволит. 4. Ибо невозможно – однажды просвещенных, и вкусивших дара небесного, и соделавшихся причастниками Духа Святого, 5. и вкусивших благого глагола Божия и сил будущего века, 6. и отпадших, опять обновлять покаянием, когда они снова распинают в себе Сына Божия и ругаются Ему.)

3) *И это сделаем.* Устрашающие слова, но апостол мечет молнии для того, чтобы иудеи не надругались над благодатью Божией, потакая себе в собственных колебаниях. Он как бы говорит: не следует откладывать на завтра, поскольку не всегда будет возможность для преуспевания. Ибо не во власти человека всякий раз как он захочет, избавляться от пут и достигать цели. Ведь успешное завершение ристалища – особый божественный дар.

4) *Ибо невозможно.* Это место дало повод многим отвергать данное послание. Особенно потому, что новатиане вооружались им для отрицания прощения согрешившим. Посему западные отцы и отказывали в доверии этому посланию, что им была ненавистна секта новатиан, а учение их еще не было столь сильным, чтобы опровергнуть противников доводами. Однако по уяснению мысли апостола сразу станет очевидным: в данном месте нет ничего, потворствующего столь безумному заблуждению. Другие же, для которых авторитет послания оставался непререкаемым, стараясь устранить нелепый смысл, прибегали к одним уверткам. Ибо «невозможно» некоторые понимали, как «маловероятно» или «трудно», что совершенно чуждо смыслу данного слова. Многие относили сказанное к покаянию, которым в древней церкви готовились к крещению катехумены. Словно апостолы собирающимся креститься предписывали пост или нечто подобное. Затем, что великого сказал бы апостол, если бы отрицал повторность покаяния, связанного с крещением? Суровым мщением Божиим он грозит всем, отринувшим однажды принятую благодать. И если бы апостол учил, что нет больше места первому покаянию, могло ли это внушить страх беспечным и колеблющимся? Ведь сказанное относилось бы также к любому другому виду проступков. Итак, что же сказать? Поскольку Господь всем без исключения дает надежду на милосердие, глупо по какой-то причине совершенно отстранять от нее людей.

Ключ к решению вопроса содержится в слове «отпадших». И всякий, уразумевший его смысл, легко избежится от любых затруднений. Далее следует отметить, что отпадение бывает двойственным. Одно – частичное, другое – полное. Тот, кто грешит каким-либо видом греха или многими его видами, отпал от достоинства христианина. Посему сколько грехов, столько видов отпадения. Однако апостол говорит здесь не о краже, не о клятвопреступлении, не об убийстве, не о пьянстве, не о прелюбодеянии. Он имеет в виду полное отпадение от Евангелия, когда грешник гневит Бога не одним каким-то грехом, а полностью отрекается от Его благодати. И чтобы лучше это уяснить, надо обратить внимание на антитезис между перечисленными видами благодати Божией и этим отпадением. Отпадает тот, кто отходит от Слова Господня, кто гасит Его свет, кто лишает себя вкушения небесного блага, кто оставляет участие в Святом Духе. Все это означает полное отречение от Бога.

Теперь мы видим, кого же апостол лишает надежды на прощение. А именно: тех, кто отступил от ранее принятого ими Евангелия Христова и от благодати Божией. И этого не может произойти без греха на Духа Святого. Ведь нарушающий вторую скрижаль закона или по неведению преступающий первую, еще не повинен в подобном отпадении. Несомненно, что Бог полностью и без остатка лишает Своей благодати лишь отверженных. Если же кто спросит, почему апостол упоминает о подобном отступничестве, обращаясь к верующим, далеким от столь преступного вероломства, отвечаю: Он своевременно указывает им на опасность, дабы предостеречь их. И это весьма полезно отметить. Ведь когда мы уклоняемся с прямого пути, то оправдываем свои пороки не только перед другими, но и перед собой. Сатана воровским образом пролезает в нашу душу, чувственно привлекает нас своим тайным искусством, и мы, заблуждаясь, сами не знаем, что заблуждаемся. Так постепенно мы отклоняемся в сторону, доколе, наконец, не падаем окончательно.

И это можно ежедневно наблюдать во многих. Посему апостол обоснованно предписывает всем ученикам Христовым осторожность во время земной жизни. Ибо длительное оцепенение превращается в привычку, за которой следует отчуждение души. Впрочем, попутно следует отметить, сколь сильно восхваляет апостол познание Евангелия. Он называет его *просвещением*, откуда следует, что люди слепы, покуда им не воссияет Христос, свет мира. Называет *вкушением дара небесного*, означая этим, что даруемое нам во Христе, превосходя нашу природу и весь мир, тем не менее, вкушается через веру. Называет *причастием Духа*, поскольку именно Дух уделяет каждому по Своей воле все, связанное с просвещением и пониманием. Без него никто не может назвать Иисуса Господом. Он отверзает очи нашей души, открывает нам божественные тай-

ны. Апостол также зовет познание Евангелия *вкушением благого Слова Божия*, означая этим, что воля Божия явлена в нем не как-либо, но так, чтобы с приятностью нас улаждать. Наконец, этот эпитет говорит об отличии закона от Евангелия. Закон содержит только строгость и суд, Евангелие же – сладкое свидетельство божественной любви и отеческого прощения. Апостол говорит также о *вкушении сил будущего века*, означая, что через веру мы как бы допущены в Царство Небесное, чтобы духом созерцать блаженное бессмертие, сокрытое от наших чувств. Итак, будем знать: Евангелие познается правильно только через просвещение Духом, дабы мы, забыв про этот мир, воспряли к небесам, и, познав благодать Божию, успокоились в Его Слове.

Однако здесь возникает новый вопрос: как может быть, чтобы однажды этого достигший, затем отпал? Ибо Господь не призывает действительно никого, кроме избранных. И Павел свидетельствует (Рим.8:24), что ведомые Его Духом воистину дети Божии. Он учит, что, если Христос сделает кого причастником Своего Духа, это станет для него твердым залогом усыновления. Однако избранные находятся вне опасности губительного отпадения. Ведь Отец, давший их для сохранения Христу, Своему Сыну, больше всех на свете. И Христос обещает заботиться обо всех них, дабы никто из них не погиб. Отвечаю: одни лишь избранные удостоены Божественного Духа возрождения, отличаясь от отверженных в том, что преобразуются в образ Божий, принимают залог Духа к упованию на грядущее наследие, и Тем же Духом запечатлевается в их сердцах Евангелие. Однако я отрицаю, что это мешает Богу одарить и отверженных вкушением Своей благодати, внушить им ощущение Своей благодати и неким образом отчеканить Свое Слово в их душах. Иначе разве существовала бы та временная вера, о которой упоминает Марк (4:17)? Значит, даже в отверженных имеется определенное познание, впоследствии исчезающее, или потому, что лишено достаточно глубоких корней, или потому, что вырождается, подавляемое чем-то внешним. Так Господь удерживает нас в страхе и смирении.

Действительно, мы видим, сколь склонна человеческая природа к успокоенности и глупому самоупованию. Хотя обеспокоенность наша и должна быть такой, чтобы не смущать мира совести. Ибо Господь одновременно и создает в нас веру, и умиряет плоть. Посему Он хочет, чтобы первая спокойно пребывала и отдыхала как бы в надежном пристанище, а вторая, упражняясь разнообразными видами брани, не распутствовала в праздности.

6) *Обновлять покаянием*. Хотя это кажется чрезмерно суровым, ни у кого из тех, кого постигла подобная кара за отпадение, нет причин винить Бога в жестокости. Сказанное не противоречит другим местам Писания, где грешникам при первом их воздыхании сразу же предлагается милосердие Божие. Ведь там требуется покаяние, никогда не имеющее места в тех, кто некогда полностью отпал от Евангелия. Таковые, будучи по заслугам лишены Духа Божия, впадают в отверженный разум, дабы, поработившись дьяволу, идти к собственной гибели. Происходит так, что они, не переставая, грешат до тех пор, пока, придя в оцепенение, не начинают презирать или, подобно отчаявшимся, ненавидеть Бога. Таков конец всех отступников. Они, или, пораженные оцепенением, перестают чего-либо бояться, или проклинают Бога как Судью, от Которого не могут убежать. И апостол не говорит, что покаяние не находится в человеческой воле. Он говорит, что Бог дает его лишь тем, кто не отпал от веры полностью.

Подобное увещание весьма полезно для нас, дабы, отлагая покаяние на завтра, мы не отдалялись от Бога все больше и больше. Нечестивые забавляются поговоркой о том, что достаточно покаяться в преступной жизни даже при последнем вздохе. Однако если уж дошло до этого, само жестокое мучение их совести свидетельствует о том, что обращение встречается среди людей нечасто. Значит, поскольку Господь обещает прощение лишь тем, кто отходит от нечестия, не удивительно, если погибают люди или от отчаяния, или от презрения упорствующие в своей гибели. Если же кто восстает после падения, из этого можно вывести, что он никогда не отпадал окончательно, как бы тяжело в ином случае ни грешил.

Снова распинают в себе. Апостол добавляет эту фразу для того, чтобы защитить строгость Божию от человеческой клеветы. Ведь Богу неприлично, прощая отпавших, подвергать осмеянию Собственного Сына. Итак, они недостойны того, чтобы обрести милость. Далее, причина, по которой апостол говорит о повторном распятии Христа, следующая: мы умираем со Христом на том условии, чтобы постоянно пребывать в обновленной жизни. Значит, те, кто снова впадает в смерть, нуждаются, как мы увидим в десятой главе, во второй жертве. Распиная в себе, то есть, насколько это от них зависит. Ибо, если бы людям было позволено возвращаться после отпадения, это значило бы предавать осмеянию Христа как бы во время Его триумфа.

7. Земля, пившая многократно сходящий на нее дождь и произращающая злак, полезный тем, для которых и возделывается, получает благословение от Бога; 8. а производящая терния и волчцы – негодна и близка к проклятию, которого конец – сожжение. 9. Впрочем о вас, возлюбленные, мы надеемся, что вы в лучшем состоянии и держитесь спасения, хотя и говорим так. 10. Ибо не неправеден Бог, чтобы забыл дело ваше и труд любви, которую вы оказали во имя Его, послужив и служа святым.

(7. Земля, пившая многократно сходящий на нее дождь и произращающая злак, полезный тем, которыми и возделывается, получает благословение от Бога; 8. а производящая терния и волчцы – негодна и повинна проклятию, которого конец – сожжение. 9. Впрочем о вас, возлюбленные, мы надеемся на лучшее и связан-

ное со спасением, хотя и говорим так. 10. Ибо не неправеден Бог, чтобы забыл дело ваше и труд для любви, которую вы оказали во имя Его, послужив и служа святым.)

10) *Земля*. Весьма подходящее сравнение для пробуждения усердия к дальнейшему преуспеванию. Ведь подобно тому, как земля не может давать добрый урожай, если быстро после засева не произрастят всходы, так и в нас, если желаем быть плодоносными, Слово должно пускать корни, прорастающие сразу, как только Господь его посеет. Ибо нельзя надеяться на плод, если Слово или подавляется в нас, или вырождается во все. Однако, хотя сравнение это весьма уместно, его надо разумно соотносить с намерением апостола. Земля, – говорит он, – испив дождя сразу после сеяния, произрастает полноценный злак, и, наконец, по благословению Божию производит созревший урожай. Таким образом, те, кто принимает в свое сердце семя Евангелия, произрастая из него подлинными злаками, постоянно возрастают к лучшему, доколе не принесут зрелого плода. Наоборот, земля, которая после обработки и орошения приносит одни лишь тернии, не оставляет надежды на обильную жатву. Более того, чем больше прорастает из нее порождаемое, тем более отчаянным становится ее состояние. Посему для возделывателя единственный выход в том, чтобы предать огню бесполезные и вредные сорняки.

Так и те, кто портит евангельское семя или своей леностью, или дурными чувствованиями, не являя в своей жизни никакого признака преуспеяния, показывают себя отверженными, от которых нельзя ждать никакого урожая. Значит, здесь апостол не только говорит о плодах Евангелия, но и увещевает нас с готовностью и окрыленно его принять, затем, сразу же после засева, произвести первые всходы, и, в-третьих, ежедневно давать прирост. *Βοτάνη εὐθετον* одни переводят как «благоприятную поросль», а другие как «удобную». Оба значения здесь подходят. Но первое относится ко времени, а второе – к качеству. Аллегорическое же толкование, коим забавляются многие, я здесь полностью пропускаю, поскольку оно совершенно чуждо замыслу автора.

9) *Мы надеемся*. Поскольку все вышеприведенное было подобно блистанию молнии, дававшему читателям возможность себя проверить, суровость сказанного следовало смягчить. Посему теперь апостол уточняет: он сказал все это не в том смысле, что придерживается такого мнения о своих адресатах. Действительно, всякий, желающий быть полезным в учении, должен так обращаться со своими учениками, чтобы скорее воодушевлять их, а не вводить в отчаяние. Ведь ничто так не отчуждает нас от выслушивания поучений, чем осознание нашего отчаянного положения. Итак, апостол свидетельствует: он увещевает иудеев именно потому, что надеется в их отношении на лучшее и желает привести к спасению. Отсюда мы выводим: остро и сурово обличать следует не только отверженных, но и избранных, тех, кого мы причисляем к детям Божиим.

10) *Ибо не неправеден*. Данные слова означают то же, как если бы апостол сказал: исходя из доброго начала, я надеюсь и на доброе завершение. Но здесь возникает трудность: человеческие дела, кажется, в чем-то ограничивают Бога. Я, – говорит апостол, – убежден в вашем спасении, поскольку Бог не может забыть о ваших делах. Таким образом, кажется, что их спасение основано на делах, и Бог делается их должником.

Софисты, противопоставляющие Божией благодати заслуги дел, сильно настаивают на этом отрывке: не неправеден Бог. Ведь отсюда они выводят, что было бы несправедливо, если бы Бог не воздал за дела награды вечного спасения. Отвечаю кратко: апостол здесь не говорит прямо о том, какова причина нашего спасения. Поэтому из этого места нельзя судить о заслуге дел, нельзя и выводить отсюда, что именно положено за дела. Писание нигде не показывает нам иного источника спасения кроме незаслуженного милосердия Божия. То же, что Бог повсеместно обещает награду за дела, связано с благодатным обетованием, которым Он усыновляет нас и примиряет с Собою, не вменяя нам грехи. Значит, награда полагается делам не по заслуге, но по простой божественной щедрости. Хотя даже это щедрое вознаграждение за дела имеет место только после того, как по благодетанию Христову мы принимаемся в благодать Божию.

Отсюда мы выводим: Бог не воздает нам по долгу, но исполняет добровольно данное Им обещание. И исполняет потому, что прощает и нас, и наши недостойные дела. Больше того, Он смотрит не столько на сами дела, сколько на Свою благодать в этих делах. Отсюда и выходит так, что Бог не забывает наши дела, поскольку видит в них Себя и плоды Своего Духа. Именно эту справедливость и подразумевал апостол, говоря, что Бог не может отречься от Себя. Значит, данное место соответствует фразе Павла: Начавший в вас доброе дело, и завершит его (Фил.1:6). Ибо что такого может обнаружить в нас Бог, что побуждало бы Его возлюбить нас, кроме того, что Он Сам прежде нам ниспослал?

В итоге, ошибаются софисты, воображающие взаимосвязь между справедливостью Божией и заслугами наших дел. Скорее Бог смотрит здесь на Себя и Свои дары, дабы довести до конца то, что Он добровольно начал в нас, не побужденный к этому никакими нашими делами. И праведность Божия при воздаянии за дела состоит, утверждаю я, именно в том, что Бог верен и истинен. Он Сам сделал Себя нашим должником, не получая что-либо от нас, но Сам обещая нам все по Своей щедрости, как об этом говорит Августин.

Труд любви (труд для любви). Дословно: труд любви. Этим апостол хочет сказать, что нам, если желаем послужить ближнему, не следует экономить усилия. Ибо ближним надо помогать не только деньгами, но и советом, содействием и всякими другими способами. Итак, надо прилагать большое прилежание, терпеть многочисленные скорби, подвергаться порой множеству опасностей. И если кто хочет упражнять себя в де-

лах любви, пусть настроится на трудолюбивую жизнь. Любовь евреев апостол доказывает тем, что они служили и продолжают служить святым. Отсюда мы познаем, что не стоит отказываться служить братьям.

Говоря же о святых, апостол не имеет в виду, что мы обязаны служить только им. Ведь наша любовь должна распространяться на весь человеческий род. Однако поскольку нам, прежде всего, поручаются домочадцы по вере, о них следует заботиться особо. Ибо любовь, дабы получить побуждение, отчасти взирает на Бога, а отчасти на общую всем нам природу. Чем ближе кто к Богу, тем достойнее он нашей помощи. Наконец, признавая кого-то чадом Божиим, мы должны в той же степени выказывать ему братскую любовь.

Говоря: «служив и служа», апостол похвалает стойкость, весьма необходимую в данном деле. Ибо люди больше всего склонны уставать в своем благотворении. Посему, хотя и многие готовы помогать братьям, добродетель стойкости встречается до того редко, что в доброй части помощников быстро охлаждается пыл. Однако к постоянному усердию нас должно побуждать уже то, что апостол свидетельствует: любовь, выказываемая святым, выказывается ради имени Господня. Он говорит, что Богу угодно все, потраченное нами на ближнего. Согласно сказанному: что сделали одному из малых сих, то Мне сделали (Мф.25:40). А также: подающий нищему, дает ссуду Господу (Прит.19:17).

11. Желаем же, чтобы каждый из вас, для совершенной уверенности в надежде, оказывал такую же ревность до конца; 12. дабы вы не обленились, но подражали тем, которые верою и долготерпением наследуют обетования. 13. Бог, давая обетование Аврааму, как не мог никем высшим клясться, клялся Самим Собою, 14. говоря: истинно благословляя благословлю тебя и размножая размножу тебя. 15. И так Авраам долготерпев получил обещанное.

(11. Желаем же, чтобы каждый из вас, для совершенной уверенности в надежде, оказывал такое же усердие до конца; 12. дабы вы не обленились, но подражали тем, которые верою и долготерпением наследовали обетования. 13. Бог, давая обетование Аврааму, как не мог никем высшим клясться, клялся Самим Собою, 14. говоря: истинно благословляя благословлю тебя и размножая размножу тебя. 15. И так, долготерпев, он получил обещанное.)

11) *Желаем же.* Подобно тому, как апостол, дабы не огорчать чрезмерно читателей, к увещанию прибегал похвалу, так же он, дабы мягкость его не показалась потворством, охотно говорит о том, чего пока им недостает. Многими примерами, – говорит апостол, – вы выказали свою любовь. Остается, чтобы вашей любви соответствовала ваша же вера. Вы усердно трудились, дабы никого не лишать вашей помощи, но с неменьшим усердием вам надлежит стремиться преуспеть в вере, дабы выказать перед Богом полную и твердую уверенность.

Этими словами апостол указывает на две части христианства, отвечающие двум скрижалям закона. Посему те, кто отделяет одну из частей от другой, имеет лишь изуродованное и разорванное учение. Отсюда явствует, каковы те учителя, которые, не упоминая про веру, проповедуют одну невинность и порядочность к людям. Такова мирская философия, скрывающаяся под личиной внешней праведности. Если, однако, она вообще заслуживает называться философией, до такой степени плохо исполняя свое служение, что Бога, занимающего первое место, лишает присущих Ему прав. Итак, будем помнить: христианская жизнь является целостной только тогда, когда мы изъясняем усердие и в любви, и в вере.

Для совершенной уверенности. Поскольку исповедующих христианство еще разделяли различные мнения и тяготили многочисленные суеверия, апостол приказывает слушателям настолько утвердиться в правой вере, чтобы больше не колебаться и не увлекаться ветрами разнообразных сомнений. Однако заповедь эта относится ко всем. Как незыблема истина Божия, так же вере, на нее опирающейся, чтобы стать истинной, надлежит быть выше любого сомнения. Такова *πληροφορία*, то есть – уверенная убежденность, когда благочестивая душа постановляет: не подобает подвергать сомнению то, что говорит Сам Бог, не могущий ни лгать, ни обманываться.

Слово «надежда» употребляется здесь вместо веры из-за близости этих понятий. Но кажется, что апостол умышленно его использует, поскольку ведет речь об уверенности. Отсюда можно заключить, сколь далеко от веры то общее познание, которое свойственно и бесам, и нечестивым. Ведь и они верят, что Бог справедлив и истинен. Однако не обретают от этого благой надежды, поскольку не принимают отеческую благодать во Христе. Итак, будем знать: истинная вера всегда соединена с надеждой.

Апостол говорит «до конца», или же до совершенства, дабы иудеи знали, что еще не достигли цели, и помышляли о дальнейшем продвижении. Он упоминает об *усердии*, дабы они знали, что следует не праздно сидеть, а прилежно стараться. Ибо людям весьма трудно вознестись на небеса. Особенно тем, кто едва ползает по земле. Им мешает множество препятствий. Нет ничего труднее, чем поднимать ум к небесам, когда вся сила нашей природы тянет вниз, и сатана бесчисленными уловками влечет нас к земле. Посему апостол заповедует остерегаться лени и расслабленности души.

12) *Но подражали тем.* Оцепенению апостол противопоставляет подражание. Он как бы говорит, что стойкая душа нуждается в окрыленности. Однако сказанное становится еще весомее, когда апостол учит о том, что отцы стали участниками обетования только вследствие нестигаемой крепости веры. Ибо примеры лучше

показывают нам сущность утверждения. Если бы нам предлагалось голое учение, оно затронуло бы нас не столь сильно, чем в том случае, когда мы видим исполнение требуемого от нас в лице Авраама. Далее, пример Авраама приводится не потому, что он единственный, а потому, что выделяется среди прочих. Ведь данное качество обще Аврааму со всеми благочестивыми, однако же он заслуженно был назначен отцом верующих. Посему не удивительно, если апостол особо выделяет его из тех, на кого обращает внимание читателей, ведя речь о ярчайшем образчике веры.

Вера и терпение посредством гипаллагы означают здесь стойкую веру, которой сопутствует терпение. Ибо вера требуется прежде всего. Но поскольку многие, вначале являвшие чудную веру, вскоре в ней ослабевают, истинное доказательство не зыбкой и не случайной веры состоит в терпении. Говоря, что обетование обретается верою, апостол отвергает мнение о заслугах. Но еще яснее его слова о том, что обретение состоит в наследовании. Ибо мы являемся наследниками только по праву усыновления.

13) *Обетование Аврааму.* Апостол хочет доказать, что нам напрасно предлагается благодать Божия, если мы, верою восприняв обетование, не будем терпеливо лелеять его в наших сердцах. Довод его состоит в том, что обещание Богом Аврааму великого потомства могло показаться невероятным. Сара была бесплодной всю свою жизнь, оба супруга дожили до преклонной старости. И, будучи ближе к могиле, чем к брачному ложу, не имели никакой силы к порождению. К тому же утроба Сары, бывшая бесплодной даже в чадородном возрасте, уже давно стала мертвой. Кто поверил бы, что от них произойдет народ, по числу сравнимый со звездами и по многочисленности с морским песком? Это полностью противоречило разуму. Авраам же, тем не менее, ждал и не боялся посрамления, полагаясь на уста Божии.

Итак, чтобы понять рассуждения апостола, надо отметить обстоятельства времени. К этому относятся слова о том, что Авраам стал участником благословения, но после того, как уверовал в то, чего вовсе не могло быть. Славу надо воздавать Богу так, чтобы, успокоившись, полагаться на то, что еще не явлено нашим чувствам. Бог скрывает это и откладывает на потом, дабы упражнять наше терпение. Почему же Бог поклялся Самим Собой, мы вскоре увидим.

О том, что значит форма клятвы: *истинно благословяя благословлю тебя*, – мы говорили в третьей главе. Здесь не приводится, но подразумевается имя Божие, поскольку Он по Его же словам не будет истинен, если не даст обещанного.

16. Люди клянутся высшим, и клятва во удостоверение оканчивает всякий спор их. 17. Посему и Бог, желая преимущественнее показать наследникам обетования непреложность Своей воли, употребил в посредство клятву, 18. дабы в двух непреложных вещах, в которых невозможно Богу солгать, твердое утешение имели мы, прибегишие взяться за предлежащую надежду, 19. которая для души есть как бы якорь безопасный и крепкий, и входит во внутреннейшее за завесу, 20. куда предтечею за нас вошел Иисус, сделавшись Первосвященником навек по чину Мелхиседека.

(16. Люди клянутся высшим, и клятва во удостоверение оканчивает всякий спор их. 17. Посему и Бог, желая преимущественнее показать наследникам обетования непреложную твердость Своей воли, употребил в посредство клятву, 18. дабы в двух непреложных вещах, в которых невозможно Богу солгать, твердое утешение имели мы, прибегишие взяться за предлежащую надежду, 19. которая для души есть как бы якорь безопасный и крепкий, и входит во внутреннейшее за завесу, 20. куда предтечею за нас вошел Иисус, сделавшись Первосвященником навек по чину Мелхиседека.)

16) *Люди.* Апостол аргументирует от меньшего к большему. Если человеку, по природе своей лживому, при клятве выказывают веру, поскольку сказанное удостоверяется именем Божиим, то сколь большей веры достоин Бог, вечная истина, клянущийся Самим Собой? Свое утверждение апостол разукрашивает многими красноречивыми пояснениями. Во-первых, он говорит, что люди клянутся высшим. Этим он хочет сказать, что они, лишённые собственного авторитета, заимствуют его извне. Он добавляет: клятве выказывают такое почтение, что считают достаточной для удостоверения, полагая посредством нее конец всем спорам, если нет свидетельств и иных доказательств. Посему Тот, Кого все призывают в свидетели, разве не является Сам надежным свидетелем? Тот, Кто Своим авторитетом устраняет всякое сомнение в других, разве не может Сам удостоверить Собственные слова? Если имя Божие, призванное человеческими устами, пользуется таким почетом, то сколь же должно оно цениться, когда Сам Бог клянется Собственным именем?

Все это касается главного довода апостола. Но здесь надо попутно отметить два момента: именем Божиим следует клясться тогда, когда этого требует обычай. Второе: клятва позволительна христианам, поскольку является законным способом разрешения споров. Бог приказывает клясться ясными словами, призывая Собственное имя. Если же люди примешивают иные имена, то происходит профанация клятвы. И на это имеются три причины. Когда у нас не хватает доводов для доказательства истины, за подтверждением ее подобает прибегать к одному лишь Богу, Который Сам – вечная истина. Затем, поскольку только Бог знает людские сердца, то мы лишим Его Собственных прав, если в тайных делах, сокрытых от человеческого суждения, будем взывать к иному судье. В-третьих, поскольку, принося клятву, мы не только призываем Бога в свидетели, но и заклинаем Его в случае обмана отомстить за вероломство. Посему не удивительно, что Бог столь яростно обрушивается на тех, кто клянется иным именем, ибо тогда в той же мере умаляется Его честь.

И то, что в Писании иногда приводятся разные формулы клятвы, никак не противоречит сказанному. Ибо там клянутся небом и землею не потому, что приписывают им какую-то власть, или наименьшую часть божества, но потому, что такой косвенной клятвой призывают единого Бога. Ибо имеются разные виды клятвы. Главный из них тот, когда призывают Судью и прямо взывают к Его судилищу. Другой вид – когда называются самые дорогие нам вещи, например: жизнь или голова, или что-то в этом роде. Третий – когда в качестве свидетелей перед Богом выставляются творения. Но всеми этими способами люди клянутся не кем другим, как Богом. Посему не меньше порочности, чем невежества выказывают те, которые утверждают, что позволительно присовокуплять к Богу умерших святых, присваивая им право на мщение.

Кроме того, данное место учит, что между христианами имеется некое законное употребление клятвы. Это следует отметить против фанатиков, своевольно отменяющих предписанное Богом в законе правило святой клятвы. Ведь апостол несомненно говорит здесь о способе клятвы, как о чем-то благочестивом и угодном Богу. Далее, он говорит не о том, что клятва некогда была в ходу, но о том, что она до сих пор имеет силу. Итак, да будет она средством утверждения истины, когда иные доказательства нам не доступны.

17) *Бог, желая преимущественнее.* Вот, сколь милостиво, как подобает наилучшему отцу, Бог приспособляется к нашей медлительности. Поскольку Он видит, что мы не довольствуемся простым Его Словом, то, дабы больше утвердить его в наших сердцах, добавляет сюда клятву. Откуда явствует, сколь важно для нас иметь уверенность в Его благоволении к нам, дабы не было никакого повода для колебаний и беспокойства. Как Бог запрещает использовать Свое имя впустую или по пустякам, возвещая суровое мщение тем, кто необдуманно его употребляет, как велит выказывать почтение Его величию, так же Он учит, что Сам наивысшим образом чтит и уважает Собственное имя. Значит, уверенность в спасении, ради удостоверения которого поклялся Тот, Кто Сам запрещает необдуманные клятвы, совершенно необходимая вещь. Отсюда также можно вывести, сколь сильно ценит Бог наше спасение. Ради вспоможения ему Он не только прощает наше неверие, но и дружески врачует его, отказываясь от Собственных прав и даруя нам много больше положенного.

Наследникам. Кажется, что апостол особо имеет в виду иудеев. Хотя наследие относится и к язычникам, иудеи были первыми законными наследниками, а язычники – вторичными и чужими, ставшими таковыми вопреки природному праву. Так Петр, Деян.2:29, обращаясь к иудеям в первой своей проповеди, говорит: вам дано обетование и детям вашим, и тем дальним, кого призовет Господь. Бог оставил место для пришлых наследников, однако первое право отдал иудеям. И в главе 3:25: вы дети пророков и завета, и т.д. Так и здесь апостол, дабы внушить иудеям большую готовность к принятию завета, учит, что клятва была дана, прежде всего, ради них. Хотя положение это относится сегодня и к нам: ведь мы заступили на их место, оставленное ими по неверию.

Отметь, что здесь говорится о воле Божией, о которой нам свидетельствует Евангелие, дабы кто не усомнился, что учение это исходит из подлинного божественного намерения. Скорее верующие должны постановить: всякий раз как они слышат глас Евангелия, им проповедуется тайная воля Божия, сокрытая в Его существе. Отсюда явствует, что именно Бог постановил о нашем спасении прежде создания мира.

18) *Дабы в двух непреложных вещах.* В Боге непреложны и слова, и клятвы. Относительно людей все обстоит иначе. Ибо их суетность делает их слово весьма зыбким. Слово же Божие восхваляется за то, что оно чисто и подобно семикратно очищенному золоту. Даже Валаам, будучи открытым противником Бога, был вынужден это засвидетельствовать: Бог не подобен сынам человеческим, чтобы Ему лгать, и не подобен людям, чтобы Ему изменяться. Сказал, и разве не сделает? Изрек, и разве не исполнит? Числ.23:19. Значит, Слово Божие – надежная истина *καὶ αὐτόπιστος*; когда же добавляется клятва, она служит как бы вершиной полноты Его правдивости. Отсюда мы получаем великое утешение: Бог, не умеющий лгать, все же не довольствуется простым обещанием, но подтверждает его Своей клятвой.

Мы, прибегающие. Этой фразой апостол означает, что мы уповаем на Бога не иначе как, лишенные всякой другой защиты, прибегаем к Его твердому обетованию, считая его единственным для себя прибежищем. Значит, в причастии *καταφύγετε* выражается наша нищета и нужда. Ведь мы прибегаем к Богу только будучи к этому вынуждаемы. Но, добавляя: *за предлежащую надежду*, – апостол хочет сказать, что нужную нам защиту не следует искать вдали. Ведь Бог добровольно идет нам навстречу и словно в Собственной руке подает основание для уверенности.

Этим положением апостол хотел и воодушевить иудеев к принятию Евангелия, и лишить извинений неверующих, отвергающих предложенную благодать. Действительно, слова – нет тебе причин больше говорить: кто взойдет на небо, или кто сойдет в бездну, или кто переплывет море; близко слово: оно в устах твоих и в сердце твоём – эти слова истиннее возглашаются в откровении Евангелия, чем в законе (Втор.30:12, Рим.10:6). Впрочем, в слове «надежда» содержится метонимия. Ибо следствие ставится здесь вместо причины. Я имею в виду то обетование, на которое опирается наша надежда. Ибо не согласен с теми, кто понимают надежду как то, на что мы надеемся. Больше того, следует добавить и то, что апостол говорит не о голом или подвешенном в воздухе обетовании, а о том, которое принимается верою. Или же, говоря кратко, наде-

жда означает здесь обетование, принятое верою. В слове же *κρατῆσαι*, как и в слове надежда, апостол подразумевает то же самое постоянство.

19) *Как бы якорь*. Изящное уподобление, сравнивающее веру, полагающуюся на Слово Божие, с якорем. Действительно, пока мы странствуем в этом мире, мы не стоим на твердой земле, но словно носимся посреди моря, причем весьма бурлящего. Ибо дьявол не прекращает сотрясать нас бесчисленными бурями, которые непременно опрокинули бы наш корабль и потопили его, не укорени мы якорь на дне моря. Ибо нашему взору нигде не явлена пристань, но, доколе простираются наши чувства, видна одна лишь вода, вздымающаяся и грозящая нам волнами. Подобно тому, как якорь посреди моря бросается в темное и глубокое место и, скрываясь там, удерживает на месте открытый для волн корабль, так и надежда наша должна укореняться в невидимом Боге. Различие же в том, что якорь бросается в море, то есть вниз, поскольку дном моря является земля, надежда же наша взмывает вверх и парит, поскольку в мире не находит ничего прочного, и должна не прилепляться к творениям, но успокаиваться в едином Боге. Подобно тому, как канат, к которому привязан якорь, соединяет корабль с землею через большую и темную глубину, так и истина Божия является узами, соединяющими нас с Богом, дабы никакое расстояние, никакой туман не мешали нам к Нему прилепляться.

Привязанные таким образом к Богу, мы, хоть и принужденные сражаться с непрерывным штормом, находимся вне опасности кораблекрушения. Посему апостол говорит: якорь этот безопасный и крепкий. Ведь может случиться, что из-за сильного течения либо оторвется якорь, либо порвется канат, либо от тряски развалится сам корабль. Все это порой происходит на море. Но не такова укрепляющая нас сила Божия, не такова сила надежды, не такова твердость божественного Слова.

И входит. Мы уже говорили о том, что, покуда вера не придет к Богу, она не может найти ничего прочного и неизблемого. Значит, ей необходимо проникнуть до самых небес. Но поскольку апостол обращался к иудеям, он намекает на ветхую скинию и говорит, что иудеи не должны задерживаться на видимом, но идти до самого места, сокрытого за завесой. Он как бы намекает: следует оставить все внешние и древние образы, дабы вера основывалась на одном лишь Христе.

Этот довод следует тщательно отметить: поскольку Христос восшел на небеса, туда же надо направлять и нашу веру. Отсюда мы учимся, что взор веры надо устремлять именно на Него. Действительно, люди напрасно искали бы Бога в Его Собственном величии, поскольку величие это сильно от них удалено. Но Христос протягивает нам руку, дабы возвести на небеса, и это некогда предзнаменовали тени закона. Первосвященник входил в святая святых не только от собственного имени, но и от имени народа, неким образом неся на груди и плечах двенадцать израильских колен. Ведь в память их в нагрудник были вшиты двенадцать камней, и имена их выгравированы на двух онисовых камнях, располагавшихся на его плечах, дабы в лице одного человека все вместе могли войти во святилище. Итак, апостол весьма удачно упоминает о восшествии на небеса нашего Первосвященника, ибо вошел Он не только ради Себя, но и ради нас. Посему не стоит бояться, что вере нашей будет закрыт вход на небеса, поскольку последняя никогда не отделяется от Христа Иисуса. Коль скоро же нам надлежит следовать за предшествующим нам Христом, Он и зовется нашим Предтечею.

Глава 7

1. Ибо Мелхиседек, царь Салима, священник Бога Всевышнего, – тот, который встретил Авраама и благословил его, возвращающегося после поражения царей, 2. которому и десятину отделил Авраам от всего, – во-первых по знаменованию имени царь правды, а потом и царь Салима, то есть царь мира. 3. Без отца, без матери, без родословия, не имеющий ни начала дней, ни конца жизни, уподобляясь Сыну Божию, пребывает священником навсегда.

(1. Ибо Мелхиседек, царь Салима, священник Бога Всевышнего, – тот, который встретил Авраама и благословил его, возвращающегося после поражения царей, 2. которому и десятину отделил Авраам от всего, – во-первых по знаменованию имени царь праведности, а потом и царь Салима, то есть царь мира. 3. Без отца, без матери, без родословия, не имеющий ни начала дней, ни конца жизни, уподобляясь Сыну Божию, пребывает священником навсегда.)

1) *Ибо Мелхиседек*. До сих пор апостол побуждал иудеев увещаниями внимательно обдумать, что значит сравнение Христа с Мелхиседеком. В конце предыдущей главы, дабы после отступления вернуться к основной теме, он снова цитирует место из Псалма. Значит, теперь апостол подробно излагает то, что раньше затронул лишь вскользь. Он по отдельности перечисляет то, что надо усмотреть в Мелхиседеке, и в чем тот уподобляется Христу. Далее, не удивительно, что апостол столь тщательно на этом останавливается. Действительно, весьма не обычно в области, исполненной столькими суевериями и извращениями, найти человека, соблюдавшего истинный божественный культ. С одной стороны его страна граничила с Содомом и Гоморрой, с другой – с хананеями. Посему со всех сторон Мелхиседека окружали нечестивые люди. Кроме того, весь мир настолько склонен к нечестию, что едва можно поверить в то, что Бога правильно почитали где-то вне семьи Авраама. Ведь даже отец и дед его, у которых должно было процветать наивысшее благочестие, еще прежде уклонились в идолопоклонство.

Итак, весьма достопамятное событие: еще сохранился царь, не только служивший истинной религии, но и сам исполнявший роль священника. Действительно, в том, кто являлся прообразом Сына Божия, всему надлежало быть ярким. То же, что Христос оттенялся именно в этом прообразе, явствует из псалма. Ведь Давид вовсе не по дерзости написал: Ты – Священник вовек по чину Мелхиседека. Скорее в этих словах Церкви доверяется какое-то возвышенное таинство.

Теперь рассмотрим отдельные качества, в которых апостол сравнивает Христа с Мелхиседеком. Первая схожесть заключается в имени. Ведь не лишено тайны прозвище «царь праведности». Хотя эта честь и присваивалась царям, правящим умеренно и справедливо, истинно сей титул подходит одному лишь Христу, не только правящему справедливо, подобно прочим, но и сообщающему нам праведность Божию, частично, поскольку мы считаемся праведными по благодатному примирению, а частично – поскольку обновляемся Его Духом для благочестивой и святой жизни. Значит, имя «царь праведности» основано на том следствии, что Христос влагает праведность во всех Своих людей. Отсюда следует, что вне Его Царства в людях царствует один лишь грех. Посему Захария (2:10), словно торжественным указом Божиим вводя Христа в обладание Его Царством, украшает Его следующим восхвалением: радуйся, дочь Сиона, вот Царь твой праведный идет к тебе. Он хочет сказать, что праведность, иначе у нас отсутствующая, даруется нам через пришествие Христово.

Во-вторых, подобие, отмеченное апостолом, заключается в воцарении *мира*. И этот мир есть плод упомянутой ранее праведности. Отсюда следует: там, куда доходит Христово Царство, должен царить мир, как сказано у Исаии во второй и девятой главах, и других похожих местах. Впрочем, поскольку мир у евреев означает также благополучие и счастье, его можно понять и в этом смысле. Но мне больше нравится подразумевать здесь внутренний мир, дающий совести покой и уверенность перед Богом. И нельзя достаточно оценить преимущества этого блага, если, с другой стороны, не размыслить над тем, сколь несчастны люди, мучимые постоянным беспокойством. В их же числе непременно должны находиться и мы, доколе, примирившись через Христа, не успокоим свою совесть перед Богом.

3) *Без отца*. Я предпочитаю переводить так, нежели «с неизвестным отцом». Ибо апостол хотел сказать нечто большее, чем то, что род Мелхиседека темен и неизвестен. И меня не смущает возражение, что в таком случае образ не будет соответствовать истине, поскольку Христос имеет Отца на небесах, а мать на земле. Ведь апостол тут же объясняет нам свою мысль, добавляя «без рода». Значит, он изымает Мелхиседека из общего закона порождения. Этим он хочет указать на его вечность, на то, что не стоит искать среди людей его недавнее начало. Нет сомнения, что Мелхиседек родился от каких-то родителей. Но здесь апостол говорит о нем не как о частном лице, но скорее облакает в лицо Иисуса Христа. Посему и не позволяет усматривать в нем что-либо, кроме того, чему учит Писание. Ведь в рассмотрении всего, относящегося ко Христу, надо придерживаться благочестивого правила: разуместь что-либо только из Слова Божия.

Так вот, поскольку Дух Святой, представляя Мелхиседека выдающимся царем своего времени, умалчивает о его происхождении и никак не говорит потом о его же смерти, разве не равносильно это указанию на вечность? То же, что только оттенялось в Мелхиседеке, воистину исполнилось в лице Иисуса Христа. Значит, нам подобает довольствоваться серединой: поскольку Писание рисует нам Мелхиседека так, словно он никогда не рождался и не умирал, то и у Христа нет никакого начала или конца.

Впрочем, отсюда мы также узнаем, сколь необходимы почтительность и трезвость в рассмотрении духовных божественных тайн. Ведь апостол не только сам добровольно отказывается знать то, о чем нигде не сказано в Писании, но и хочет того же самого от нас. Действительно, не подобает необдуманно заявлять что-либо о Христе, исходя из нашего разума.

Однако Мелхиседек рассматривается здесь не в личном качестве, но постольку, поскольку является священным прообразом Христа. И не случайным, не в силу неведения должно считаться опущенным упоминание о родстве или смерти Мелхиседека. Скорее Дух сделал это умышленно, дабы поднять его над уровнем обычного человека. Посему не кажется вероятным мнение тех, кто думает, будто Мелхиседек – это Сим, сын Ноя. Ведь если придти к какому-то известному и определенному человеку, не будет больше схожести между Христом и Мелхиседеком.

Уподобляясь. А именно: настолько, насколько требовала суть уподобления. Ибо всегда надо удерживать аналогию между символом и самой вещью. Достойны смеха те, кто на деле уподобляет Мелхиседека Христу, воображая, будто первый упал с неба. Достаточно и того, что в нем наблюдаются черты Иисуса Христа. Подобно тому, как можно видеть на картине образ живого человека, и все же знать, что он сильно от нее отличается. Не представляется нужным опровергать безумие тех, кто бредит, что тогда в лице Мелхиседека явился или Сам Христос, или Дух Святой, или Ангел. Разве что кто-нибудь сочтет достойным здравого смысла человека спорить с Постеллом и подобными ему безумцами. Ибо этот проходимец с не меньшей наглостью выдает себя за Мелхиседека, чем некогда эти больные души (о которых упоминает Иероним) воображали последнего Христом.

4. Видите, как велик тот, которому и Авраам патриарх дал десятину из лучших добыч своих. 5. Получающие священство из сынов Левиных имеют заповедь – брать по закону десятину с народа, то есть со своих

братьев, хотя и сии произошли от чресл Авраамовых. 6. Но сей, не происходящий от рода их, получил десятину от Авраама и благословил имевшего обетования. 7. Без всякого же прекословия меньший благословляется большим. 8. И здесь десятины берут человеки смертные, а там – имеющий о себе свидетельство, что он живет. 9. И, так сказать, сам Левий, принимающий десятины, в лице Авраама дал десятину: 10. ибо он был еще в чреслах отца, когда Мелхиседек встретил его.

(4. Видите, как велик тот, которому и Авраам патриарх дал десятину из добыч своих. 5. Получающие священство из сынов Левиных имеют заповедь – брать по закону десятину с народа, то есть со своих братьев, хотя и сии произошли от чресл Авраамовых. 6. Но сей, не происходящий от рода их, получил десятину от Авраама и благословил имеющих обетования. 7. Без всякого же прекословия меньший благословляется большим. 8. И здесь десятины берут человеки смертные, а там – имеющий о себе свидетельство, что он живет. 9. И, так сказать, сам Левий, обычно принимающий десятины, в лице Авраама дал десятину: 10. ибо он был еще в чреслах отца, когда Мелхиседек встретил Авраама.)

4) *Видите.* Четвертый пункт сравнения Христа с Мелхиседеком состоит в том, что Авраам дал последнему десятину. Далее, хотя десятина установлена по разным причинам, апостол имеет здесь в виду ту, которая отвечает рассматриваемому случаю. Одной из причин, по которым Левитам давались десятины, было то, что и они являлись сынами Авраама, семени которого обещалась земля. Значит, по праву наследования, им полагалась часть этой земли. Поскольку же у них не было конкретных территорий, в качестве компенсации им отдавалась десятина. Второй причиной было то, что, занимаясь божественным культом и общественным церковным служением, левиты имели право на содержание из общих народных пожертвований. Значит, другие израильтяне должны были давать им десятины в качестве справедливого вознаграждения за службу.

Однако все эти причины не относятся к настоящей теме. Посему апостол их пропускает. На ум теперь должна придти только одна: левиты принимали десятины, поскольку народ приносил их Богу как некий священный налог. Отсюда явствует: Бог, неким образом поставив левитов на Свое место, выказал им весьма немалую честь. Значит, первый раб Божий и пророк Авраам, принеся десятину Мелхиседеку, священнику Божию, исповедовал тем самым, что последний превосходит его по чести. Если же перед Мелхиседеком Сам Патриарх Авраам считается обычным человеком, его достоинство должно было быть и редким, и чрезвычайно великим. Эпитет «патриарх» употреблен здесь для усиления смысла. Ибо, в первую очередь почетно уже то, что Авраама Церковь Божия именует своим отцом. Итак, доказательство состоит в следующем: Авраам, превосходящий всех прочих, был все же ниже Мелхиседека. Значит, Мелхиседек обладает наивысшей честью и превосходит всех левитов. Доказательство большей посылки. То, что Авраам был должен Богу, он отдал в руки Мелхиседека. Посему, отдав десятину, он тем самым признал свое нижестоящее положение

5) *И сии.* Этот перевод лучше другого варианта: тем, что были из числа сынов. Ибо апостол не приводит здесь причины, словно священники потому присваивали десятины, что были из сынов Левия, но сравнивает все их племя с Мелхиседеком, говоря так: Бог, дав право левитам взимать с народа десятины, поставил их выше прочих израильтян, хотя все они родились от одного и того же отца. Но Авраам, будучи отцом всех, дал десятину иноземному священнику. Значит, этому священнику подчинены все потомки Авраама. И право левитов в отношении прочих братьев было частичным, Мелхиседек же без всякого исключения выставляется так, что подчиняет себе всех.

Некоторые думают, будто апостол говорил о десятой части десятины, которую левиты платили верховным священникам. Но нет никаких причин ограничивать так обобщающую фразу. Значит, вероятнее то толкование, которое дал я.

6) *Благословил.* Пятый пункт, отмеченный апостолом при сравнении Мелхиседека со Христом. Здесь он ссылается на один из общепризнанных принципов: больший благословляет меньшего. И добавляет, что Мелхиседек благословил Авраама. Отсюда следует, что Авраам занимает более низкое положение. Но ради усиления смысла, апостол снова особым образом его восхваляет. Ведь чем превосходнее Авраам, тем выше поднимается достоинство самого Мелхиседека. Для этой цели апостол говорит, что Авраам имел обетования, означая этим, что первый автор освящения тот, с кем Бог заключил завет вечной жизни. Ибо не обычная честь: быть избранным Богом из многих, получив от Него право усыновления и свидетельство Его любви. Однако все это не мешает Аврааму со всем своим превосходством покориться священству Мелхиседека. Итак, отсюда можно видеть, сколь велик был тот, кому Авраам уступил в обоих вещах: и в том, что позволил ему благословить себя, и в том, что принес ему десятины как заместнику Бога.

7) *Меньший.* Во-первых, следует знать, что в этом месте слово «благословить» означает торжественную молитву, посредством которой тот, кто наделен каким-то великим общественным достоинством, препоручает Богу частных людей, вверенных его попечению. Имеется и другой вид благословения, когда люди взаимно молятся друг за друга, что свойственно всем благочестивым. Но то благословение, о котором упоминает апостол, есть символ более могущественной власти. Так Исаак благословил своего сына Иакова, и сам Иаков благословил своих внуков Ефрема и Манассию. Ибо тогда не было взаимности, и сын не воздал отцу тем же, но для законного благословения требовался больший авторитет. Это можно лучше видеть из шестой

главы Чисел (ст.23), где, когда священникам давалась заповедь благословлять народ, тут же присовокуплялось обетование: благословенны все, кого они благословят. Священническое благословение обладало тем преимуществом, что исходило не столько от человека, сколько от Бога. Как священник, принося жертвы, занимал место Христа, так же и, благословляя народ, он был не чем иным, как посланником и глашатаем верховного Бога. В этом же смысле надо понимать сказанное Лукой (24:50): Христос, подняв руки, благословил апостолов. Обряд же поднятия рук без сомнения был заимствован от священников, чтобы засвидетельствовать: Христос есть Тот, через Кого нас благословляет Бог Отец. Об этом благословении упоминает и Псалом 115:8, а также 117:1.

Теперь приспособим сказанное к теме, рассматриваемой апостолом. Священническое благословение, будучи божественным делом, является и свидетельством большей чести. Значит Мелхиседек, благословив Авраама, присвоил себе более возвышенное положение. И сделал это не по дерзости, а по праву священника. Следовательно, он возвышается над Авраамом. Однако Авраам есть тот, с кем Бог соизволил заключить завет спасения. Значит, превосходя всех прочих, Авраам уступает одному лишь Мелхиседеку.

8) *Имеющий о себе свидетельство, что он живет.* Молчание о смерти (как я говорил прежде) апостол принимает как свидетельство жизни. Это не имело бы силы в отношении других, но заслуженно относится к Мелхиседеку постольку, поскольку он есть образ Христа. Коль скоро здесь идет речь о духовном царстве и священничестве Христа, для человеческих выдумок больше не оставляется места. И не подобает знать что-либо, кроме того, о чем мы читаем в Писании. Не делай отсюда заключения, будто человек, встретившийся Аврааму, жив до сих пор, как о том по-детски болтают некоторые. Ведь сказанное относится к иному лицу, от имени которого действовал Мелхиседек, а именно – к лицу Сына Божия.

Впрочем, этими словами апостол настаивает на том, что достоинство Мелхиседекова священства вечно, а левитское – временно. Он рассуждает следующим образом: те, кому закон присвоил десятины – смертные люди. А это говорит о том, что право священства некогда так же упразднится, как конечна и жизнь самих священников. О смерти же Мелхиседека Писание не упоминает вовсе, рассказывая лишь о том, как ему отдавалась десятинна. Таким образом, оно не ограничивает право его священства каким-либо временным интервалом, но скорее указывает на его вечную продолжительность. А это добавлено для того, чтобы не показалось, будто последующий закон (согласно обычаю) в чем-то ущемил предыдущий. Иначе можно было бы возразить: то право, коим некогда обладал Мелхиседек, уже упразднено, поскольку Бог, дав через Моисея закон, перенес это право на левитов. Апостол же упреждает это возражение, говоря, что левитам десятины давались временно, поскольку те и сами жили не вечно, а Мелхиседек до конца удерживает однажды данное Богом право, будучи бессмертен сам.

9) *Сам Левий ... дал десятину.* Апостол идет дальше, говоря, что и сам Левий, будучи в то время еще в чредрах Авраама, не был избавлен от такого же повиновения. Ведь Авраам, отдавая десятину, покорила себя и свое потомство священству Мелхиседека. Но здесь, с другой стороны, можно возразить, что и Иуда, из семени которого родился Христос, заплатил по такой же причине десятину. Однако эта трудность легко разрешается, если обдумать два положения, которые у христиан не должны вызывать споров. Ибо Христос считается не просто одним из сынов Авраама, но по особой привилегии изымается из общего порядка. Именно об этом говорит и Он Сам (Мф.22:42): если Христос – Сын Давида, то как же Давид зовет Его своим Господом? Итак, мы видим: необоснованно переносить довод с Левия на Христа.

Затем, поскольку Мелхиседек служил образом Христа, никак не согласно с разумом противопоставлять одного из них другому. Ибо следует придерживаться общеизвестного: соподчиненное друг другу не противоречит. Посему образ, который ниже самой истины, не следует и нельзя противопоставлять истине. Ведь противоборство здесь идет между равными.

Этими пятью положениями апостол и ограничивает сравнение Христа с Мелхиседеком, чем опровергается измышление тех, кто ищет главное уподобление в принесении хлеба и вина. Мы видим, как апостол точно и тщательно взвешивает здесь отдельные обстоятельства. Имя человека, престол царства, вечность жизни, право на десятину, благословение. Но все это, безусловно, менее важно, чем само приношение. Будем ли мы говорить о забывчивости Духа Божия, о том, что, остановившись на менее важном, Он упустил главное, больше всего относящееся к делу?

Тем более удивляюсь я тому, что столько древних учителей Церкви придерживались данного мнения и настаивали на приношении хлеба и вина. Они говорили так. Христос есть Священник по чину Мелхиседека, однако Мелхиседек принес хлеб и вино. Значит, жертвоприношение хлеба и вина подобает священству Христову. Впоследствии апостол будет тщательно рассуждать о древних жертвоприношениях, но ни слова не скажет об этой новой жертве хлеба и вина. Итак, откуда это пришло на ум церковным писателям? Несомненно, что одно заблуждение влечет за собой другое. Когда они без какой-либо заповеди Христовой вообразили в Его Вечере жертву и осквернили эту вечерю, добавив к ней жертвоприношение, то затем для укрепления своего заблуждения попытались отовсюду понабрать разные доводы. Им понравилось приношение хлеба и вина, и они бездумно за него ухватились. Кто согласится с тем, что эти люди были проникательнее Духа Божия? Однако если мы примем их учение, то Дух Божий надо осудить в небрежении, в том,

что Он не обратил внимания на такую важную вещь. Особенно, учитывая, что данный вопрос Он рассматривал открыто и прямо.

Отсюда я вывожу: древние придумали себе жертву, о которой никогда не знал Моисей. Ибо он пишет не о том, что Мелхиседек принес хлеб и вино Богу, но скорее о том, что преподнес их Аврааму и его спутникам. Его слова таковы: вышел ему навстречу Мелхиседек, царь Салима, и принес хлеб и вино. И он же был священником Бога Всевышнего и благословил его. Первая часть этого рассказа говорит царском достоинстве Мелхиседека. Ведь он накормил людей, уставших от сражений и долгого пути. Благословение же относится к его священническому служению. Значит, если приношение и содержало в себе какую-то тайну, оно исполняется во Христе лишь в том смысле, что Он питает нас, алчущих и изможденных. Впрочем, здесь дважды смешны паписты, сперва отрицающие присутствие на мессе хлеба и вина, а потом болтающие об их жертвоприношении.

11. Итак, если бы совершенство достигалось посредством левитского священства, – ибо с ним сопряжен закон народа, – то какая бы еще нужда была восставать иному священнику по чину Мелхиседека, а не по чину Аарона именоваться? 12. Потому что с переменю священства необходимо быть перемене и закона. 13. Ибо Тот, о Котором говорится сие, принадлежал к иному колену, из которого никто не приступал к жертвеннику; 14. ибо известно, что Господь наш воссиял из колена Иудина, о котором Моисей ничего не сказал относительно священства.

(11. Итак, если бы совершенство достигалось посредством левитского священства, – ибо народ под ним принимает закон, – то какая бы еще нужда была восставать иному священнику по чину Мелхиседека, а не по чину Аарона именоваться? 12. Потому что с переменю священства необходимо быть перемене и закона. 13. Ибо Тот, о Котором говорится сие, принадлежал к иному колену, из которого никто не приступал к жертвеннику; 14. ибо ясно, что Господь наш родился из колена Иудина, о котором Моисей ничего не сказал относительно священства.)

11) *Если бы совершенство.* Из этого же свидетельства апостол выводит, что с приходом Христа упразднился ветхий завет. До сих пор он рассуждал о служении священника. Но, поскольку Бог установил священство ради освящения закона, то с упразднением первого должен уйти и последний. Дабы лучше это уяснить, надо придерживаться аксиомы: никакой завет между Богом и людьми не законен и не тверд, если его не подкрепляет священство. Посему апостол говорит, что закон был возложен на древний народ под властью левитского священства. Этим он хочет сказать, что означенное священство не только царствовало во времена закона, но и было установлено ради его утверждения. Апостол рассуждает так: если церковь получила бы совершенное устройство под властью сословия Аарона, зачем надо было переходить к другому порядку? Ведь в совершенном не должно ничего меняться. Итак, отсюда следует, что устройство закона не было совершенным. Ибо предстояло возникнуть новому порядку, о котором говорит Давид.

С ним сопряжен закон народа. Эта вставка помещена здесь для того, чтобы мы знали: священство привязано к закону. Апостол хочет доказать, что в законе Моисея не заключалась конечная цель, к которой следовало стремиться. Он делает это, ссылаясь на отмену священства, следующим образом: если бы у древнего священства имелась сила, достаточная для прочного утверждения закона, Бог никогда бы не заменил его на новый и другой закон. Теперь, поскольку кто-то мог бы усомниться, следует ли из прекращения священства отмена закона, он говорит, что закон не только был дан при данном священстве, но и утверждался этим священством.

12) *С переменю священства.* Поскольку положение священства и закона одно и то же, Христос поставляется не только священником, но и законодателем. Таким образом, к Нему переходят права не только Аарона, но и Моисея. Итог следующий: служение Моисея было таким же временным, как и Аарона. Посему и то, и другое следовало отменить с приходом Христа, так как одно не могло существовать без другого. Под законом мы разумеем то, что в собственном смысле относится к Моисею. Ибо закон содержит и правило доброй жизни, и благодатный завет жизни. В законе повсеместно встречаются многие замечательные положения, наставляющие нас как в вере, так и в страхе Божиим. Никакое из них не было отменено Христом, упразднена была лишь часть, связанная с древним священством. Ибо именно в этом пункте Христос сравнивается с Моисеем. Посему речь идет не о том, что имеется между ними общего, но лишь о том, в чем они друг от друга отличаются. И Христу и Моисею присуще предлагать нам милосердие Божие, предписывать правило благочестивой и святой жизни, преподавать истинный божественный культ, увещевать к вере, терпению, исполнению всех обязанностей благочестия. Отличие Моисея от Христа в том, что, пока не воссияло Евангелие, закон содержал народ за завесой, что, пока не явилась истина, предлагал Христа в тенях и образах, что, приспособляясь к восприятию народа, не шел дальше младенческого воспитания.

Итак, будем помнить: законом называется часть служения, свойственная именно Моисею, а не Христу. И она, будучи подчинена древнему священству, упразднилась сразу же с его отменой. Христос же, поставляясь в священники, наделяется также властью законодателя, дабы стать служителем и толкователем нового завета. Хотя в несобственном смысле законом можно назвать и само Евангелие. Данное словоупотребление

не только не содержит в себе ничего глупого, но и вследствие антитезиса придает речи убедительность, как и в седьмой главе Послания к Римлянам.

Далее, весьма бесстыдна наглость папы, вставившего в свои Декреталии главу о том, что он наделен той же властью, которая некогда принадлежала Аарону, поскольку закон вместе со священством был передан под его власть. Посмотрим же, что именно говорит апостол. Он утверждает, что обряды прекратились с того момента, как Христос выступил с поручением обнародовать новый завет. Отсюда нельзя заключить, будто нечто перешло к служителям Христовым. Ведь Моисею и Аарону противопоставляется лишь Сам Христос. Итак, под каким же предлогом Антихрист присваивает себе какие-то права? Не буду подробно опровергать здесь столь грубое бесстыдство. Однако читателям было полезно указать на эту святотатственную дерзость, дабы они поняли: сколь смешон учительский авторитет нашего доброго раба рабов Божиих, как отвратительно он увечит Писания, дабы хоть каким-нибудь образом оправдать собственную тиранию.

13) *О Котором говорится сие.* Поскольку апостол обращался к тем, кто признавал Иисуса Христа сыном Марии, он доказывает окончание древнего священства, ссылаясь на то, что этот новый заступивший священник происходит из колена, отличного от Левиина. Ведь по закону именно в этом колене в силу особой привилегии должно пребывать священническое достоинство. Далее, апостол говорит об очевидности происхождения Христа из колена Иудина, поскольку тогда это было широко известным. Однако уверенность, главным образом, основана здесь на обетовании. Значит, признавая, что данный человек есть Христос, евреи с необходимостью должны были признать Его Сыном Давида. Ибо обетованный Мессия не мог происходить из другого рода.

15. *И это еще яснее видно из того, что по подобию Мелхиседека восстает священник иной, 16. Который таков не по закону заповеди плотской, но по силе жизни непрестающей. 17. Ибо засвидетельствовано: «Ты священник вовек по чину Мелхиседека». 18. Отменение же прежде бывшей заповеди бывает по причине ее немощи и бесполезности, 19. ибо закон ничего не довел до совершенства; но вводится лучшая надежда, посредством которой мы приближаемся к Богу. 20. И как сие было не без клятвы, – 21. ибо те были священниками без клятвы, а Сей с клятвою, потому что о Нем сказано: «клялся Господь, и не раскается: Ты священник вовек по чину Мелхиседека», – 22. то лучшего завета поручителем соделался Иисус.*

(15. *И это еще яснее видно, если по подобию Мелхиседека восстает священник иной, 16. Который таков не по закону заповеди плотской, но по силе жизни непрестающей. 17. Ибо засвидетельствовано: «Ты священник вовек по чину Мелхиседека». 18. Отменение же прежде бывшей заповеди бывает по причине ее немощи и бесполезности, 19. ибо закон ничего не довел до совершенства; но добавился для приведенных к лучшей надежде, посредством которой мы приближаемся к Богу. 20. И тем более лучшей, что сие было не без клятвы, 21. Так как те были поставлены священниками без клятвы, а Сей с клятвою Тем, Который сказал Ему: «Ты священник вовек по чину Мелхиседека», – 22. то лучшего завета поручителем соделался Иисус.)*

15) *И это яснее видно.* Апостол еще одним доводом доказывает упразднение закона. Прежде он рассуждал, исходя из личности священника, теперь же исходит из природы священства и причины его установления. Древнее священство, – говорит апостол, – было установлено для внешних обрядов, в священстве же Христовом одна лишь духовность. Отсюда первое показывается зыбким и преходящим, а второе – вечным. Плотская заповедь понимается здесь как внешние обряды. Мы знаем, как поставлялись в священники Аарон и его сыновья. То, что во Христе исполнилось тайной силою Небесного Духа, там оттенялось елеем, различными одеяниями, окроплением кровью и другими внешними церемониями. Данный способ установления священства соответствовал его природе. Отсюда следует, что и само священство было подвержено переменам. Хотя, как мы увидим позднее, священство это одновременно было и плотским и духовным, апостол рассматривает здесь лишь то, чем Аарон отличался от Христа. Значит, каким бы духовным ни был смысл теней, сами тени, состоя из стихий мира сего, заслуженно зовутся земными.

16) *По силе.* Поскольку Христос есть вечный священник, Его надлежало отличить от Аарона самым обрядом поставления. Именно так и произошло. Ибо посвятил Его не смертный человек Моисей, а Святой Дух. При чем не елеем, не кровью козлов, не внешней красотой одеяний, а небесною силой, которую апостол противопоставляет здесь немощным стихиям. Итак, мы видим, как демонстрировалась во Христе вечность Его священства.

17) *Ты священник вовек.* Апостол настаивает здесь на одном означающем вечность слове, подтверждая сказанное фразой «непрестающая жизнь». Итак, он показывает, что Христос отличается от всего рода левитов, поскольку поставлен священником навечно. Но на это можно возразить (как и делают иудеи), что слово לעולם не всегда означает вечность. Скорее оно говорит о длительности одного века или определенном продолжительном времени. Сюда же относится и то, что Моисей, говоря о древних жертвах, часто пользуется выражением: и будет это установлением вечным. Отвечаю: всякий раз как упоминаются законнические жертвы, век ограничивается временем закона. И в этом нет ничего нелепого. Ибо с приходом Христа произошло некое обновление мира. Значит, всякий раз как Моисей говорит о длительности собственного служения, эта длительность не может простирается дальше времени Христа. Хотя одновременно следует отметить: древним жертвам приписана вечность не столько из-за самих внешних обрядов, сколько из-за их таин-

ственного значения. В настоящем же нам достаточно и того довода, что у Моисея и его служения был свой век, конец которому положило Царство Христово, обновляющее мир. Теперь же, когда возникает Христос, и Ему поручается вечное священство, мы не найдем конца Его веку, не найдем, что оно должно длиться определенный промежуток времени. Значит, это слово означает здесь именно вечность. Ведь значение לעולם всегда надо устанавливать из контекста.

18) *Отменение же*. Поскольку довод апостола заключался в том, что закон прекращается вместе со священством, он излагает причину, по которой закон надо было отменить. А именно: закон был немошен и бесполезен. Апостол говорит так относительно обрядов, не имевших в себе ничего твердого, и в самих себе ничего для спасения не значивших. То же, что с ними было связано обетование благодати, что Моисей везде свидетельствует об умилощении Бога жертвами, об отпущении грехов, не относилось в собственном смысле к самим жертвам и было для них приводящим. И как на Христа указывали тогда все образы, так же от Него они заимствовали свою силу и действенность.

Больше того, сами по себе они ничего не могли и не делали, и вся сила их зависела от одного лишь Христа. Однако поскольку иудеи превратно противопоставляли их Христу, апостол, приспосабливаясь к мнению последних, и сам проводит между ними различие. Но как только обряды отделяются от Христа, в них не остается ничего, кроме немощи, о которой идет речь.

Наконец, в древних обрядах не обнаруживается никакой пользы, доколе люди не приходят ко Христу. Они так удостоверили иудеев в благодати Божией, что одновременно неким образом держали их в сомнениях. Итак, будем помнить: закон зовется бесполезным тогда, когда не содержит в себе Христа. И то, что апостол зовет закон «прежней заповедью», также подтверждает его учение. Ибо весьма употребительно и известно выражение: прежние законы отменяются новыми. Закон был обнародован задолго до Давида. Он уже был в царство Давида, когда тот изрек пророчество о поставлении новых священников. Значит, имеется новый закон, упраздняющий прежний.

19) *Ничего не довел до совершенства*. Поскольку апостол говорил о законе несколько суровее, чем нужно, теперь он смягчает свою жесткость и как бы поправляется. Он допускает какую-то пользу закона, пользу, состоящую в том, что закон показал нам путь, ведущий к спасению. Сам же закон был такого сорта, что далеко отстоял от совершенства. Ибо апостол аргументирует так: закон только положил начало. Значит затем должно последовать нечто более совершенное. Ибо детям Божиим не подобало все время пребывать в младенческих начатках. Под приведением⁶ же апостол понимает некое приготовление во времена закона. Так детям преподаются элементарные знания, пролагающие путь более возвышенному учению. Однако⁷, поскольку предлог ἐπὶ означает следствие, когда одно последует другому, я решил перевести: *но добавился*. Ведь, на мой взгляд, апостол имеет в виду два приведения. Первое – в образе Мелхиседека, второе – через последующий закон.

Далее, под законом апостол понимает левитское священство, добавленное к священству Мелхиседека. Под лучшей надеждой понимается состояние верующих в Царстве Христовом. Но также подразумеваются и отцы, которые, не довольствуясь своим текущим положением, вздыхали по чему-то большему. Отсюда фраза: многие цари и пророки желали видеть, что вы видите (Лк.10:24). Значит, закон в качестве детоводителя вел их за руку, устремляя к будущей надежде.

Посредством которой мы приближаемся. Здесь присутствует скрытое противопоставление между нами и отцами. Ибо мы превосходим их в том, что с нами Бог общается близко, а им являл Себя неясно и в меньшей степени. Имеется и намек на форму скинии или храма. Ведь народ стоял тогда вдалеке, в преддверии, и никому, кроме священников, не подобало подходить к святилищу ближе. Причем, во внутреннее святилище входил только первосвященник. Теперь же, по устранении скинии, Бог допускает нас к близкому общению, ранее запрещенному отцам. Значит, те, кто до сих пор удерживает или восстанавливает тени закона, не только затемняют Христову славу, но и лишают нас великого блага. Он полагает преграду между нами и Богом, свободу приближаться к Которому дало Евангелие. Так всякий, приверженный закону, сознательно и добровольно лишает себя божественной близости.

20) *Не без клятвы*. Другой довод, почему закон сильно уступает Евангелию. Бог предпочел священство Христово священству Аарона, соизволив поклясться в честь первого. Ведь древних священников Он поставлял без какой-либо клятвы. О Христе же сказано: клялся Господь, что без сомнения сделано ради Его прославления. Мы видим, для какой цели апостол снова цитирует псалом. А именно, чтобы мы знали: по клятве Божией священству Христову присваивается большее достоинство, чем всем прочим. Далее, надо помнить о следующем положении: священник поставляется, чтобы быть поручителем завета. Посему апостол заключает, что завет, заключенный с нами Богом через Христа, много превосходнее древнего завета, поручителем которого был Моисей.

⁶ Подведением (ибо это, на мой взгляд, означает на греческом сочетание epeisagoogee)

⁷ Это уже в изд. 1551 г.

23. Притом тех священников было много, потому что смерть не допускала пребывать одному; 24. а Сей, как пребывающий вечно, имеет и священство непреходящее, 25. посему и может всегда спасать приходящих чрез Него к Богу, будучи всегда жив, чтобы ходатайствовать за них. 26. Таков и должен быть у нас Первосвященник: святой, непричастный злу, непорочный, отделенный от грешников и превознесенный выше небес, 27. Который не имеет нужды ежедневно, как те первосвященники, приносить жертвы сперва за свои грехи, потом за грехи народа; ибо Он совершил это однажды, принесши в жертву Себя Самого. 28. Ибо закон поставляет первосвященниками человекoв, имеющих немощи; а слово клятвенное, после закона, поставило Сына, на веки совершенного.

(23. Притом тех священников было много, потому что не допускались пребывать смертью; 24. а Сей, как пребывающий вечно, имеет и священство непреходящее, 25. посему и может всегда спасать приходящих чрез Него к Богу, будучи всегда жив, чтобы ходатайствовать за них. 26. Таков и должен быть у нас Первосвященник: святой, непричастный злу, непорочный, отделенный от грешников и превознесенный выше небес, 27. Который не имеет нужды ежедневно, как те первосвященники, приносить жертвы сперва за свои грехи, потом за грехи народа; ибо Он совершил это однажды, принеся в жертву Себя Самого. 28. Ибо закон поставляет первосвященниками человекoв, имеющих немощи; а слово клятвенное, после закона, поставило Сына, на веки совершенного.)

23) Притом тех. Прежде апостол уже приводил это сравнение. Но поскольку тема эта достойна более пристального внимания, он снова к ней возвращается, хотя и с другой целью. Прежде он делал вывод, что древнее священство должно было когда-нибудь закончиться, потому что его осуществляли смертные люди. Теперь же показывает, почему Христос остается священником вовеки, и делает это с помощью довода, основанного на различии. Древних священников было много потому, что священство их прекращалось со смертью. Но нет такой смерти, которая помешала бы Христу исполнять Свои обязанности. Значит, Христос один, и поставлен Он навеки. Таким образом, разные причины производят разные следствия.

25) Посему и может. Таков плод вечного священства – наше спасение. Однако этот плод, как и подобает, мы должны обрести верою. Там, где есть гибель или перемена, напрасным будет искать спасения. Посему приверженные древнему священству никогда не достигнут спасения. Говоря же о приходящих к Богу, апостол имеет в виду верующих, которые одни получают обретенное Христом спасение. Между тем он указывает и на то, что именно должна видеть в Посреднике вера. Высшее благо человека в том, чтобы соединиться с Богом, у Которого источник жизни и всяческих благ. Однако всем мешает придти к Богу собственное неверие. Значит, присущая Посреднику обязанность – помочь нам и протянуть руку, дабы возвести на небеса.

Апостол постоянно намекает на тени ветхого закона. Ибо, хотя первосвященник носил на плечах имена двенадцати колен, а на груди – их символы, он один входил во святилище, оставляя народ в преддверии. Теперь же, обладая через веру Посредником Христом, мы проникаем до самых небес, поскольку нет больше мешающей завесы, и Бог является нам открыто, милостиво приглашая к близкому доступу.

Всегда жив, чтобы ходатайствовать. Сколь же велик, и о какой любви свидетельствует этот залог! Христос живет не для Себя, а для нас. Он принят в блаженное бессмертие, дабы править на небесах. И все это апостол называет совершившимся ради нас. Значит, и жизнь, и царство, и слава Христовы предназначены к нашему спасению, как к своей цели. И у Христа нет ничего, что нельзя было бы приспособить к нашей пользе. Ведь Он дан нам Отцом с тем условием, чтобы все Его стало нашим. Одновременно, указывая на следствие, апостол учит, что Христос исполняет священническое служение. Ибо именно священнику присуще ходатайствовать за народ, обретая для него милость у Бога. И Христос делает это всегда, потому что именно для этой цели и воскрес из мертвых. Значит, Он по праву отстаивает за Собой имя священника, усердно исполняя его обязанности.

26) Таков и должен. Апостол рассуждает, основываясь на сопутствующих качествах. Эти качества или особенности необходимо требуются от священника: быть праведным, невинным и чистым от всякого пятна. Но подобная честь подобает одному Христу. Значит, у законнических священников не было того, что требуется для истинного исполнения их служения. Отсюда следует: у левитского священства не было совершенства, оно было законным не само по себе, но лишь постольку, поскольку прислуживало Христу.

Действительно, внешнее одеяние первосвященника как раз демонстрировало этот изъян. Ибо зачем дорогие и яркие наряды, коими Бог приказал украсить Аарона при исполнении служения? Для того, чтобы они служили символами святости и более, чем человеческих, добродетелей. Потому и использовались эти образы, что не было самой вещи. Итак, ясно, что один лишь Христос является пригодным священником.

Фраза же «отделенный от грешников» охватывает все остальное. Ведь у Аарона была некая святость, невинность и чистота, но лишь в небольшой степени, потому что его сквернили многие недостатки. Христос же, изъятый из числа обычных людей, один свободен от греха. Посему в Нем одном обнаруживается истинная святость и невинность. Ибо Христос не потому зовется отделенным от нас, что изгоняет нас из своего сообщества, но потому что по сравнению с нами имеет преимущество быть свободным от любой нечистоты. Отсюда мы выводим: все молитвы, не подкрепленные ходатайством Христовым, отвергаются.

Но можно спросить: отделены ли от грешников также и ангелы? Если да, то что мешает им быть священниками и нашими посредниками перед Богом? Ответ прост: никто не является законным священником, кроме как по заповеди Божией. Бог никогда не наделял ангелов такой честью. Значит, если бы ангелы без призвания впутались в эти дела, то совершили бы святотатство. Затем, как мы сразу же увидим в начале следующей главы, Посреднику между Богом и людьми надлежало быть человеком. Хотя вполне достаточно и последнего условия, приведенного апостолом: соединить нас с Богом может лишь тот, кто сам достигает Бога. А это не дано даже ангелам, поскольку они не зовутся вознесенными превыше всех небес. Посему одному Христу прилежит примирение нас с Богом. Ведь именно Он взошел превыше всех небес. Далее, выражение это значит то же, как если бы было сказано: Христос помещен над всеми тварными чинами, так что превосходит даже самих ангелов.

27) *Который не имеет нужды.* Апостол продолжает сопоставлять Христа с левитским священством. При этом он отмечает два главных недостатка древнего священства, из которых следует его несовершенство. Сначала он кратко излагает суть дела, а потом пространнее останавливается на отдельных деталях. Особенно на теме ежедневных жертвоприношений, ибо именно по поводу него шли ожесточенные споры. Коротко затрону каждую из обозначенных тем.

Первый недостаток ветхого священства состоял в том, что первосвященник приносил жертву также и за свои грехи. Но как может угодить Богу тот, кто сам Его прогневил? Значит, эти священники не были пригодны к умилощению за грехи. Второй недостаток в том, что священники приносили ежедневно разные жертвы. Отсюда следует: умилощения не было вовсе, ибо грех остается там, где повторяется очищение.

Положение же Христа совсем иное. И Сам Он не нуждается в жертве, не будучи осквернен каким-либо грехом, и жертва Его обладала таким качеством, что единственного принесения ее достаточно до конца света, ибо Христос принес Самого Себя.

28) *Ибо закон.* Из человеческих пороков апостол выводит немощь ветхого священства. Он как бы говорит: поскольку закон не поставил истинных священников, сей недостаток надо исправить чем-то извне. И он исправляется клятвой Божией. Ибо Христос поставляется священником не из числа обычных людей, но как Сын Божий, не подверженный никакому пороку, украшенный и наделенный высшим совершенством. Апостол снова говорит о том, что клятва была позднее закона, имея в виду, что Бог, не довольствуясь законническим священством, восхотел установить нечто лучшее. Ибо в божественных установлениях последующее переводит предыдущее в лучшее состояние, или же упраздняет то, что должно было существовать лишь временно.